

ВИЛМА ЯКОВЛЕВА

ПРОГУЛКА
ЗА
РУБИКОН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЧАСТЬ 1 И 2

18+

Вилма Яковлева

Прогулка за Рубикон. Части 1 и 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60814168

SelfPub; 2020

Аннотация

В романе четыре главных героя и четыре сюжетные линии, которые постепенно сходятся в одну. События происходят в начале 90-х годов в Латвии, России, Боснии, Йемене и в середине 10 века до нашей эры в Древнем Египте. Все герои оказываются перед непростым выбором, который делит их жизнь на "до" и "после". Он идет по следам древнего библейского мифа, который превращается в запутанную детективную историю. Кажется, что прошлое может объяснить настоящее. Но прошлое становится настоящим. Роман в двух книгах. В первой книге – две части романа, во второй – третья часть. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	4
Йемен. Май 1995 года	16
Часть первая	21
Латвия, Рига. 23 февраля 1990 года	22
Ленинград. 23 февраля 1990 года	49
Ницца, Южный берег Франции. 7 марта 1990 года	76
Древний Египет, Фивы. 974 год до нашей эры	106
Латвия, Рига. 2 марта 1990 года	134
Ленинград. Апрель 1990 года	162
Орбаган, Югославия. Апрель 1990 года	183
Египет, Фивы. 974 год до нашей эры	195
Латвия, Рига. Апрель 1990 года	223
Брюссель, Дурбан, Мукусю. Апрель 1990 года	253
Лондон, Париж. Апрель 1990 года	278
Древний Египет, Фивы. 974 год до нашей эры	306
Латвия, Рига. 3 мая 1990 года	334
Древний Египет, Фивы. 974 год до нашей эры	363
Конец ознакомительного фрагмента.	371

Предисловие

Эта книга – история шести человек, основанная на дневниках и воспоминаниях. Однако все описанные здесь лица и все обстоятельства, за исключением политических деятелей и исторических событий, вымышлены. Любое сходство с ныне живущими или уже ушедшими людьми – результат случайного совпадения. Некоторые исторические события смещены во времени, чтобы сократить объем книги.

Упомянутые в книге политики повлияли на судьбы миллионов людей, поэтому нелицеприятные оценки их личности не нарушают ни правовые, ни моральные нормы.

Все началось с моей командировки в Белград, когда боевые действия в Боснии уже закончились. Сербский журналист познакомил меня с российским добровольцем. Он был ранен в бедро и лежал в местном госпитале.

Его звали Виктор Шевардин. Он отказался от интервью, но, уходя на процедуры, сунул мне в руки перевязанную бечевкой папку. В ней лежали тетради, исписанные от руки, подшивки каких-то писем, фотографии документов и незнакомых мне мест. Я даже не сразу поняла, что это дневник. Тексты нервные, дерганные, очень небрежные, в некоторых местах вымараны целые абзацы.

«Почему вы отдаете эти материалы именно мне?» – задала я естественный вопрос.

«Я читал ваши статьи о боснийской войне, – ответил Виктор. – Они мне понравились. Кроме того, по происхождению вы – этническая латышка. События, описанные в дневнике, начинаются в 1990 году в Риге. Вам будет проще во всем разобраться».

«Мои латышские корни тут вряд ли помогут. Я родилась в Сибири и живу в Москве».

«Тем не менее».

«Вряд ли дневник недавних событий кого-то заинтересует, – продолжала возражать я. – Прошлое должно полежать на чердаке и покрыться пылью».

«Я понимаю, – согласился Виктор. – Но нет ничего более далекого, чем недавняя история».

«Можно, конечно, переписать дневник, превратить его в повествование от первого лица. Но тогда мне нужна дополнительная информация. Придется лепить образы, создавать настроение, описывать места событий. Вы знаете, что такое литературный антураж?»

«Догадываюсь».

«И еще. Почему в тексте так много исправлений? Дневник – это слепок повседневности, а не подбор слов, его не надо редактировать. Если дневник теряет непосредственность, он теряет смысл».

«Это не мой дневник, – признался Виктор. – Но там описаны реальные события. В них участвовало несколько человек. Я – в том числе. После госпиталя меня отправят долечи-

ваться в Подмоскowie. Если вы решите писать, я сниму для вас дом и буду всегда под рукой».

«А остальные?» – спросила я.

«В Москве живет женщина, которая может многое рассказать. Потом надо слетать в Лондон, к британской журналистке, ее зовут Вивиан Белчер. В Эфиопии живет еще одна свидетельница событий – Балкис Адеста. Она уже расшифровала часть древнеегипетских текстов, без которых вам не обойтись. Одним словом, весь необходимый «антураж» вы получите. Деньги – не проблема. Я оплачу вашу работу. У меня лишь одна просьба. Не надо раскрывать имени автора дневника. Да и всех остальных имен тоже. Все, что вы узнаете, еще не принадлежит истории».

«Мы можем кого-то обидеть?»

«Не думайте об этом».

«Тогда о чем я должна думать?»

«О читателе. Эта история интересна сама по себе».

Я прочла дневник за одну ночь. И даже села за компьютер. Но прошло еще несколько лет, прежде чем книга была готова. Все оказалось намного сложнее, чем казалось вначале.

В дневнике почти не было событий. Его автора интересовало одно – проблема экзистенциального выбора. Он подражает Камю и Сартру, пытаясь понять, что толкает человека на поступок. Но не находит ответа.

Его собственный выбор – бунт. Бунт одиночки. И я поняла, почему взялась за эту работу. В одиночном бунте есть

что-то завораживающее. Как в картине казни.

Порывшись в книгах, я определила своего героя как первобытного революционера. Он всегда на стороне тех, кто слабее. Тех, кто проигрывает. В гражданскую он был бы на стороне белых. Теперь он на стороне красных.

Ему везет. Он, как кот, постоянно падает на все четыре лапы. Но наступает момент, и «кот» падает с крыши небоскреба.

Сначала я решила предварить книгу известным высказыванием Сартра, что наша личность и наша жизнь не являются данностью – мы творим то и другое посредством своих поступков. Выбор, который мы совершаем в жизни, делает нас теми, кто мы есть. Мы сами решаем, переходить Рубикон или нет.

Но потом я отказалась от этой мысли. Во многих случаях наш выбор зависит не только от нас. А от кого? Не знаю. Во всяком случае, я не смогла свести поступки своих героев к сознательному выбору.

Я также не смогла установить целый ряд причинно-следственных связей. Например, каким образом взмах крыльев маленькой бабочки на руке египтянки три тысячи лет назад смог породить песчаную бурю в одной из крупнейших в мире пустынь – Руб-эль-Хали – поздней весной 1994 года.

По ходу работы меня постоянно преследовала мысль, что я стала жертвой мистификации, что в дневнике нет ни слова правды. Автор не перешел Рубикон, а остался сидеть на бе-

регу. Или же просто помочил ноги. Возможно, эти события могли с ним произойти, но не произошли. Однако Виктор и его подруга Камилла подтвердили все эпизоды, в которых они сами принимали участие. Были и другие свидетели.

Главный герой не только бунтует. Он идет по следам древнего библейского мифа. Если все, что он говорит правда, то это мировая сенсация.

Он ведет журналистское расследование трех уголовных дел, в том числе «дела» об убийстве древнеегипетской принцессы. В последнем случае ему мешает все – отсутствие трупа, улики и главного подозреваемого. Это превращает расследование в очаровательную химеру. Но неожиданно прошлое становится настоящим. И он снова оказывается перед выбором.

Дневник не обладал какими-либо литературными достоинствами. Он был «холодным». Автор не знал, как показать обычные повседневные чувства. Участники событий, описанных в дневнике, не живые существа, а носители той или иной идеологии. В тексте не было резких поворотов сюжета, переходов от надежды к отчаянию и обратно, не было сомнений, нервности, судорожности и прочих мук, предшествующих выбору. Не было ничего открытого и обнаженного. Никаких «охов» и «ахов». Никакой «исповедальни». Все эмоции стерты. Автор безжалостно убрал все «сопли», все что могло бы показаться «эмоциональной банальностью». Однако некоторые сцены, напротив, напоминали мексиканский

сериал, в котором все постоянно плачут.

Поэтому чувства мне пришлось придумать самой. От утреннего настроения героев до их сексуальных фантазий. Если я считала, что герой в той или иной ситуации должен согласиться, он соглашался, если отказать, то отказывал. Я решила не заморачиваться по мелочам. Какая разница, как это было на самом деле. Но, скорее всего, так и было.

Не тронутые мною куски дневника выделены шрифтом. Например, такие пассажи:

«... С трудом преодолеваю лень, заставляя себя вести этот дневник. Все равно я не пишу то, что думаю. Меня постоянно посещает мысль, что на свете нет ничего, что стоило бы записать.»

... За собственные мысли меня всегда охватывает стыд. Особенно за те, которые возникают на грани риска.

... Многое я вообще не способен облечь в слова, хотя и пытаюсь это сделать.

... Сегодня исписал десять страниц, но не сказал ни слова правды. Сплошные утайки. Чего я добиваюсь? Хочу понравиться самому себе? Это глупость. Но, с другой стороны, зачем мне быть слабаком в собственных глазах?

... Я никогда не любил автобиографические романы в жанре откровенных признаний. Сам я никогда ни в чем не признаюсь. Никогда и ни в чем. Даже на страницах дневника, который никто не будет читать, кроме меня самого. Я

Вру. Вру о себе. Вру о себе самому себе. Но что еще хуже – на подсознательном уровне я не считаю это враньем.

... Перечел то, что записал. Некоторые ощущения прошлой недели просто смешны. Дешевые переживания. Дурацкие интервью. “Что вы любите?” Я люблю подбирать каштаны. “А что не любите?” Не люблю жсенин в рваных колготках. “А музыку?” Люблю блюз. “Я видела вас в джаз-клубе”. Это случайность. Я не люблю джаз. Нет мелодии, просто ноты, импровизация, тысячи крохотных звуковых толчков, которые невозможно удержать в памяти. Мое рассуждение о джазе прошло незамеченным, а спич о рваных колготках растиражировали все бульварные газеты.

Тем не менее я продолжаю писать. Почему? Чтобы продемонстрировать свою непохожесть на других? Или из-за панической боязни небытия? Не знаю. Иногда мне кажется, что дневниковым словоблудием я просто компенсирую свое бессилие.

... Все думают, что я деятелен и честолюбив. Это не так. Я рассеян, постоянно ухожу в свои мысли, предпочитаю действовать по привычке.

У меня отличные отношения с детством и совершенно невозможные с юностью. Поэтому я никогда ничего не рассказываю о своем прошлом.

Что я умею? Да ничего. Нет, кое-что я все-таки умею. Например, умею убеждать. Могу убедить людей в чем угодно. Даже в полезности пива для печени.

Светские развлечения выношу только по долгу службы. Моя естественная среда обитания – тишина библиотек. Я теряю время целыми днями, а люди думают, что я занят. Грешу в пределах общественной нормы. Шмотки меня мало интересуют, я покупаю их, только когда без этого нельзя обойтись. Я, как и многие другие, часто начинаю с понедельника.

Конечно, у меня есть и хорошие качества: я не болею, могу долго терпеть неудобства, устойчив к морозам, хорошо хожу и бегаю.

... Еще раз перечитал дневник и ужаснулся тому, как время растрачивается впустую. 99% дня состоит из болтовни. Я пытаюсь придать каждому разговору экзистенциальный смысл, которого у него нет. В результате живой текст умирает.

... Я не вижу мелочей. Я вообще ничего не вижу. Мимолетные восприятия, мелкие факты, на первый взгляд несущественные, но которые потом складываются в неизбежность, пролетают мимо меня. И текст умирает во второй раз.

Что остается? Остаются пространные рассуждения по поводу и без.

... Я поймал себя на том, что постоянно редактирую то, что написал. Так что же я пишу? Дневник или роман? Язык, стиль? Ничего этого не надо. Надо просто сказать о непростых вещах. А я говорю непросто о простом.

... Я попытался сделать из своего дневника книгу. Подбирал слова, складывал из них фразы. Написал десять страниц. Потом перечитал текст. Все плохо. Одинокий бегун на длинные дистанции бежит от реальной жизни. Куда? Непонятно. Текст получился прерывистым, сентиментальным, откровенно циничным, мучительным и противоречивым. Такое впечатление, что его написал безнадежный мизантроп. На последних страницах все смешалось и рухнуло под грузом тягомотины.

Я понял одно: если сам буду писать, то это будет целиком вымышленное произведение.

Единственный выход – отдать дневник какому-нибудь литератору. Он напишет ерунду. Публике нравится переживать из-за ерунды. А мои метания – это именно ерунда. Но я не смогу описать их как ерунду. Ведь это моя жизнь. Она не может быть ерундой. Я не хочу, чтобы она выглядела как ерунда. Но тогда, что должно быть в финале? В финале неерундовой жизни может быть только смерть. Не годится. Где выход? Надо придумывать то, чего не было. Но у меня нет времени на выдумки.

... Я всегда понимал, что делаю. Но никогда не понимал, для чего я все это делаю. Ради денег, ради славы или только потому, что это меня забавляет? Чего я хотел в тот день, когда перешел Рубикон. Власти? Только не это. Да, я перешел Рубикон. Но не для того, чтобы идти на “Рим”. Я просто хотел прогуляться на другом берегу реки.

Помню, меня упорно преследовала мысль: “Не надо, не надо этого делать. Прочь от этой грязной канавы. На том берегу нет ничего, кроме разочарования и тоски”. Но что-то неотвратимо заставляло идти.

... Как происходит выбор? По спине пробегают мурашки. Возникает легкое головокружение. Мелькает силуэт. Кто-то подает знак. Что это? Судьба? Но что-то явно начинается. Я чувствую: вот она – последняя минута прежней жизни. Все кругом уменьшается в размерах, как будто удаляясь и маня за собой.

Интересно, какие чувства возникают позже, перед расстрелом... “дурак, какой же я дурак”. Или: “я сделал все, что мог”. И надпись на могильном камне: “Он пытался...”

... Что я увидел на другом берегу реки? Ничего такого. Хотя, не знаю, что-то все-таки изменилось. Шел дождь. Слишком много дождя, как в фильмах Тарковского. Дождь и чувство вины, как в книгах Моэма. Я сидел у окна и наблюдал за стекавшими по стеклу каплями. Они вздрагивали под порывами ветра и двигались зигзагами, сливаясь по пути, оставляя за собой серебристый след.

Что еще? Не помню.

Тогда я впервые почувствовал в себе способность оправдать любой свой поступок и придать мистический смысл тому, что я делаю. Даже своему проигрышу.

Да, я проиграл. Я сошел с подмостков исторического спектакля под плевки зрительного зала. Чтобы выиграть

потом. Чуть позже. Ведь боги всегда выравнивают счет.

Я шел по городу в черном длинном пальто из тонкой шерсти, демонстрируя окружающим легкое высокомерие и полную уверенность в себе. Только моя жена знала, что цена всему этому – грош.

... Меня перестало волновать то, что думают обо мне люди. Уроды, господа, какие же все уроды! Бараны. Жизнь большинства из них не назовешь даже нормальной. Все только и думают, как уберечь свою задницу. Но получают именно пинком под зад.

Так им и надо! Видит бог, и я, наконец, поверю в возмездие».

Сделать из этой белиберды художественное произведение было крайне сложно. Мне пришлось переписать текст заново. Фактически я провела деконструкцию текста, проникла в его скрытые смыслы, выявила аллюзии и значения второго порядка. А потом сконструировала текст заново. До сих пор не могу понять, как мне удалось довести дело до конца.

Около года я изучала Древний Египет. Причем самые неисследованные страницы его истории – XXI династию. Египтологи, к которым я обращалась за консультацией, только разводили руками.

Потом мы с Виктором полетели в Эфиопию к Балкис. Это была красивая черная женщина с европейскими чертами лица. Я прочла сделанный ею перевод древнеегипетских руко-

писей, относящихся к нашей истории, но пообещала не разглашать тексты, пока они не появятся в научных изданиях. Поэтому книга пролежала на полке еще два года. Но тексты так и не были опубликованы.

В этой книге древнеегипетские тексты печатаются впервые. В оригинале они существуют в форме подстрочника на английском, латышском и немецком языках, поэтому содержат много языковых неоднозначностей, допускают нарушение привычного смысла слов, вызывают странные ассоциации. Я пробилась и через это.

Я постоянно ловила себя на том, что думаю о розыгрыше. Мне казалось, что все женщины в этой истории – одно и то же лицо, которое проходит через перечень ролей. И мужчины тоже. Когда я сказала об этом Виктору, он только пожал плечами.

Несмотря на абсурд начала 90-х, автор дневника передает ощущение реального мира того времени без языковых деформаций, что отдаляет от текста улицу, но приближает смыслы. Я сохранила этот стиль, в том числе и в описании Древнего Египта, хотя очень хотелось придумать для египтян необычные языковые выверты. В книге египтяне говорят на современном языке.

Когда все утряслось, я спросила Виктора, с чего начинать. Он немного подумал и ответил: «Начинайте с конца».

И я начала писать.

Йемен. Май 1995 года

Жаркий день. Каменистый склон столовой горы, поросший чахлым кустарником. Три человека – белый мужчина и две женщины, белая и черная, идут вверх по склону. Они одеты в легкие спортивные костюмы, на ногах кроссовки, за плечами рюкзаки. Подъем становится все круче.

Мужчина:

– Мертвые уходят в землю, а наша царица забралась на самый верх.

Белая женщина:

– Она хотела быть ближе к богу и дальше от людей.

Мужчина первым взбирается по осыпи наверх, из-под его ног вниз летят мелкие камни. Он оглядывается на женщин. Они карабкаются за ним, чуть сбоку, хватаясь руками за кусты.

Мужчина взбирается на вершину и подает руку женщинам. Все трое наверху. Смотрят вниз. Там простирается каменистое плато, разрезанное глубокими ущельями.

Все трое садятся на землю, чтобы перевести дух. Их окружают развалины древнего храма. К небу тянутся каменные колонны высотой 8–9 метров и полуразрушенные стены высотой 5–6 метров. В расщелинах между камнями растут темно-красные цветы, среди них ползают ящерицы.

Черная женщина:

– Здесь дуют сильные ветра, они не дали песку засыпать всю эту красоту.

Мужчина, орудуя лопатой, отбрасывает песок и щебень у одной из стен храма и расчищает кладку кирпичей из необожженной глины. Под ней ступени, ведущие вниз. Все трое зажигают фонари и спускаются вниз, страхуя друг друга. Справа и слева проступают контуры огромных крылатых львов из желтого известняка.

Все трое некоторое время стоят у полуразрушенной стены, закрывающей вход в усыпальницу. Фонари освещают крылатые фигуры с головой орла, стоящие вдоль стен. Повсюду валяются кирпичи, разбитые вазы и погребальные статуэтки. Две стены густо покрыты древнеегипетскими иероглифами.

Черная женщина показывает на иероглифы:

– Вот он – дневник Нефера.

Мужчина показывает на лежащий на земле скелет:

– А это он сам.

Мужчина зажигает факел и подносит его к чашечкам масляных ламп. Они загораются. Первая, вторая, третья. Из темноты медленно, выплывает ковчег с роскошным саркофагом в форме человеческого тела. Ковчег вскрыт. Плита саркофага сдвинута. Покровы валяются на земле. В саркофаге лежит «голая» мумия, устремив взгляд в никуда.

Мужчина и женщины некоторое время стоят возле саркофага.

Мужчина:

– Почему ее распеленали?

Черная женщина:

– Чтобы снять нательное золото.

Мужчина обходит саркофаг и осматривает стену. На ней девять надписей, выполненных древнеегипетскими иероглифами. Они расположены друг над другом. Верхняя надпись заключена в картуш. Мужчина вынимает из рюкзака долото и молоток и сбивает одну из надписей. Потом перчаткой аккуратно очищает от пыли и патины картуш. Иероглифы внутри него начинают чуть заметно светиться.

Мужчина:

– Правосудие свершилось. Хотя все это больше похоже на компьютерную игру.

Черная женщина:

– Я до сих пор не уверена, что мы все делаем правильно.

Белая женщина:

– Моя совесть молчит. Конечно, можно было этого не делать, но зов из прошлого не так безобиден, как кажется.

Мужчина:

– Есть имя, есть человек, нет имени – нет человека.

Черная женщина:

– Не совсем так. Древние египтяне считали, что сохранение имени равноценно обретению бессмертия. А уничтожение имени... это некое подобие аннигиляции.

Черная женщина фотографирует все подряд. Лампы по-

степенно гаснут. Остается только свет фонарей.

Мужчина и женщины идут обратно. Вдоль стен стоят по-луистлевшие корзины. Они останавливаются около них. Одна корзина полностью развалилась и из нее высыпались золотые украшения – ожерелья, перстни, браслеты с инкрустациями, нагрудные украшения с подвесками в виде цветов лотоса, цветы из драгоценных камней.

Черная женщина:

– Кто-то хотел унести все это, но не успел или не смог. Мне кажется, это было очень давно.

Мужчина:

– Что будем с этим делать?!

Белая женщина:

– Подумаем об этом завтра.

Все трое вылезают на поверхность.

На вершину столовой горы опускается ночь. Звезд очень много, и кажется, что они совсем близко.

Черная женщина показывает на одну из звезд:

– Сириус. Ее звезда.

Написав это, я решила начать не с конца, а с самого начала.

Когда книга была написана, мы вчетвером – Виктор, Вириан, Балкис и я полетели в Сану, столицу Йемена, и оттуда на джипе отправились в пустыню. Там мы довольно быстро нашли то, что искали. Это были два египетских иероглифа, вырубленных на скальной стене. В лучах заходящего солнца

они засветились нежным, трепетным светом, и на нас снизошло умиротворение.

Часть первая

Латвия, Рига. 23 февраля 1990 года

В зале постепенно загорался свет, по гаснущему экрану побежали финальные титры. Захлопали стулья, раздались вялые аплодисменты.

Зрители потянулись к выходу. Молодая супружеская пара прижалась к стене, пропуская мимо поток людей. Мужчина зарылся лицом в шарф, женщина повисла у него на руке, чуть покачиваясь в такт звучащей музыки. Думая о чем-то своем, она спросила:

– И что в этом фильме такого?

– Ничего! Обычное голливудское сюсюканье. Фильму уже лет пятьдесят.

– Почему его не показывали?

– Хорошими парнями должны быть северяне, а не южане. Так нас учили в школе, – мужчина перемотал шарф и поднял воротник пальто. – Кстати, я спускался по лестнице, по которой скатилась Скарлет. Отель Jefferson в Ричмонде. Там внизу дорогуший ресторан.

Женщина посмотрела на мужчину снизу вверх:

– Нас тоже скоро унесет ветром.

Стараясь не открывать лица, мужчина протянул руку старушке, застрявшей между стульями, и помог ей выйти в проход. Прихрамывая, она засеменила к выходу, у которого толпились оживленные пожилые люди со значками Народного

фронта на груди.

– По-латышски название фильма звучит иначе: не «Унесенные ветром», а «Вслед за ветрами». У меня была эта книжка, изданная еще до войны, с лубочными картинками для чтения на сеновале.

Женщина кивнула в сторону старичков:

– Похоже, вспоминают свой сеновал. Оттуда их и сдуло. Теперь наша очередь пойти «по ветру», – она вытащила нитку из своего шарфа, положила на ладонь и сдула. – Вот так!

– Да ладно тебе! Я все это вижу по-другому. Представь, мы выходим на улицу, а там не 1990-й, а 1939 год, и для всех этих старичков и старушек наступает светлый праздник еще не прожитой жизни.

– Ужас!

– Почему? Время относительно. Можно идти вперед в прошлое и назад в будущее. Такое происходит довольно часто. Оказывается, в конце 40-х я работал в НКВД и ссылал латышских крестьян в Сибирь. В трех газетах вчера написали.

– Когда же ты успел? Твои родители тогда еще не были знакомы.

– А вот так! Обычно «оттуда» приходят «после», а я ухитрился прийти «до». Думаю, в мистической истории человечества такое происходит впервые. Надо отослать газеты и метрику в Книгу рекордов Гиннеса. Может, премию дадут.

– Тебе все это еще не надоело?

– Пока нет.

Они вышли из кинотеатра. Мужчина раскрыл зонт, прикрывая жену от мокрого снега. Чья-то ладонь хлопнула его по плечу.

– Эдди! *Wie gehts?* (как дела. – нем.).

Мужчина резко обернулся и облегченно вздохнул.

– А, это ты, Боря. *Сomme si, comme ça* (так себе; кое-как. – франц.). Учим язык новых хозяев?

– Ха! Новый хозяин всегда лучше старого. Это единственный урок истории, усвоенный твоим многострадальным народом.

– Наверно, я должен обидеться.

– Какой из тебя латыш, Эдди! Только фамилия, да экстерьер. Мысли у тебя не те. Недавно прочитал твою статью в молодежке, ну... там, где про государственный язык. Ну, ты молодец! Мы у себя в Германии от души хохотали. Эти синие чулки из института филологии, ей-богу, полезут к нам в постель со словарем.

– Положишь словарь им под ягодицы.

– Ха! Я заставлю их перед еб.., – Борис театрально прикрыл рот ладонью, – извините... перед сном прочитать пару страниц Талмуда на арамейском. А если нет, то нафиг с койки!

– Да-а, у вас обоих весьма утонченная политическая ориентация! – заметила женщина.

Разбрасывая снежную грязь, мимо с грохотом пронеслась

грузовая машина. Эдд взял Бориса и жену в охапку, увлек в сторону и развернул лицом друг к другу.

– Познакомьтесь. Это Борис, друг детства. Уже два года живет в Германии и непонятно зачем вернулся. Редкостный бабник и знаток Талмуда. А это моя жена. Ее отец был большим оригиналом и назвал Марселлой. Можно просто Марсо.

– О-о! – Борис прищелкнул языком и расплылся в широкой улыбке. – Какое имя! Ветер южных морей и шелест виноградинок. Алые паруса на горизонте.

Марсо изобразила вежливую улыбку:

– А почему не Марсельеза и «свобода на баррикадах»?

– О! – Борис даже как будто подпрыгнул. – Открою одну тайну. Эдд в молодости коллекционировал изображение свободы в стиле топлесс. Особенно мне нравилась одна фотография – Париж, 68-й год, баррикады Нантена, и стриптиз на груди какого-то барахла.

Эдд прижал жену к себе:

– Он врёт. Кроме этой фотографии и репродукции картины Делакруа у меня ничего нет.

Но Марсо не унималась:

– Раз вы давно знаете Эдда, скажите мне, он что, не додрался в детстве?

Борис простер руки к небу и произнес замогильным голосом: «Пепел Клааса стучит в его сердце».

– Имеете в виду его деда?

– Да, старый Лоренц был редким забиякой. Мы вместе жи-

ли на горкомовской даче в Юрмале. Он постоянно ссорился с властью. Так что Эдд – потомственный скандалист. А в срок лет еще остаются силы что-то изменить.

Марсо снисходительно посмотрела на мужа:

– *«А он хотел переделать мир, но, слава богу, не знал как»*. Нельзя браться за переделку мира, если сам еще недоделан.

Борис расхохотался:

– Да, с твоей женой не соскучишься, – он положил руку Эдду на плечо. – Сильно тебе достается, дружище?

Эдд равнодушно махнул рукой:

– Обычные унижения. Национал-демократический плевок ложится ровно в пяти сантиметрах от моих ног.

– Европейская норма, – Борис вынул из кармана трубку и постучал ею по костяшкам пальцев. – Слушай Эдди, без шуток, для меня это очень важно: Союзу, судя по всему, кранты?

– Да.

– Кто бы мог подумать...

– Подумать было можно. В России сбываются только самые несбыточные прогнозы.

– Как говорят немцы: *Das uberunmuglichste ist muglich* (самое невозможное возможно. – нем.). Теперь вопрос – когда?

– Как говорят китайцы: «Стрела уже пущена, но птица еще поет в кустах». Латвия выйдет из Союза в начале мая. Про остальных не знаю. Но они тоже выйдут. И начнется ха-

ос.

– Хаос – это хорошо, – задумчиво протянул Борис. – Помнишь, у Ницше? «Только тот, кто носит в своем сердце хаос, может родить новую звезду». А российский хаос – это еще и особый вид гармонии. То же самое, что заварить кашу.

– У Ницше: «Может родить танцующую звезду». Вот мы и потанцуем. Недавно был на совещании у Горбачева. Полный бред. Этот сукин сын выпускает на волю всех бесов.

– Надо перечитать Достоевского!

– Надо. Похоже, что Россия опять готовится растерзать себя с обычным для себя безумием. Тупая петроградская матросня 17-го по сравнению с нынешними московскими демократами просто ангелы.

– Ты же верил Горбатову¹.

– Верил, не верил... Какое это теперь имеет значение? Редкая сволочь! Он, как царь Мидас. Только тот, к чему бы ни прикасался, превращал в золото, а этот все превращает в дерьмо.

Мокрый снег ударил Эдда по очкам, и он снял их, чтобы протереть стекла.

– Бр-р! Ну и погода! – Борис зажал трубку в зубах, растегнул пальто и тоже стряхнул с него налипший снег. – С Россией все понятно. А что с Латвией? К какому берегу нас прибьет на этот раз?

¹ Горбачеву.

– К новому берегу². Relax от коммунизма здесь может быть только национальным, а так как национализм последнее прибежище сам знаешь кого, ничего хорошего не жди.

– Это-то я понимаю. Мне непонятно другое. Брюссель – не Москва, просто так денег не даст. Если националы не сменят риторику, то брюссельские бюрократы paradis mums tadu eiġoras kunas mati³, что московские чиновники покажутся сущими ангелами.

– Ты, я вижу, еще не забыл латышский язык.

Борис сложил ладони рупором и прогудел по-латышски: «Не хочу быть пасынком Москвы, хочу быть иждивенцем Брюсселя». Потом вытер мокрые ладони о пальто и покачал головой: «И о чем только твои латыши думают? Надо же что-то продавать».

Эдд надел очки и взгляделся в пелену снега.

– Ты допускаешь типичную ошибку интеллигентного еврея, думая, что другие тоже думают. Никто ни о чем не думает. Все ликуют и поют. Первую республику погубило то, что народ относился к государству как к своему хутору. Сегодня мне опять говорят о совершенно фантастических качествах моего народа как землепашца. Кроме того, всем тут разъяснили, что Москва не понесет нефть ведрами и можно до скончания века стричь купоны с нефтяных терминалов

² Намек на знаменитый роман латышского писателя Виллиса Лациса «К новому берегу».

³ ... покажут нам такую европейскую кузькину мать (лат.).

Вентспилса, – Эдд сощурил глаза. Маслянисто-желтый свет фонарей падал на тротуар и расплывался ажурными кругами. – Видишь радужную лужу под ногами? Будем качать нефть из-под асфальта.

Марсо дернула Эдда за рукав пальто:

– Нам пора.

– Я вас подвезу! – Борис махнул рукой и рядом с ними, скрипнув тормозами, остановился «кадиллак».

– Спасибо! Нам недалеко. Надо забрать дочь из Дома офицеров. Она сегодня танцует и поет перед армией «оккупантов». Праздничный концерт перенесли за город⁴. Хватило ума. Детей привезут обратно на автобусе. Откуда у тебя «кадиллак»?

– Кормлюсь энергией распада, – рассмеялся Борис. – Завожу из Китая компьютеры, оформляю их как маринованный бамбук, плачу минимальную пошлину, отправляю в Китай часть денег. Остальные деньги перевожу китайцам как плату за постижение великой мудрости Конфуция. Это пошлиной вообще не облагается. Ну и еще по мелочам. Беру невозвратные кредиты, дистри..бутирую спирт «Рояль», перепродаю в десятый раз вагон сахара, записываю в конец видеокассеты ядреную немецкую порнуху. Много чего.

– Я тоже торгую.

– Это невозможно! Чем же?

Эдд напустил на себя гордый вид:

⁴ 23 февраля – День Советской Армии.

– Псевдоконсалтинговыми якобы-услугами.

– Обналичка? Понятно! Вот почему мои компьютеры уходят влет.

– Буду гореть в аду.

– Из университета выгнали?

– Сам ушел. Избирался в Верховный Совет Союза. Не хватило какой-то тысячи голосов. Ты, наверно, знаешь – мой дед был делегатом Второго съезда Советов, на котором провозгласили советскую власть. А я хотел присутствовать на ее похоронах. Не получилось. Теперь вот избираюсь в Верховный Совет республики.

– Завязывай ты с политикой. У меня грандиозные планы. Отправлю тебя за границу. Заработаешь, прошвырнешься.

Марсо показала Борису кулак: «Я ему прошвырнусь».

Борис сел в машину

– Пока, ребята, я вас очень люблю, звоните!

Марсо зябко поежилась:

– Ну и тип!

– Хороший парень. Мы знаем друг друга с трех лет. Прирожденный фарцовщик и матерый сионист.

Они пересекли парк и вышли на широкий бульвар. Людей становилось все больше. Эдд посмотрел на жену. Она нервно озиралась по сторонам, не понимая, что происходит. В нос ударил едкий запах толпы.

Эдд вскочил на гранитный парапет. Там впереди, перед Домом офицеров, вся проезжая часть бульвара была забита

людьми. Над морем голов торчали камеры съемочных групп.

Он все понял: дорогу к дочери преграждала многотысячная толпа Народного фронта. Отдельные выкрики сливались в общий вой: «*Ivan go home, Ivan go home*». Потом толпа принялась ритмично скандировать: «Чемодан, вокзал, Россия! Чемодан, вокзал, Россия!»

Дом офицеров был погружен во мрак и казался вымершим. Свет виднелся только в окнах кафе чуть сбоку.

Эдд посмотрел на жену, в ее глазах разгоралась паника, а нос издавал слабые звуки «хнык, хнык». Потом он услышал, как она набирает в грудь воздуха, и внутренне сжался.

– Ты... ты, что, не знал, что они... они будут здесь безобразничать?

– Это просто очередной митинг. Идем!

Лучше было бы подождать, пока люди разойдутся. Но Эдд знал, что Марсо ждать не будет. Он схватил ее за руку и всем своим весом навалился на толпу. Толпа заворчала, но расступилась и также ворчливо сомкнулась за ним. Он крепче сжал в кулаке ручку зонта, готовый использовать его как боевую трость.

Ближе к центру людской поток сворачивался в спираль. Образовавшаяся воронка засосала их обоих, но тут же выплонула наружу. Они шли и шли, крепко держась за руки, и никак не могли пройти, как в кошмарном сне.

Эдду стало казаться, что перед ним развернут огромный киноэкран, и тени людей, накладываясь друг на друга, пере-

текают туда, в другую реальность. Надо немного подождать. Он выдернет вилку из розетки, и экран потухнет. Все исчезнет. Останутся только они вдвоем. Он свернет экран и закинет его на старый пыльный шкаф. В его школе, которая тут за углом, был такой шкаф. Старый сломанный шкаф. Вполне подходящий шкаф.

И снова коллективный оргиастический крик: «Ivan go home, Ivan go home». Голоса сливались в сплошную, давящую массу.

Наконец он пробился к закрытой двери и, загородив глаза ладонями от уличного света, попытался сквозь стекло бокового окна что-то разглядеть. За его спиной ахнули: «Да это Лоренц!» Он напряг глаза, но увидел лишь слабый рассеянный свет над конторкой у проходной.

Стараясь смотреть поверх голов, чтобы ни с кем не встретиться взглядом, Эдд потянул Марсо ко входу в кафе. «Это Лоренц!» На последних метрах пути им дорогу преградил плотный пожилой мужчина. Эдд корпусом оттеснил его в сторону и забарабанил кулаком по дверному витражу.

Дверь не открывали.

Вой сзади нарастал. Он почти физически ощутил, как злая энергия толпы хлещет ему за шиворот, как чужая рвота. *«Это Лоренц!»*

Он снова несколько раз со злостью стукнул кулаком по витражу.

Наконец дверь приоткрылась. Он быстро втолкнул в об-

разовавшуюся щель Марсо. Потом пролез туда сам.

В кафе было несколько мужчин в гражданской одежде.

Эдд сразу же направился к двери, ведущей из кафе в фойе Дома офицеров. Кто-то прокричал ему вслед:

– Товарищ Лоренц! Такой охраны, как у вашей дочери, нет даже у президента.

Марсо вбежала в фойе и схватила дочку на руки.

В фойе было еще несколько детей, руководительница детского ансамбля, один автоматчик, сидящий у проходной, и молоденький лейтенант, затянутый в ремни портупей. В проемах окон колыхалась толпа, освещенная светом уличных фонарей.

Эдд подошел к лейтенанту.

– В осаде?

– Пусть только сунутся. Мало не покажется!

– Как вообще?

– Плохо! Не знаем, что делать, то ли вещи собирать, то ли в морду бить. Лучше, конечно, в морду.

– В морду надо бить не здесь, а в Москве.

– Прибалтику удержим?!

– Нет, ее продали вместе с Восточной Германией еще на Мальте.

– Так какого черта мы тут делаем?!

– На вывод войск и кражу военного имущества требуется время.

– Да-а, что тут скажешь! Я проведу вас погребами, вы

выйдете на бульвар Райниса, там пусто.

Они выбрались на бульвар из какого-то полуподвального помещения. Справа высилось серое здание университета. На другой стороне бульвара начинался парк, а немного дальше темнела вода городского канала. За каналом теснились серые дома старого города и проносились ярко освещенные изнутри трамваи.

Они пошли пешком. С моря дул сырой свежий ветер, под ногами хлюпал тающий снег.

Эдд посмотрел на жену. Она шла в каком-то оцепенении, крепко держа дочь за руку, глядя прямо перед собой.

Он вспомнил хмурое утро 12 ноября 1988 года, когда у него еще оставался выбор. Погода была ужасной. Только что выпавший снег таял, обнажая островки асфальта. Он натянул пальто и тихо выскользнул из квартиры. Почтовый ящик был за углом. Не дрогнувшей рукой он бросил в него запечатанный конверт. Все! Рубикон перейден. В конверте была статья, в которой он назвал Первый съезд Народного фронта, на который молилась половина Латвии, этническим кретинизмом. И этим подписал себе приговор на всю оставшуюся жизнь.

Если тогда у него и возникло сомнение, то лишь в последнюю долю секунды, когда, стоя на промозглой мостовой и глядя в черную прорезь синего в прожилках ржавчины почтового ящика, он трусливо подумал: «Зачем?» Это была та самая вялая нерешительность, которая посещает неуверен-

ные в себе натуры после резкого порыва к действию.

Хлопок крышки почтового ящика разделил его жизнь на «до» и «после».

За ходом 1 съезда Народного фронта следило практически все население республики. Поэтому его статья вызвала шок. Он в одночасье превратился в объект ненависти латышей и кумира русскоязычного населения Латвии.

Он знал, что Горбачев под давлением Запада сдаст Прибалтику Европейскому Союзу. Вопрос – когда и как. Он внимательно следил за переговорами на Мальте и понял, что сделка состоялась. Оставался вопрос – как. Что делать с двумя миллионами русскоязычных жителей Латвии, Эстонии и Литвы?

Складывалась ситуация, похожая на уход Франции из Алжира.

После съезда «народников» были опубликованы копии секретных протоколов пакта Молотова-Риббентропа, подтверждающие, что в 1940 году Латвия, Эстония и Литва были оккупированы советскими войсками и незаконно включены в состав СССР. Люди, взявшись за руки, выстроились в непрерывную цепь вдоль всей дороги от Таллинна через Ригу до Вильнюса, требуя независимости для своих республик и с надеждой глядя на Запад. Началась песенная революция.

В одной из своих статей он доказал, что оккупации Латвии в 1940 году не было. Была инкорпорация, что предполагало совершенно иные правовые последствия. К этому он доба-

вил, что Россия и Советский Союз – это империи наоборот: в метрополии люди всегда жили хуже, чем в колониях. Кто кого кормит – это еще вопрос. От развала Союза выиграет только Россия.

После этой статьи ему пришлось уйти из университета.

В другой статье он поиздевался над только что принятым законом о государственном языке. Его стали узнавать на улице.

Потом он написал статью «Коричневый соблазн песенной революции», предвидя шествие престарелых латышских легионеров 16-й дивизии Waffen SS и их фанатов по улицам Риги.

Это был конец.

Но тогда же он понял и другое – если в эпоху перемен тебя нет на страницах газет или на экране телевизора, то тебя нет вообще.

Он хорошо помнил свою последнюю лекцию в университете. Зал поднимался вверх наподобие амфитеатра. В сводчатые окна светило осеннее солнце. Он сел за квадратный стол, игнорируя трибуну. Несколько девушек в первом ряду вызывающе раздвинули ноги, и это заставило его встать и пересечь на подоконник.

Он не питал особого уважения к тому, что преподавал, но, несмотря на это, студенты толпой валили на его лекции.

В этот раз зал был переполнен. Те, кому не хватило мест, стояли в проходах и толпились у двери.

Он понимал, что читать лекцию не получится. Всех интересует одно – что будет? Он знал. Но не знал, как об этом сказать.

Студенты терпеливо ждали.

«Успех того или иного общества, – начал он, глядя в зал, – зависит главным образом от его институционального выбора. Что такое институты, вы знаете. Это установленные нормы, правила и ограничения. Дуглас Норт приводит такой пример. В XVI веке Англия и Испания шли вровень. Но потом Испания отстала и отстала навсегда. Почему? Была допущена ошибка, которую Норт назвал «ошибкой первоначального институционального выбора». В Испании налоги попали в руки короля, а в Англии – в руки парламента. Так сложилось. Но этого хватило, чтобы позже весь мир заговорил по-английски, а не по-испански».

Никто ничего не записывал, было лишь несколько включенных диктофонов. Он не любил, когда за ним записывают, и студенты это знали. Они слушали.

«Заметить институциональную ошибку очень сложно. Вначале все кажется правильным. Но потом мир вокруг начинает рушиться. Чтобы исправить ситуацию, требуются не годы, а столетия.

Скоро наша республика выйдет из состава Союза, и нам предстоит сделать свой институциональный выбор после сорока лет социализма. Думаю, мы сделаем его неправильно. По крайней мере, я не вижу ни одной здоровой идеи. Из нас

опять сделают санитарный кордон против России. Институты мы будем создавать по лекалам Германии, но ничего, кроме тотальной коррупции, не получим. Латвия станет не балтийской Швейцарией, о чем постоянно говорят, а всеевропейским хосписом. Многие из вас уедут. А те, кто останется, будут подтирать немецким пенсионерам... задницу».

Он чуть было не сказал – «жопу».

В перерыве он качался на стуле и смотрел в окно. Голые черные ветви деревьев жестикулировали на ветру, как пьяные попрошайки. Было грустно. Отношение к нему студентов значило для него намного больше, чем он готов был признать.

Думая о своем, он не заметил, как в аудиторию тихо зашел заведующий кафедрой. «Только что собрали ученый совет, – сказал он, – будут решать, что с тобой делать». И, столкнувшись с равнодушным взглядом, добавил: «Это твоя жизнь... Как задумал, так и действуй. Запрет на профессию – это своего рода орден за заслуги перед отечеством».

После перерыва в дверях появился декан. За ним маячила фигура заведующего учебной частью. Оба кесаря взобралась на задний ряд, им уступили место, и они сели. Видимо, совет университета только что внес его в проскрипционные списки.

Тем не менее вторая часть лекции вполне удалась.

«Поведение общественных систем непредсказуемо в принципе. То и дело возникают точки бифуркации. В таких

точках небольшой толчок в заданном направлении может привести к изменениям библейского масштаба. Октябрь 17-го был точкой бифуркации для Российской империи. Большевики взяли власть голыми руками. Летом 18-го их не поддерживал никто, кроме латышских стрелков. Так что Россия тоже может предъявить нам счет. Стрелков было не больше тридцати тысяч, включая моего деда, – раздался смех, и он еле успокоил аудиторию. – Давайте продолжим. Так о чем мы? О том, что «mazs cinitis gaz lielu vezumu»⁵. По моим расчетам, точкой бифуркации для Советского Союза станет август–сентябрь 1991 года. Из Союза выйдут все союзные республики, и мы перестанем быть исключением. О нас просто забудут».

Называя конкретную дату, он рисковал. Все его предыдущие предсказания сбывались, как у Александра Дюма, – двадцать лет спустя. Еще студентом на одном из семинаров по философии он ляпнул, что Советский Союз бездарно развалится. Тогда его чуть было не выгнали из комсомола. Но сейчас он был почти уверен, что с прогнозом не промахнется.

В конце лекции у него на глаза навернулись слезы.

«Я хочу, чтобы вы понимали: институциональный выбор, который делает общество, не освобождает человека от его собственного выбора, – он сделал небольшую паузу, и озабоченная люминесцентными лампами аудитория замерла. – Каждому из нас придется его сделать. Не смотрите на тол-

⁵ ... маленькая колдобина опрокидывает большую телегу (лат.).

пу. Смотрите поверх голов. Только тогда вы сможете увидеть дорогу. Желаю вам всем выдержки и терпения, здоровья и какой-нибудь веры».

Раздались аплодисменты.

Он постоял у доски, глядя на выходящих из аудитории студентов, пытаясь запечатлеть в памяти ощущение последней минуты.

Оба кесаря ждали за дверью. Он замедлил шаг, чтобы между ним и студентами образовался разрыв, и, проходя мимо декана, послал его по-русски на три буквы.

Вот так он вылетел из университета без всякой надежды быть кем-то подобранным. Кроме преподавательской зарплаты, у него не было других доходов.

Он мог издавать газету, составлять контракты, посредничать в сделках. Мог превратить в деньги скоротечную славу. Или повернуть одну единственную, но большую сделку, заработать и слинять.

За три месяца он создал консультационную фирму, заключил фиктивные договоры с несколькими государственными предприятиями и обналичил около полумиллиона дешевеющих рублей. Финансовой катастрофы не произошло. Она просто задержалась на время.

Эдд шел по правую руку от жены, постоянно срываясь с тротуара на проезжую часть. Надо было что-то сказать. Но что?

Марсо молчала. Временами она поднимала голову, чтобы

бросить на мужа осуждающий взгляд.

Улица была совершенно пуста. Вместо снега пошел мелкий дождь, и огни города причудливо отражались на мокром асфальте. Угол одного из домов был залит сумрачно-зеленым светом аптечного киоска.

– Я никогда не думал, что вместе с историей повторяется и ее поэтический антураж, – Эдд сделал неопределенный жест рукой. – Помнишь, у Блока: *«И повторится все, как встарь: ночь, ледяная рябь канала, аптека, улица, фонарь»*.

Марсо посмотрела на него так, как будто только что очулась от обморока. В ее глазах появилась осмысленность:

– Все, я больше так не могу. Объясни, что происходит.

– Мы уходим от погони. Огородами.

– Нет, я хочу понять, что происходит с тобой.

– Ничего такого не происходит, – Эдд успокаивающе положил ладонь жене на плечо, которую она тут же сбросила сердитым движением.

– И это все, что ты мне можешь сказать?

– А что ты хочешь услышать?

– Я хочу понять, почему ты создаешь из своей и моей жизни весь этот кошмар.

– Никакой это не кошмар. Все очень просто, – он на минуту задумался. – Когда кончается повседневность и начинается история, надо позаботиться о своей биографии. Я хочу быть участником конца всей прошлой жизни, а не его жертвой.

– Но ты будешь именно жертвой.

– Чушь! Я всю жизнь иду в противоположном направлении, но всегда в сторону выхода.

Марсо поджала губы.

– Того, кто знает, где выход, толпа затаптывает первым.

– Пойми же ты, наконец! – Эдд схватил жену за запястье и притянул к себе. – Плевал я на их довоенную республику. Это не моя страна.

– Тогда уедем! – Марсо оглянулась на оставшееся позади здание Дома офицеров. – Я тебе этого никогда не прощу.

Прошло несколько секунд, прежде чем он смог ответить, а потом не узнал собственного голоса.

– Нет, никуда я не уеду. Быть другим – это всегда риск. Но в эпоху перемен человек гибнет не потому, что отвергает толпу, а потому, что трусливо высовывается из толпы и издает слабый писк. Я буду открыто сопротивляться, даже если окажусь в одиночестве.

– Ты мне это серьезно говоришь!?

– Серьезно.

– Если тебе начинает казаться, что ты один нормален, то твое место в сумасшедшем доме.

– Или же наступает конец света. Вот уже и евреи цитируют Ницше. Ждать недолго.

– Латыши хотят независимости, а ты просто взъелся.

– Давай не будем ссориться, – Эдд пытался найти какие-то слова, чтобы закончить разговор. – Ты же знаешь, я не спо-

собен сидеть на кухне и скрежетать зубами как паршивый русский интеллигент.

– Нет, ты будешь сидеть на кухне как паршивый латышский интеллигент. Уж это я тебе обещаю.

Марсо нервно отдернула дочь от края тротуара. До сих пор она жила с убеждением, что если произойдет что-либо плохое, то только не с ними. Эдд постоянно во что-то ввязывался и всегда на стороне проигравших. До сих пор это было неопасно. Марсо серьезно считала, что по жизни их ведет некое провидение. Но теперь она по-настоящему испугалась.

Эдд обнял Марсо за плечи и чмокнул ее в щеку.

– Все будет в порядке, обещаю.

– Если бы я только знала ... – Марсо подавила вздох. – Ладно.

– Что ладно?

– Наверно, я была не в себе, когда выходила за тебя замуж, – ее взгляд опять стал отсутствующим. – По правде говоря, я никогда не была так одинока, как сейчас. Хотя, что я говорю! Через десять лет любой брак теряет иллюзии.

– Сама виновата. Последнее время ты видишь во мне лишь то, что не в твою пользу. И погрязла в мистике. Все эти твои попытки оберечь нас от несчастья, стуча по дереву, эти твои излюбленные числа... Ты дошла до того, что ищешь знамение во всякой ерунде, – Эдд смахнул мокрый снег с лавочки у троллейбусной остановки, слепил снежок и кинул его в дерево. – Видишь, попал, значит, все будет хорошо!

– Издеваешься?

– Нет! – Эдд снял перчатки и ударил ими по столбу, чтобы стряхнуть налипший снег.

Марсо обреченно махнула рукой, а затем произнесла небрежным тоном:

– Не бросайся мной. Чтобы безобразничать вне дома, надо иметь прочные тылы.

– Ты даже не представляешь, как нужна мне, – Эдд опять притянул жену к себе и почувствовал, что она дрожит.

– Националы уморят нас голодом. Первая же финансовая проверка твоей конторы закончится банкротством. На что мы будем жить?

– Нас будет кормить само Латвийское государство. Я с гарантией прохожу в парламент.

– Тебя выгонят, – Марсо показала Эдду язык. – *«Подайте бывшему члену Государственной Думы»*.

Эдд обиделся.

– Еще неизвестно, кто будет побираться. Я или их государство. Сначала они все разворуют, потом доедят последних коров и... голый жопой об забор! Будут выпрашивать подачки у Европы.

– Пророк хренов! Недаром говорят: тот, кто неудачен в политике, становится предсказателем. Мне нужны не слова, а поступки.

– Пусть будут поступки. Итак, когда наступит завтра, я... что?

– Когда наступит завтра, то вместо заявки на рекорд Гиннеса ты подашь прошение о политическом убежище.

– Где?

– Где угодно! Мне все равно. Везде, где можно жить, можно жить хорошо. Это твои слова.

Эдд воздел руки к небу.

– О боже! И где же я могу просить политического убежища? В тех странах, которые подталкивают Союз к развалу? Там я персона non grata. Могу предложить Ботсвану, Новую Гвинею. Остров Занзибар.

– Поехали в Россию. Там мне будет не так стыдно бедствовать.

Эдд разозлился:

– Хватит плести ерунду. Бедствовать она собралась. Дура! Россия жестокая страна, там нечего делать с твоей наивной надеждой на судьбу. В два счета окажешься в дерьме.

– Значит, так ты любишь Россию. Так какого же черта ты ее здесь защищаешь?

– Любишь – не любишь... Причем тут это? Любовь к России может быть только отвлеченным чувством. К ней надо относиться как к спившейся матери.

– Я уже ничего не понимаю, – в голосе Марсо прозвучала полная безнадежность. – Дай воды! – она закрыла лицо ладонями. – Какой-то театр абсурда. Заколдованный круг. Все начинается с вешалки, и... ею же заканчивается.

Эдд вынул из кармана бутылку воды и протянул жене.

– Ты хочешь сказать, что действие переносится в гардероб?

– Да, в гардероб. На сцену лучше не выходить, там теперь можно погибнуть всерьез. Но и в гардеробе нет спасения. Вешалки превращаются... в виселицы.

Эдд озабоченно посмотрел на жену:

– Ты действительно не в себе. Это один из кошмаров Кафки.

– Никакого не Кафки, – Марсо остановилась и заревела. – Это мои собственные страхи! То, что ты делаешь со своей жизнью, – это такая... такая глупость, – слезы струйками лились у нее по щекам, глаза покраснели и сузились. – Латыши требуют независимости. Ветер им в паруса. Пусть отваливаются. А живущие здесь Ваньки и Дуньки хотят на их плечах въехать в Европу. Для этого им надо чуть-чуть прогнуться перед латышами. Только и всего. Но ты, как всегда... – Марсо вся напряглась: – Тебя предадут! Знаешь ты кто? Ты блаженный Ешуа и придурковатый Донкихот в одном лице.

Она отвернулась, закрывая лицо рукой, и бутылка воды полетела в снег.

– Ты считаешь меня душой, которая не понимает, что происходит. Я все понимаю, и даже лучше тебя. У меня какая-никакая интуиция.

Эдд подобрал бутылку и со злостью кинул в мусорную корзину.

– Кое в чем ты, конечно, права. Дунька просится в Европу.

И хочет ажурные трусы. Но, она же не виновата, что Дунька.
– Все, не хочу тебя больше слушать. Но имей в виду, мы уедем или ты будешь меня хоронить.

Эдд решил не отвечать. Драматургия его семейной жизни уже давно превратилась в мыльную оперу, с постоянными истериками главной героини. И он к этому привык.

Может быть, действительно уехать? Но куда? Он любил Север, с его мыльным небом и теми редкими днями, когда солнце зажигает окна домов холодным огнем. Снег, свежий морозный воздух, косо летящие снежинки, обжигающие лицо. Забраться бы куда-нибудь в Лапландию. Холодный северный мир. Сердитые волны, серые скалы. А может, все-таки Россия? Залезть в одну из складок этой огромной медвежьей шкуры и затаиться. Марсо права, на фоне российской жизни легко казаться лучше, чем ты есть на самом деле. Но есть еще Юг, Австралия. Согласно старому, но еще действующему закону, тот, кто доплывает до австралийского берега со стороны океана, сразу же получает гражданство этой страны. Он представил, что ветренное небо у него над головой скрывает безоблачную голубизну, а склонившиеся над каналом заснеженные ветки плакучей ивы – это цветущие гроздья белой акации. В уме всплыли строчки забытого стихотворения: «А где-то в далеких портах вода розовеет в лучах заходящего солнца, и ветры гуляют в песках...»

Может, его место вообще не здесь, на земле, а где-нибудь на другой окраине Млечного Пути. Или за туманностью Ан-

дромеды...

Они подошли к своему дому. Темная громада старого здания с двумя арками по бокам напоминала старинную крепость. Входная дверь висела на одной петле. Тусклая лампочка над ней создавала синеватый полумрак. На лестничной клетке пахло кошками.

Поднимаясь по лестнице, Марсо сморщила нос и устало сказала:

- Ты хочешь, чтобы этот запах преследовал нас всю жизнь.
- Для того, чтобы отремонтировать лестничную клетку, необязательно разрушать страну.
- Похоже, что обязательно.

Ленинград. 23 февраля 1990 года

Радости от возвращения не было.

Виктор подумал, что в мире нет ничего более тоскливого, чем безмолвие старого питерского двора в зимний февральский вечер.

Падал снег, расчерчивая черное небо чистыми, белыми линиями.

Он задрал голову и подставил лицо падающим сверху снежинкам. Светящиеся окна этажей уходили вверх, словно огоньки святого Эльма на мачтах призрачных кораблей. Еще выше, в темном квадрате неба, медленно кружила чайка.

Мимо него, разбрасывая мокрый снег, проехала машина. Свет фар заскользил по квадрату двора, создавая на стенах домов прохладные косые тени, открывая ему что-то очень знакомое и только свое.

Внезапно со стороны улицы раздалась автоматная очередь.

Потом вторая. Пули со знакомым Виктору тошнотворным визгом зарикошетили от стен. Пригнувшись, он вернулся в подворотню и встал за небольшим выступом.

Недалеко от него, на другой стороне улицы, стояла машина. От нее безмятежно шли два человека, вооруженные короткими автоматами. В только что выехавшей со двора машине сидели три неподвижные фигуры. Раздались контроль-

ные выстрелы.

Стоящая на другой стороне улицы машина резко развернулась и, подобрав людей с автоматами, скрылась за поворотом.

На то, что осталось, медленно ложился снег.

Виктор пошел обратно к дому. За скрипучей дверью подъезда было темно. Он пошарил по стене и, найдя выключатель, зажег свет. Голая электрическая лампочка осветила обветшалую желтизну стен и облупившийся свод. Тянуло холодом и безразличием.

Несколько минут он постоял на лестничной площадке, вдыхая пыльную тишину. Потом быстро взбежал по лестнице на последний этаж и открыл дверь своей квартиры.

Это была однокомнатная квартира под самой крышей, плохо прогреваемая центральным отоплением, поэтому в углу стояла небольшая железная печка с трубой, воткнутой в старый дымоход.

Не снимая ботинок и пальто, он прошел на кухню и бросил на стол коричневый пакет. Из него вывалились курица гриль, пакетики с кетчупом, куски ржаного хлеба и бутылка водки.

Из кухни двери вели в единственную комнату. Темно-зеленая тахта, накрытая старым клетчатым одеялом, стол, придвинутый к стене, стул, недопитая бутылка виски и батарея винных бутылок на журнальном столике, кресло в форме ракушки, прижившееся в квартире еще в 60-х, пепельница на

подоконнике с двумя смятыми окурками, книги на полу возле шкафа вперемешку с одеждой и скомканными простынями. Все было покрыто толстым слоем пыли.

Из окна открывался вид на серые крыши, царство водосточных труб и телевизионных антенн.

Первым делом Виктор разжег огонь в печке. Потом разгрузил кресло от книг и уселся с едой возле телевизора.

На Первом канале вещал Горбачев, пародируя ленинские надежды на торжество идей коммунизма. На Втором несколько молодых парней ерничали обо всем, что приходило им в голову. Потом пошли картинки. Ликующие толпы, листовки, летящие на мостовую, народные трибуны, похожие на городских сумасшедших. Время от времени камера выхватывала из толпы тупо-восторженные лица.

От огня шло тепло. Вкус виски за три года практически не изменился, а недопитое вино пахнуло уксусом. Поев, он выключил телевизор и вылил содержимое винных бутылок в раковину.

На журнальном столике лежала груда распечатанных писем. Первым он распечатал письмо Ильи, лежавшее на самом верху.

Привет из Баку! Сижу в казарме и читаю подобранную днем листовку с современным азербайджанским фольклором: «Русские – в Рязань, татары – в Казань, армяне – в Ереван, евреи – в Биробиджан! Цвети родной Азербайджан!»... В прошлом году я писал тебе о событиях в Тбилиси. Думаю,

что здесь заваривается еще круче.

В город стекаются еразы – беженцы из Нагорного Карабаха. Из них формируют боевые дружины и направляют на армян и русских, на единоверцев-лезгинов и даже на бакинскую интеллигенцию. Один русский, спасая сою жизнь, простоял в метро на коленях всю ночь. В том метро, которое он сам и строил. Потом, правда, его отпустили, дав шинок под зад. Повезло парню. Через месяц здесь начнется настоящая бойня, если что-то не произойдет. А что, собственно, тут может произойти, кроме бойни? Ничего.

Еразы селятся в защищенные от армян квартиры, и знаешь, что они в первую очередь делают? Взламывают паркет, насыпают землю и сажают зелень. Они же крестьяне. В городе им нечего делать.

Граница взломана, и у боевиков полно оружия. А нам запрещено стрелять. В расположение части приходят русские и армяне, просят оружия, чтобы защитить свои семьи. А мы не даем.

Ты знаешь, я симпатизировал армянам и помогал им создавать карабахскую армию. Теперь вот плачу по счетам.

В Карабахе я познакомился с английской журналисткой. Ну и баба, скажу тебе! Моталась по всем фронтам. Я влюбился в нее с первого взгляда. Но она исчезла так же внезапно, как появилась. Потом, правда, прислала свой журнал. На его обложке была моя фотография. И подпись: «русский Рэмбо».

Два дня назад Виктор узнал, что Илья погиб. Он вынул из ящика стола фотографию, где они оба были сфотографированы после окончания училища, и долго на нее смотрел.

Следующее письмо было от Володи.

Привет из застенков! Как говорится, от сумы и от тюрьмы... А дело было так.

У Дома правительства в Кабарде собралась толпа, чтобы поорать за самостоятельность. Мордатые активисты, наколотая молодежь, экзальтированные женщины. Ну и жидкая линия заслона – бледные от испуга, прыщавые русские мальчишки, в огромных касках на тощих шеях.

Я был от спецназа и внимательно следил за толпой. Две женщины вдруг стали медленно оседать на землю. Те, кто стоял рядом, отчаянно закричали. Я бросился вперед и кончиками пальцев достал человека, прятавшего что-то в кармане штанов. Потом, перебирая пальцами, забрал ворот его одежды в кулак и повалил на землю. В кармане был нож. Люди все поняли и расступились. Кто-то стал оттаскивать раненых женщин. Держа обмякшее тело провокатора за шиворот, я потащил его к линии оцепления. Но тут из Дома правительства полетели шайки с «черемухой». Бойцы заслона сняли каски и принялись надевать противогазы. Они все делали так, как их учили. И в этот момент какие-то люди бросились на солдат и стали бить их железными прутьями по незащищенным бритым головам. Цепь распалась. Я увидел, как один из нападавших бьет молоденько-

го солдата ножом, пытаюсь просунуть клинок под бронезилет. Я выхватил из-за пазухи пистолет и выстрелил, не целясь, на удачу, и, конечно же, попал.

Потом я снова попал. На этот раз под следствие. Оказывается, я не имел права стрелять. Если ты читаешь мое письмо, значит, ты в России. Помоги выбраться.

Третье письмо было от Егора.

... Нас вывели из Германии и бросили на снег в Закарпатье. Живу в палатке. Ощущение надвигающейся катастрофы... Речь не о Германии, и не о союзных республиках, рвущихся на волю. Что-то неладно в самой России... Я вспомнил уход из Афгана, когда нас после торжественной встречи на границе, словно преступников, согнали на специальные площадки, оцепленные автоматчиками, расформировали, разогнали по дальним гарнизонам. Лучшие боевые части. Теперь я понимаю – почему... Сейчас все, буквально каждая мелочь работает на развал Союза. Следующая остановка – Россия.

Хотя, что я ною. У каждого поколения своя война.

За окнами началась какая-то возня. Возле расстрелянной машины суетились люди. Стоял милицейский газик, сверкая голубой мигалкой.

Как и Штирлиц, Виктор считал 23 февраля своим праздником. Надо было его как-то отметить. Он накинул пальто, сбежал вниз по лестнице во двор и вышел на улицу.

Его опять поразил вид города. Из-за небурного мокрого

снега все кругом напоминало холодное зимнее болото. Казалось, небо висит на верхушках деревьев.

Возле автобусной остановки торчал наскоро сбитый из досок киоск. На полках были разложены сигареты, пиво, водка, леденцы в развес и бумажные пакеты, из которых торчали толстые серые макароны.

На стенке киоска ветер лениво трепал грубо приклеенное объявление: *«Свидетелей перестрелки 19 февраля сего года с применением гранатомета на перекрестке улиц Герцена и Гоголя просим обратиться в районное отделение милиции»*.

Виктор купил банку пива и открыл ее с сухим треском.

Дверь ларька приоткрылась, и на него пахнуло густым кислым запахом. Он повернулся к ларьку спиной. Слева от него образовалась небольшая полоска света, осветившая грудь тряпья. Виктор подошел ближе. В намятом ногами грязном снегу валялся окоченевший бомж. Из приоткрытого рта торчали черные пеньки зубов.

Пробормотав про себя: «Нельзя же так», – он пошел к ближайшему телефонному автомату. Но телефонная трубка была сорвана.

Чертыхнувшись, он перешел улицу и зашел в кооперативное кафе «Меж двух океанов». Когда-то это была бутербродная с водкой в розлив. Теперь здесь на правах арендатора хозяйничал его однокашник Сева. Он усовершенствовал интерьер: поставил шесть столиков со стульями, чтобы народ мог выпить не только стоя, но и сидя.

Войдя в кафе, Виктор подошел к стойке бара и потянул на себя телефон. Бармен удивленно уставился на него из дальнего угла, где убирал посуду.

Виктор набрал номер милиции и скорой. Потом подозвал бармена:

– Подбери челюсть. Где Сева?

– Господин Попандопуло? Он у себя.

Виктор обогнул стойку бара.

Сева сидел в маленькой комнате без окон и подкалывал бумаги. Увидев Виктора, он по-женски всплеснул руками:

– Никак живой!

– Я-то живой. Но что у вас тут творится? Мертвяки по обочинам валяются. В магазинах ничего нет. Вообще ничего. Купил по дороге курицу гриль за немыслимую цену.

– Ты что, с неба свалился?

– Я всего неделю в России. Рассказывай.

– Что рассказывать? Горбачев открыл задвижку, и страну заливают канализационные стоки. Власть в городе захватили бандиты. Каждый, кто выходит из тюрьмы, получает вотчину для кормления. Спекулянты скупают все подряд и ждут, когда поднимутся цены. И все это называется рынком. Какой, на хрен, рынок! Какие предприниматели? Только что он был последней скотиной и вот... ворочает миллионами. От милиции никакого прока. Те же бандиты.

– Да-а... Поговорим об этом потом. Мне нужна еда, водка и хорошее вино.

– Окау, окау! Могу предложить кур, рыбу, все мороженое, но за качество ручаюсь. Рис, макароны. Картошка замерзла. Цены у меня кооперативные. Но тебе полагается скидка.

– Скидки не надо. Давай!

Сева принялся суетливо укладывать продукты в пакет, продолжая говорить:

– Мяса в городе нет. Прошел слух, что завезут мороженое мясо с европейских складов НАТО. И действительно завезли. С просроченным сроком годности. А нормальное мясо, привезенное из Вологды, зарыли недалеко от города. Кто-то создал дефицит, чтобы превратить натовское мясо в деликатес.

– Кто?

– Как кто? Бандиты. Кто же еще?

– Я могу позвонить?

– Конечно.

Набирая номер телефона, Виктор увидел в окно, как к киоску подъехала скорая. Появились носилки.

В трубке раздался знакомый женский голос:

– Я у телефона.

– Свет, это я.

Трубка надолго замолчала.

– Ты вышла замуж? – прервал молчание Виктор.

– Да. Я не могла больше ждать. И не хотела. Я три года жила возле пустого места, где должен был быть ты. Это нечестно! Ты безжалостный разрушитель чужих жизней. Прощай.

– Постой, постой, – Виктор с ужасом подумал, что если разговор прервется, то навсегда, – эти три года я мотался по пустыне.

– Вот и отлично! – в голосе Светы прозвучала злость. – У меня тоже есть своя пустыня. Только она в душе, – в трубке раздались прерывистые гудки.

За дверями послышалась брань. Сева втянул голову в плечи.

– Кто это? – спросил Виктор.

Сева обреченно махнул рукой.

– Крыша приехала. Только умоляю тебя, не вмешивайся. Ты уедешь, а мне тут жить. Получу несколько синяков, ничего страшного. Я сам, сам.

Виктор пожал плечами, налил себе коньяка и сел в кресло, прислушиваясь к разговору в зале. Это была типичная разборка.

– Ну, ты меня достал, – голос говорящего был сиплым, – где деньги?

– Сколько вам надо? – голос Севы дрожал.

– 10 тысяч.

– Сколько?!

– Десять.

– У меня нет таких денег! Просто нет...

– Хватит цацкаться с этим мудаком, – это уже был другой голос, – вывезем его в лес и отмутузим.

Виктор услышал глухие удары.

– Не надо, я вас очень прошу. У меня желудок больной.

– А нам пох...й.

– Поймите меня, я же делаю все, что могу...

– Нам пох...й. Сегодня, какое число?

– Я решу... дайте время. Я вас очень прошу...

– Я спрашиваю: какое сегодня число?

– Двадцать третье. Зачем?! Люди вы или звери?

– Молчи, тварь! Не надо считать всех дураками. Короче, даю тебе два часа. А дальше я не контролирую. Все!

– Вы же знаете, что мне некуда идти.

– Бесполезно. Ровно через два часа. Ты что думаешь? Что нас можно вот так просто обвести вокруг пальца. Я не пойму, ты что, считаешь себя самым умным, а зря. Заработал, поделись. А ты как думаешь? – говорящий обратился к одному из своих, и тот, видимо, согласно кивнул головой. – Вот видишь, никто с тобой не согласен. Странно, деньги были, и вдруг их нет. Интересно, куда они делись. Надо работать по-честному, это мне еще отец говорил. А ты все норовишь отмазаться. Это неправильно. Мы же не забираем у тебя последнее.

– Почему несколько дней нельзя подождать?

– А потому!

– Но всему должно быть объяснение.

– Вот з...бал! Я что, нанялся на твои вопросы отвечать.

Хорошо, отвечу... Потому что... – сиплый, видимо, не смог подобрать нормальных слов, –... потому что в этом деле вы-

рисовывается босый х...й. Ты уже два месяца е...шь нам мозги. Извини, братан, сегодня или все будет прощено, или за все воздастся. Такой вот выдался день. У тебя есть время один час пятьдесят пять минут.

Опять послышались удары.

– Не нравится ему, б...ь такая.

– Я вас прошу, перестаньте, я вас умоляю. Это же и ваше кафе.

– Это теперь только наше кафе.

– Я вас умоляю!

– Ты ошибся, ты очень сильно ошибся... Вот тебе, сука. Убью нах...й. Ты милый еще ничего не видел в этой жизни.

– Я знаю. Извините, пожалуйста. Не надо бить. Умоляю.

– Ах ты б...ь! Ведь ты знал, что будет двадцать третьего. Ребятам нужны деньги, ведь сегодня праздник. Понимаешь ты, сука, праздник. Надо купить водовки, б...дей пригласить. А ты нам подачку суешь? Нехорошо! Так, значит, по-хорошему мы договориться не можем. Что ж, будет по-плохому. Через один час пятьдесят минут. Только попробуй слинять. Из-под земли достанем. А теперь налей нам в честь праздника.

В кабинет Сева вернулся весь в крови. У него был разбит нос и губа. Он грузно опустился в кресло и заплакал.

– Я больше так не могу... У меня ничего не получается...

– Откуда взялось это дерьмо?

– Оттуда! Из бешеной матрешки. С рылом вместо ли-

ца, – Сева грустно улыбнулся собственной шутке. – Знаешь, сколько я плачу за крышу? Пятнадцать процентов с оборота. Без гарантий. Пришли трое. Вначале речь шла о пятистах баксах в месяц. Ну и пошло, поехало. Недавно дал деньги на учебу сыну смотрящего. Сынок у него, я тебе скажу... Шляется по клубам, наркоманит, хочет работать в КГБ.

– Вот что! Уезжай. Вали в свою Грецию, туда, где чисто и тепло. Я продам твой бизнес, обещаю не продешевить. Эти гады сами его и купят.

Сева размазал кровь по отекающему лицу.

– Осталось полтора часа. Я не знаю, где достать деньги.

– Не надо ничего доставать. Теперь мой выход.

– Что ты собираешься им сказать? – Сева задрожал, как осиновый лист.

– Этого никогда не знаешь наперед. Я, может, вообще ничего не скажу. Только погляжу на них.

– Этих на испуг не возьмешь. Не стоит рисковать.

– Нет такого стоящего дела, из-за которого не пришлось бы рискнуть.

Виктор встал в проем дверей и принялся рассматривать сидящих за столом. Их было трое. Один – высокий с покатыми бугристыми плечами, выпирающими из-под рубашки, с одеревеневшим непроницаемым взглядом. Его он сразу окрестил Циклопом. Второй – качок-коротышка, с лицом, напоминающим задницу откормленной свиньи. На узкий лоб сползала рыжая челка. Хряк. Третий – среднего ро-

ста, сухой, голова полностью обрита, изгиб густых усов к углам рта, и скулы, как голая кость. Дракула.

Хряк вытянул губы и щелкнул языком:

– Пыхнем? У меня тут косяк припасен.

– Да нет, – ответил Дракула. – Сначала дело сделаем. Я вот что спросить-то хотел, – он плюнул в открытую форточку, но попал чуть ниже на стекло оконной рамы. – Что, если денег не будет?

– А ты пойми, кретин. Пораскинь мозгами. Если денег не будет, Вась-Вась на нас обидится. Праздника не будет. А нам вместо свежих б...дей придется Варьку драть. Чур, в этот раз я первый, а то после такого шланга как у тебя, там делать нечего.

– А ты закинь ее ноги себе на плечи.

– Ох, и не люблю я эту жидовню, – Циклоп презрительно посмотрел в сторону служебной двери.

– Он грек. Как его... Попандопуло. Надо же!

– Все они греки.

Виктор оторвался от дверного косяка и подошел к столу. На него уставились три пары глаз.

– А где этот..?

– Я за него.

– А ты кто такой?

– Я только что купил его долю в этом кафе.

– Гони деньги.

– Какие деньги? Я посмотрел документы. Из-за ваших

поборов пришлось снять деньги с оборота. Размер убытков примерно пятьдесят тысяч долларов. Так что не я вам, а вы мне должны. Думайте быстрее, где достать деньги. Даю вам два часа.

– Во как... – Хряк поперхнулся.

– Вот так...

Циклоп привстал со своего стула, опираясь на огромные кулаки с татуировкой на угрожающих фалангах.

– Слышь ты, урод. Ты че гонишь-то? Я не понял...

– Сейчас поймешь.

Виктор лениво взял со стола солонку и коротким резким ударом переломил Циклопу переносицу. Лысый вскочил на ноги и вытащил нож. Виктор обрушил на него стул.

– А ты – сиди! – приказал он Хряку. – А ты, – он повернулся к лысому, – убери нож, а то руку сломаю.

Лысый поднялся и разразился матом:

– Мент поганый.

Виктор сел, вынул пистолет и положил его на стол.

– Сейчас вы покажете мне свои паспорта и отвезете к своему Вась-Васе. И так, я жду.

В ответ раздалось невнятное хлюпанье.

– Нет документов? Это плохо, – Виктор взял со стола пистолет и подошел к лысому. Тот прижался к стене и сплюнул длинной слюной. Виктор ударом кулака свалил его на землю и быстро обыскал. Потом повернулся к Хряку:

– Повезешь меня в свою контору.

– Я никого никуда не повезу, гадом буду.

– Будешь! Не повезешь – отправишься к чертям. Доедем – будет тебе шанс на девочек и водку.

Офис находился в старом особняке, обнесенном высоким забором. Хряк провел его мимо внешней охраны и нескольких внутренних постов в большую прихожую с двумя симпатичными секретаршами и коренастым охранником.

– Василий Васильевич у себя?

– У себя, но он занят.

– Конечно, занят! – Виктор схватил Хряка за шиворот и бросил в дверь кабинета. Дверь с треском распахнулась. В проеме дверей было видно, что сидевший за столом человек начал выбираться из кресла, держась толстыми пальцами за подлокотники.

Виктор вошел. Хряк быстро отполз обратно к дверям.

– Охрана! Вызовите охрану! – человек за столом опрокинул кофейную чашку, и коричневая жижа растекалась по бумагам. – Пошел вон! Кому сказано! Вон отсюда!

Почувствовав легкое движение воздуха за спиной, Виктор резко обернулся и ударом ноги вышиб коренастого охранника обратно в прихожую. И закрыл дверь.

– Ты кто такой! – прохрипел хозяин кабинета.

– Я продаю свою долю в кафе «Меж двух океанов».

– Виктория!

Одна из секретарш вбежала в кабинет и, таращась от страха, встала рядом с Виктором.

– Позови охрану снизу и позвони бригаде, тупая корова. Как он вообще сюда попал?!

Хозяин кабинета наконец-то выбрался из-за стола.

– Не надо никого звать и никуда звонить, – спокойно сказал Виктор. – Это бесполезно. Если я применю оружие, здесь камня на камне не останется. Так как насчет кафе?

За дверью послышался топот ног. Перепуганные охранники застыли в дверном проеме, не зная что делать дальше.

– Закройте дверь! – приказал им хозяин кабинета и жестом предложил Виктору сесть. – Твое предложение?

– Семьдесят тысяч долларов, – Виктор не стал садиться. – Пятьдесят тысяч возмещение убытков и двадцать за бизнес.

– Ты шутишь?

– Отнюдь! Договоримся так: деньги в течение завтрашнего банковского дня ты перечислишь в фонд помощи афганским инвалидам «Мухтар». Вот здесь указан банк и номер счета, – Виктор протянул визитную карточку. – Жду один день. Пугать меня бесполезно. Родственников, друзей, постоянных женщин у меня нет. Единственный близкий мне человек, которым я дорожу, – командир воздушно-десантной дивизии. Такой вот выдался у тебя день. А сейчас выведи меня отсюда.

В кафе «Меж двух океанов» был занят только один столик.

– Эй, капитан Шевардин, есть разговор, – сидевшие за столиком люди в упор смотрели на него.

– Мужики, дайте хоть пожрать спокойно, мне вообще после ранения нервничать нельзя.

– Не о теле надо думать, а о душе, – один из сидевших за столом разлил водку по стаканам. – Не откажи старым воякам.

Виктор сел за столик.

– За что пьем?

– Не гони. Надо многое обсудить. Нам только что звонил один из наших и рассказал, как ты тут всех построил.

– Кто такие – ваши?

– В Питере и Москве сидят, по квартирам.

– Ну, так что?

– Мы хотим взять на себя ответственность за страну, которая сползает к хаосу.

– Это серьезно.

– Куда уж серьезней. Мы хотим стать той силой, которая наведет в стране порядок.

Говоривший не был оратором и остановился, чтобы перевести дух. Виктор терпеливо ждал.

– Мы будем создавать вооруженные отряды. Мы соберем деньги с тех, кто наворовал, а потом этими же деньгами заткнем им глотку. Надо разобраться с золотом партии, которое утекает из страны. Надо разыскать счета и вернуть деньги на родину. Это будет объединение кадровых офицеров спецслужб, «Гвардия России». Привлечем отставных бойцов из спецподразделений, а также ветеранов войны в Афгани-

стане. Мы хотим, чтобы ты возглавил наш штаб.

Виктор почесал затылок.

– Честно? Думаю, что ваши отряды превратятся в бандитские шайки.

– Понимаем. Мы изучили опыт генерала Де Голля. Он блестяще справился с ОАС, не прибегая к полиции и суду.

– И кто же у нас тут в стране Де Голль? Тот, что с пятном на лбу? Или, может, тот, с е...ными инициалами. Де Голль сформировал спецотряды из озверевших корсиканцев. И они действительно расправились с оасовцами без суда и следствия. Но потом их самих пришлось усмирять. То, что вы предлагаете, возможно только при полном контроле ситуации со стороны сильной власти. В противном случае ваша гвардия превратится в сборище наемных убийц.

– Значит, не договорились?

– Не договорились.

В конце 1970-х Виктора снабдили хорошими документами, продуманной легендой и забросили в Родезию. Он прошел тренировочный лагерь родезийского спецназа «Вафа-Вафа», окончательно лишившись своего прошлого и создав его заново.

Ему поставили задачу детально разобраться в методах подготовки отборных частей родезийской армии, которая считалась лучшей в Африке и едва ли не лучшей в мире.

Из трехсот кандидатов в родезийский спецназ отбирали не больше тридцати. Виктор прошел отбор с первого раза.

Начались тяжелейшие тренировки. Полоса препятствий оказалась на порядок сложнее, чем в Советской Армии. Он карабкался по острым скалам, плавал в полном обмундировании, лазал по канату, протянутому над водой. Туда и обратно. В воде были крокодилы. Его учили не быть съеденным. Он бегал с мешком, наполненным песком, сначала по пересеченной местности, потом по воде, потом в гору. Потом по кустарнику, где было полно змей. Часть тренировок проходила под «живым огнем». Один день в неделю все надо было делать только бегом с полной нагрузкой.

Самыми тяжелыми были марш-броски в африканском кустарнике. Каждые двадцать минут наступало ощущение, что сил больше нет. Как только он начинал думать об отдыхе, нагрузку увеличивали. Через каждые три часа наступала потеря ориентации во времени и пространстве. Болело все. Легкие горели. Понос выворачивал внутренности наизнанку.

Когда бутылки с водой становились тяжелыми, наступал момент истины.

В 1980 году к власти в Родезии пришли черные. Армия перестала существовать, проиграв войну, не проиграв ни одного сражения. Он уехал в ЮАР. После проверки его зачислили офицером в элитный батальон наемников – знаменитый 32-й батальон «Буффало».

Через год его пригласили на работу в Национальное разведывательное агентство ЮАР National Intelligence Agency (NIA).

В ночь с 5 на 6 июня 1986 года юаровские командос подорвали в порту ангольского города Намиб три советских сухогруза и кубинский транспорт. Он успел сообщить о готовящемся теракте, тем не менее вина за случившееся была возложена в том числе и на него. Его отозвали в Союз.

Летом 1987 года радиостанция УНИТА «Голос Черного петуха» сообщила о сбитом транспортном самолете, который пилотировали советские летчики. Летчиков взяли в плен и превратили в предмет торга. Их таскали по лесам и демонстрировали на пресс-конференциях для западных журналистов в качестве доказательства «советско-кубинской» агрессии. Ребят надо было спасать.

Сделать это не мог никто, кроме него.

Пока он был в Союзе, его биографию наработывал в Европе другой человек. Поэтому он смог вернуться в ЮАР. Летчики были освобождены без силовой операции только благодаря его контактам в NIA.

Забирая летчиков, он случайно стал свидетелем грубой зачистки деревни озверевшим от потерь ангольским спецназом и чуть было не пристрелил советского военного советника, ворюгу и алкоголика. Полгода военный прокурор разбирался с этим делом. Его оправдали, но на военной карьере можно было поставить крест.

Наконец он вернулся домой.

После буша российский лес казался сказочным. Снег, мороз, водка, белые женщины на улицах. Особенно хорошо бы-

ло в первые два дня, пока он жил у матери в старинном городке под Псковом и ничего не действовало на нервы.

Но потом он понял, что вернулся в смертельно больную страну.

Зазвонил телефон. Виктор поднял трубку.

– Виктор? Это Анатолий. Есть разговор. Могу зайти прямо сейчас.

– Заходи, я жду.

Анатолий был знаком Виктору по Анголе, они несколько лет обменивались шифровками, но виделись всего два раза.

Сначала они поговорили о прошлом, избегая каких-либо политических оценок. Виктор разлил по стаканам водку.

– Вафа васара. Чокаться не будем.

Анатолий сжал в кулаке стакан.

– Это что-то на языке шона?

– Да. «Кто умер – тот умер, кто остался – тот остался».

Они выпили водку одним глотком.

– Перейдем к делу, – Анатолий бросил в рот кусочек черного хлеба. – У меня к тебе предложение. Ты, наверное, знаешь, что многие наши кооперативы получили право на проведение внешнеторговых операций.

– Знаю.

– Это была глупость, но что сделано, то сделано. Теперь все хотят знать, кто есть кто. Кому можно доверять, кому нет. Контора⁶ знает все или почти все. Но она не может вый-

⁶ Комитет государственной безопасности КГБ.

ти на рынок. Мы предлагаем тебе продавать нашу информацию как свою. Будешь делать вид, что занимаешься частными расследованиями.

– Почему я?

– Работа опасная. У тебя нет семьи. О том, где живет твоя мать, знаем только мы.

– Чтобы пригласить ее на мои похороны?

– Ты лучший из тех, кого мы знаем, и тебе доверяют.

Виктор представил, как может выглядеть его личное дело: «Истинный славянин, характер стойкий, выдержанный. Отличный спортсмен, мастер спорта по дзюдо и плаванию. Капитан войск специального назначения ГРУ. Владеет английским, французским и португальским языками. Может объясниться на африкаанс. Места службы засекречены».

Анатолий вывел его из задумчивости:

– Деньги большие. Очень большие.

Виктор скривился:

– Деньги мне не нужны. Мне только что сказали, что надо о душе подумать. Я не хочу, чтобы портрет нашего поколения был составлен из пороков.

– Брось! Сейчас бизнес делают все, начиная от генерального секретаря партии, продающего вверенную ему страну, и кончая ночным сторожем, меняющим на водку то, что ему поручено охранять. Контора не исключение. Уже с Афгана она занимается всякими делами. А сейчас особенно.

– Вопрос, конечно, интересный, – Виктор покрутил в ру-

ках стакан. – Надо подумать.

– Риск предлагаемой тебе работы не превышает 1:10. Это намного меньше, чем в Анголе.

– А как же мораль?

– Мы знаем, что можно, а что нельзя. Все заказы пойдут через тебя, все материалы ты сможешь предварительно прочитать. Ни один заказ не будет исполняться без твоего согласия. Я уверен, что наши нравственные оценки совпадут. Мы оба давали одну присягу, и эта присяга пока в силе.

– Пока?

– Может быть, нам скоро придется присягать только России, – Анатолий встал и принялся нервно ходить по комнате. – Внутри конторы идет идейный спор – спасти Союз или умело его развалить. Этот спор идет со времен Андропова. Кроме того, в конторе вырел огромный пузырь конфликта интересов. Скоро он лопнет. Страна может развалиться в считанные дни. Демократы совсем очумели. Но не в них дело. Ты знаешь, что такое институциональные беспорядки? Это не толпа на улице. Это когда ничего нельзя сделать, потому что ничего сделать нельзя.

– Тут у меня состоялся интересный разговор в кафе, – Виктор коротко рассказал о полученном предложении возглавить штаб российских «барбузов». Анатолий равнодушно махнул рукой:

– Мы знаем этих ребят. Они не опасны. Но сама идея бороться с криминалом без суда и следствия буквально витает

в воздухе. И вполне может материализоваться.

– А кто этот Василий Васильевич?

– Мелочь... Но за ним стоит очень сильный человек. Торгует оружием. Неплохо почистил оружейные склады в Германии. Ты должен его знать. Это Бальмонт. Вы, кажется, вместе учились.

– Да, было дело.

– О тебе тоже ходят разные слухи. Но это к делу не относится.

– Почему не относится? Давай, говори!

– Даже контора не знает, откуда у тебя деньги.

Виктор потряхнул головой:

– Все просто. На все заработанные в Африке деньги я купил алмазы и продал их в Брюсселе. Это не запрещено. Деньги положил на счет в один из брюссельских банков, и он исправно оплачивает мои счета.

– Похоже, кому-то твои деньги не дают покоя.

– Чтобы добраться до них, этот «кто-то» должен отвести меня в Брюссель и подвести к банковской кассе.

– Контора знает о твоей сделке с ангольскими алмазами.

Она только не знает, как тебе удалось их легализовать.

Виктор не смог скрыть язвительной улыбки.

– Я не собираюсь ни перед кем оправдываться. Мы с тобой вернулись в совершенно другую страну, которая, как оказалось, нас никуда не посылала. Я это понял еще в Анголе из разговоров в штабе, из полученных за три года писем. Поэто-

му я провернул эту операцию с алмазами и создал фонд помощи инвалидам афганцам. Могу отчитаться о каждом долларе.

– Не надо отчитываться. Скажи, как ты их легализовал.

– Помнишь рейд ангольских правительственных войск в район рудника Бамако, контролируемого повстанцами? Там, по сведениям разведки, накопился большой запас алмазов. Так и оказалось. Часть этих алмазов я купил. Дешево купил. Потом вывез алмазы в ЮАР. Там вошел в долю с менеджером одной небольшой алмазодобывающей фирмы. С их помощью я и отмыл камни за какие-то проценты. Они внесли мои алмазы в базу данных как свои, запечатали их в специальный контейнер и выдали мне сертификат с указанием страны происхождения, рудника, характеристик и т.д. В Брюсселе банк распечатал контейнер, сверил его содержимое с базой данных, с сертификатом и купил все. Дорого. В сто раз дороже, чем они стоили в Африке. Сделка зарегистрирована, поэтому вы и сумели ее проследить.

– Да, но ты не учел одного – твой альтруизм тут непонятен. Среди тех, кто кормится вокруг афганцев, есть очень серьезные ребята.

– Думаю, я им не по зубам.

– Так ты согласен работать с нами?

– Да.

– Хорошо. Офис мы тебе подыщем и оборудуем, секретаршу подберем, машину купим. Бухгалтер тоже наш, он бу-

дет приходиться когда надо. Читать баланс мы тебя научим за неделю. Будешь подписывать лишь то, в чем сможешь разобраться. Охранника и шофера найдешь сам.

Ницца, Южный берег Франции. 7 марта 1990 года

День был теплым, над морем плыли перистые облака, вокруг разливался тихий далекий свет, приближающий дома на другом берегу залива.

Вивиан подъехала к высокой кованой ограде, за которой стояли охранники, одетые в одинаковые неброские костюмы. Один из них тщательно осмотрел багажник ее машины, другой зашел сбоку, со стороны водителя.

– Мэм, стоянка забита машинами, будьте осторожны.

Вивиан сняла солнцезащитные очки и протянула охраннику удостоверение.

За деревьями можно было разглядеть одноэтажное кирпичное строение, справа от него, судя по зеленовато-голубому мерцанию, находился бассейн, слева под огромным навесом располагалось нечто вроде ресторана. Оттуда доносилась приглушенная музыка.

Вивиан поставила машину на стоянку, вытащила ключ зажигания и пошла по направлению к кирпичному зданию.

Весенний корпоратив журнала WMW был в полном разгаре. По аллеям парка бродили уже порядком подвыпившие журналисты, репортеры, фотографы, манекенщицы. Группа колумнистов заняла все пространство между бассейном и

кустами рододендронов. На невысоком подиуме трио певцов заливалось тихими трелями.

Около бассейна ее схватила за руку секретарша главного редактора Карен.

– Слава богу, ты здесь! Когда тебя нет, шеф ко мне придирается, – губная помада оставила след на двух ее передних зубах. – Тебя ждут в бунгало, там уже пьют под предлогом разговора о делах.

– Ничего, пусть подождут. Я целый час простояла между Каннами и Антибой. А потом еще час колесила вдоль побережья. Фред ничего толком не объяснил. Он просто сказал, что этот клуб находится где-то там. Как библейский Египет.

– В этом он весь.

– Что это за девичий эскорт? – Вивиан показала рукой на группу манекенщиц.

– Эти девочки будут сниматься для нашего журнала. Они из лучшего дома моделей здесь на юге. У нас не корпоратив, а бал-маскарад.

– Такое впечатление, что эти девицы ночь напролет учились ставить ноги.

– И раздвигать. Никакие они не манекенщицы. Самый обыкновенный эскорт с продолжением.

– У тебя помада на зубах.

– Ой! – Карен вынула из сумки зеркало и слегка приоткрыла губы. – Черт! Это все из-за новой помощницы шефа Пентал Бунофф. Вот дешевка! – Карен закатила глаза и дала

волю воображению. – Она крутит им, как хочет. И мной тоже. Я вся издергана этим райским отдыхом. И все из-за нее. Да, – она вдруг резко сменила тему разговора, – шикарно выглядишь!

– Неужели? Все утро пыталась убрать мешки под глазами.

– У тебя слишком закрытое платье. Шеф сказал, что раз мы перенесли корпоратив из Лондона в Ниццу, то надо одеться легко и чувственно.

– Я испортила мини-юбку, пытаюсь сделать ее еще короче.

– Нет, действительно...

– Этот день можно было бы вообще пропустить.

– Ты что? Я целую неделю выбирала что надеть, вся расфуфырилась, – Карен повернулась на каблуках, придерживая взметнувшиеся полы платья. – Моя задница не выглядит слишком большой? Скажи, что я вовсе не толстая.

– Ты не толстая, – Вивиан вытянула руку и придирчиво посмотрела на свет свои ногти, покрытые перламутровым лаком. Сквозь пальцы она увидела рыжего растрепанного парня с сумкой через плечо, размахивающего руками, как крыльями ветряной мельницы.

– А вот и Фред, – обрадовалась Карен.

Фред с трудом отдышался:

– Что это вы, дамы, приуныли. Ну-ка быстренько улыбнулись. Ку-ку!

– Готовимся к радостной девиации? – Вивиан потрепала Фреда по голове, после того как он неловко поцеловал ей ру-

ку, и кивнула в сторону манекенщиц, – прямо парад отошальных девиц.

Фред обнял женщин за талию и повел вверх по аллее. Дойдя до бунгало, он умоляюще сложил руки на груди.

– Вив, дорогая, мне надо с тобой поговорить.

– Только не сейчас, мои биоритмы сбились, как кегли в боулинге. И меня ждет шеф.

– Я подожду тебя в баре.

В дамской комнате Вивиан тщательно изучила каждый сантиметр своего отражения в зеркале. Потом открыла сумку и вынула туфли на высоком каблуке, которые добавили к ее собственным ста семидесяти семи сантиметрам еще пять.

Подойдя к двери бунгало, она услышала голос шефа, требующего поднять градус заголовков.

В плетеных креслах, расставленных вдоль стен, расположились человек двадцать – редактора, руководители отделов, их заместители и помощники.

Шеф, лысеющий толстяк с розовыми щеками, убегающими к ушам, кинулся ей навстречу, держа в одной руке бокал виски, в другой – сигару величиной с дирижабль.

– О, наконец-то! У меня хорошие новости, твоя серия статей о Карабахе произвела фурор. Это сравнимо, пожалуй, с успехом «По ком звонит колокол». Ее признали лучшей серией военных репортажей за прошлый год. Наш журнал прошел во всех вечерних новостях. Коллеги, поздравим Вивиан Белчер.

Раздались аплодисменты.

– Спасибо, – Вивиан огляделась по сторонам – оставалось всего одно свободное место возле Джона, перегоротившего своими длинными ногами проход.

– Сюда!

Вив села и одарила всех лучезарной улыбкой.

Началось бурное обсуждение планов. Вив взяла со столика последний номер журнала и, пролистав его, нашла свой репортаж из Сомали. Половину страницы занимала фотография изящной сомалийки в окружении вооруженных повстанцев с похотливыми взглядами.

Джон наклонился к ней и прошептал на ухо:

– Два балла по шкале Бофорта.

– О чем ты?

– Твоя грудь колышется морской волной.

– Надо подтянуть лямки лифчика.

– Зачем! Лучше его снять. Шеф сказал, что, если в следующем году ты не получишь Пулитцеровскую премию «за выдающуюся подачу сенсационного материала», он устроит темную всему попечительскому совету Колумбийского университета. Он даже кресло приготовил, куда ты должна будешь опустить свою Пулитцеровскую задницу, а мы все встанем вокруг и пропоем осанну.

– Хватит меня донимать этой премией! Мне вообще-то безразлично, есть она, нет ее... Но хотелось бы знать, зачем мы тут вообще собрались? Почему нельзя выпить без всех

этих разговоров?

– Надо решить вопрос, кого послать в Россию. Эта нескучная страна опять села в лужу. Судя по всему, выбор падет на тебя.

Шеф положил свою сигару поперек бокала и, глядя на Вивиан, произнес целую речь:

– Все войны и революции начинаются одинаково, – его тонкие словно нарисованные усики задергались, – с очередей. В России уже скупают соль и мыло. Скоро эта «империя зла» развалится. Республики рвутся на волю. Нас особенно интересует Литва, Латвия и Эстония. Они первыми объявят о своей независимости. Особенно интересна Латвия. Какие будут мнения? Мнение уже есть. Я хочу, чтобы в Латвию поехала Вивиан. Правда, ей необязательно соглашаться, мы и так последнее время злоупотребляли ее самоотверженным отношением к делу.

– Я – против, – встрял Джон. – Она вносит слишком большое смятение в наше сонное королевство. Пусть читатели от нее отдохнут. Кроме того, в Карабахе ее чуть не убили. Мы потратили кучу денег, чтобы ее оттуда вытащить.

Вивиан ткнула его в бок:

– Вы потратили не свои, а мои деньги, – и уже громче добавила. – Раз у меня есть выбор, я подумаю.

– Думай. Только недолго. Латвия не Карабах. Тихое местечко на берегу холодного моря. В начале мая там примут декларацию о независимости. Поедешь сначала туда, потом

в Россию. Коммунистам недолго осталось. Как только Ельцина изберут президентом...

– Этого пьяницу? – раздался чей-то голос. – Он же замаскированный коммунист.

Шеф задержал головой, пытаясь определить, кто это ему возражает. Не найдя виновника, он снова засунул в рот сигару и прошепелявил:

– Ельцин, не Ельцин, какая разница?.. Главное, что всякая масштабная политическая инициатива в этой стране заканчивается массовым самоистреблением нации. А это тема для Вивиан.

Вив уважала шефа. Все предыдущие редакторы один за другим гибли в кровавых битвах с советом директоров. Но шеф выстоял. Тираж журнала вырос до пятисот тысяч. Никому другому не удавалось так ловко связать в целостный образ голодающих сомалийцев и весеннее дефиле в Париже. Он умел преподносить желтизну под видом борьбы за мораль и нравственность, а двусмысленность под видом искусства. Он влезал во все, заставляя переписывать материалы по несколько раз. Но благодаря ему журнал имел неизменный успех.

Секрет успешного репортажа Вивиан усвоила сразу: как и в любой истории он заключался во внимании к деталям. Шеф ей постоянно повторял: можно даже не понимать, что происходит на самом деле, но детали должны быть прописаны тщательно, понимание придет позже.

Когда в прошлом году ее выдвинули на Пулитцеровскую премию, шеф скакал от счастья. Когда же она ее не получила, он в раздражении чуть было не разгромил свой кабинет.

Вивиан родилась в Аберестуите, в небольшом курортном городке Уэльса, который стал студенческой Меккой благодаря университету и национальной библиотеке. Заинтересовавшись Средневековьем еще на ступени бакалавриата, она двумя годами позже написала докторскую диссертацию, в которой проследила путь монахов из монастыря в Гластонбери в аббатство Аберестуит со священным Граалем и перевернула все представления ученых об этой священной чаше. Но академическая карьера ее не привлекала. Она занялась журналистикой и уже через год взорвала журналистский мир Уэльса своими репортажами. Валлийские домохозяйки присылали ей горы писем. Еще через год она получила приглашение в известный лондонский еженедельник WMW, что изначально расшифровывалось как world monitor weekly, но звонкая аббревиатура, как это нередко бывает, прижившись, обрела самостоятельность и большую популярность.

«Все журналисты образованны наполовину, – сказал ей шеф при первой встрече. – А репортера можно сделать из кого угодно. На тебе и попробуем. И запомни, если ничего не происходит, это тоже новость. Но надо сделать так, чтобы ее читали, вырывая журнал друг у друга из рук. Понятно?»

«Понятно», – сказала она и подумала, что ее будущий шеф идиот.

«Даю тебе на выбор: изменение климата, озоновый слой, глупость правительства, болезни, банковские кризисы, мусор, терроризм, горячие точки... Пардон, последнее не для тебя».

Она выбрала горячие точки. Шеф оказался прав. Все время что-то происходило, но надо было суметь это преподнести. Ее статьи читали. Даже самую заурядную резню она превращала в захватывающую драму, а человеческую жизнь, даже самую никчемную, – в увлекательную историю.

Каждая ее поездка к месту событий оформлялась отдельным контрактом. Это была привилегия. Ей неплохо платили. Даже очень хорошо. Теперь она могла устроить свою жизнь с большим комфортом.

Однако работа в горячих точках изменила все ее представления о жизни. Как говорила она сама, война очень быстро избавляет от невинности.

Вивиан выглянула в окно. У бассейна кривлялся певец в костюме с бахромой, в сапогах и с волосами, собранными в хвостик. Подул ветер, и до нее долетела любовная итальянская песенка.

В это время зазвонил телефон. Шеф взял трубку. Джон облегченно вздохнул.

– Чем вы тут еще занимались до меня? – спросила Вивиан.

– Шеф долго и нудно нас воспитывал. Оказывается, первыми газетчиками были ветхозаветные пророки. Это они первыми начали разгребать грязь, – Джон с хрипом втянул

воздух и откашлялся. – Еще он сказал, что краткости изложения надо учиться у Библии.

– И каким был первый библейский репортаж?

– Он состоял всего лишь из двух слов: «Каин плакал».

– Блестяще! Что еще? – Вивиан с трудом подавила зевок.

– То, что журналистика – вторая древнейшая.

– Тут шеф повторяется. Я всегда считала журналистику первым проявлением социальной шизофрении.

– Слушай, – Джон склонился к Вивиан и коснулся ее волос губами, – я давно хотел спросить... Этот русский Рэмбо в Карабахе... На обложке нашего журнала... По-моему, его звали Илия. Что у тебя с ним было?

– Ничего, – Вивиан ладонью отодвинула его лицо подальше от себя. – Похоже, ты вчера здорово порезвился в «Маннон».

– Да, мы там все хорошенько поддали! Я же тебя приглашал.

– Я это оценила.

– Неужели тебе никто не нужен?

– На сегодняшний вечер или вообще?

– Вообще.

– Мужчины – не решение проблем. Они сами создают проблемы.

– Верю. Фил ходит с подбитым глазом и всем говорит: «Как, вы еще не получали по роже от Вивиан?»

– Ему еще повезло...

Шеф закончил говорить по телефону и, сделав недовольную гримасу, повернулся к Вивиан.

– Мне жаль прерывать твою интимную беседу. Решение о поездке в Латвию, а потом в Россию надо принять уже завтра. Все, расходимся.

У дверей бара Вивиан столкнулась с Фредом, который тут же увлек ее к стойке и усадил на вертящийся табурет.

– Что будешь пить?

– Мартини.

Вивиан сощурила глаза, пытаясь что-нибудь разглядеть сквозь густое облако сигаретного дыма. От столика к столику бродил скрипач, проникновенно наигрывая «Вернись в Сорренто». Посреди бара толпились пьяные редактора. У стойки бара тоже было не протолкнуться.

– Так что тебе от меня надо? – спросила она у Фреда.

– Ты единственная женщина в мире, которая может убедить шефа. Мне нужна командировка.

Вивиан бросила на него насмешливый взгляд и ласково потрепала по рыжим волосам.

– Опять твои безумные фантазии! Ты хочешь остаться здесь и написать статью о влиянии холодных ветров мистраля на сексуальные пристрастия жителей средиземноморского побережья Франции, угадала?

– Нет!

– Так куда ты хочешь ехать?

– В Боснию... – в глазах Фреда мелькнуло беспокой-

ство. – Понимаешь, есть возможность... Потрясающий сюжет... Мата Хари второй мировой... Англичанка из хорошей семьи. Ее звали Анна Тремайн. Работала на немецкую военную разведку, – он заволновался, как мальчишка, поймавший большую рыбу. – Не помнишь? Наш «ДаблЮ» уже писал о ней в 60-м, даже в двух номерах... Тогда это была сенсация!

Выдав все это скороговоркой, Фред напустил на себя важный вид, делавший его еще более трогательным. Вив это всегда забавляло.

– Ладно, поговорю, – она неопределенно махнула рукой. – Но имей в виду, в Боснии скоро начнется война.

– Материал сумасшедший! Я могу доказать. Подожди, мне нужно сбежать за камерой.

Фред выбежал из бара.

Вивиан взболтала в бокале мартини, решая, что с ним делать.

– Эй, – услышала она за спиной. – Эй ты, крошка с обложки.

Перед ней появился незнакомый парень в шикарном белом костюме и с пустым стаканом в руках. Он потерял равновесие и чуть было не провалился ей между ног. Она выпрямила его ударом ладони в лоб.

– Еще одна корпоративная галлюцинация?

Парень облокотился на стойку бара и попытался заглянуть за вырез ее платья.

Вивиан скрестила ноги и, выкатив колено, обхватила его руками.

– Ну и что ты мне хочешь сказать?

– Я... восхищен, – последнее слово пропало в булькающих звуках.

– И твое восхищение можно потрогать руками? – Вивиан выпустила из рук колено, и ее юбка скользнула чуть выше.

Парень что-то восторженно промычал и, подавшись вперед, резко потянул вниз молнию ширинки.

Вивиан привстала на стуле, перегнулась через стойку бара, взяла нож для колки льда и положила его рядом с собой.

– Эй, эй, что ты задумала?

Вивиан ослепительно улыбнулась.

– А ты не понял? Почему бы тебе не отвалить!

– Хм... ладно. Теперь ясно кто ты... Мне говорили, – он оттолкнулся от стойки и нетвердой походкой направился в сторону туалета.

Вивиан с облегчением уставилась на пустое место рядом с собой.

Фред вернулся через десять минут с небольшой телекамерой и огляделся по сторонам.

– Пойдем за столик. Дело вот в чем... – он осекся, собираясь с мыслями.

– Показывай, что у тебя там, – Вивиан потянула камеру на себя.

Съемка была явно любительская, камера перемещалась от

асфальтированной дороги на обнаженные ноги какой-то девицы в шортах, затем на ботинки полицейского. За границей фокуса были различимы гирлянды лампочек, развешанные на торговых павильонах вдоль дороги. За дорогой простирался неопрятный пустырь. Потом крупным планом пошли человеческие кости.

– Чтобы было понятней, я тебе покажу одну вещь, – Фред достал из кармана сложенный вчетверо замусоленный лист бумаги и развернул его. На нем были нарисованы квадратик, подписанные на кириллице, ровным почти каллиграфическим почерком. – Это захоронение расстрелянных партизанами предателей. Вот здесь должна была быть ее могила. Но ее там не оказалось. Там кости мужчины, а не женщины. А здесь, – Фред положил на стол папку с документами, – то, что мне удалось раскопать.

Вивиан нехотя открыла папку:

– Слишком темно, чтобы рассматривать документы. Как все это к тебе попало?

– Не скажу, – Фред наконец успокоился. – Пока не скажу.

Вивиан вытянула из папки маленькую выцветшую фотографию.

– А это кто?

– Это археолог, Карл Велберг, балтийский немец, до войны жил в Риге, работал на раскопках в Йемене, а во время войны организовал встречу агентов Абвера с йеменским Имамом. На встрече была и Анна Тремайн. Не знаю как,

но они оба попали в плен к партизанам Тито. По документам, Анну Тремайн расстреляли, а Карла Велберга отпустили. После войны он осел где-то под Мюнхеном. Но с Анной непонятно, раз в могиле лежала не она...

– Мало ли где ее закопали.

– Но послушай, – Фред сделал обиженное лицо, – что я, по-твоему, должен делать? Все бросить?

– Не знаю. Боюсь, что эта история не будет иметь продолжения...

– Ладно! Поеду сам, во время отпуска и за свои деньги!

К ним неотвратимо приближался шеф. Он был явно не в духе. Фред нервно застучал карандашом по столу.

– Не нервничай, все будет хорошо, – Вивиан положила руку ему на плечо и прильнула к ней щекой. – Если хочешь, могу почесать тебя за ухом.

– Вот, ты опять надо мной смеешься, – Фред выглядел обиженным.

– И не думала. Я очень устала. Всю ночь проспала с открытыми глазами – смотрела на экран компьютера и спала. Считай, что ты уже в Боснии.

Шеф подошел к их столику.

– А-а... Двое мучеников, которые имеют честь называть меня своим редактором... Давайте выпьем чего-нибудь для бодрости. Вивиан, насколько я знаю, пьет мартини, а тебе, Фред, сок со льдом, верно? – шеф подозвал официанта и сделал заказ.

Фред начал подлизываться:

– Вы меня поражаете, шеф! Как это вам удается запомнить, что пьют ваши подчиненные?

– Я помню все. А вы не способны запомнить даже прописные истины.

Фред изобразил на лице виноватую улыбку:

– Где уж нам понять, чего вы от нас хотите?

– Я хочу всего лишь, чтобы вы подключали фантазию и соблюдали чувство меры.

– И все? А как насчет фактов? Если у нашего журнала и есть недостатки, то это отсутствие достоверных фактов. А вот фантазии у нас – хоть отбавляй.

Шеф продегустировал принесенное официантом вино и лишь потом позволил разлить его по бокалам.

– Думаю, – начал он, но отвлекся, чтобы попросить пепельницу, – думаю, сейчас не самое подходящее время заниматься твоим журналистским образованием, Фредди.

– Неужели я действительно так безнадежен?

– У тебя мыслишки рядового обывателя, который, в большинстве своем, безнадежный идиот, думающий, что журналист – это поставщик фактов.

– А это не так?

– Нет. Совсем не так, – шеф открыл пачку сигарет, вынул одну из них и задумчиво уставился на нее. – К черту факты! Кому они нужны? Правдивой журналистики вообще не бывает. Это придумано, я даже не знаю кем, чтобы морочить

людям голову. Более того, вопреки распространенному мнению правда никому не интересна.

– Звучит цинично.

– Почему цинично? Правда *per se*⁷ всегда прямолинейна, а это лишает образы всякого смысла, – шеф нагнулся, чтобы прикурить, огонек зажигалки высветил мясистые складки его подбородка и заискрился в гранях драгоценных камней запонок. – Но я не возражаю и против цинизма, если он позволяет увеличить продажи.

– Ты тоже так думаешь? – Фред посмотрел на Вивиан и подмигнул.

Вивиан не хотелось ввязываться в глупый спор.

– Реальная жизнь богаче вымысла, – лениво ответила она. – Но в ней много повседневности и нет интриги. Интригу приходится выдумывать.

– Теперь я понял, почему из всей неправды у тебя самая волнующая ложь. Глянцевые грезы вперемешку с кошмарным сном, – не унимался Фред.

– Ты понял меня слишком буквально, – Вивиан на секунду закрыла глаза и представила себя в гостинице на широкой мягкой кровати.

Шеф потянулся к Вивиан через стол и положил ладонь на ее руку.

– Никто в военной журналистике не пишет лучше тебя. Читатель словно бродит по глухим и бесконечным коридо-

⁷ «*per se*» – в подлинном смысле этого слова (лат.).

рам валлийского замка. Волнующий натурализм, тягучее и мучительное ожидание. Страх смерти сливается с окружающим миром и становится чувственным удовольствием. И главное, – он нежно погладил Вивиан по руке, – главное: никто не спрашивает, было ли все это на самом деле.

Вивиан улыбнулась и убрала руку.

– Кому мы адресуем свой журнал? – шеф уставился на Фреда как на студента, провалившего экзамен.

– Дуракам и лохушкам.

– Нет. Наш читатель живет в уютном мире и хочет, чтобы ему пощекотали нервы, – шеф взял бокал и закрутил темно-бордовую, чуть маслянистую жидкость воронкой, от которой вино растеклось по стенкам, оставив на них красные подтеки. – Можно заменить настоящие страхи игрой, привидениями, вампирами, маньяками, прочей нечистью. Многие журналы так и делают. Выстраивают дощатый павильон надорвом с крокодилами. Кого этим напугаешь? Никого. Должно быть по-настоящему страшно. Надо так показать разорванную снарядам задницу, чтобы хотелось пощупать свою. Все ли на месте, – он втянул аромат вина крупными, хищными ноздрями и с удовольствием отпил пару глотков. – Эстетика страха, желание испытать все его волнующие оттенки – это наркотик, особенно для тех, кто живет в стране, где ничего не происходит.

– Но согласитесь, что все экстремальные журналисты – стервятники, – Фред задиристо повернулся к Вивиан. – Они

слетаются на запах крови, но вместо руки помощи протягивают несчастным микрофон: быстрее, быстрее, мы в прямом эфире, у нас мало времени, а у вас его совсем не осталось...

Шеф настороженно посмотрел на Вивиан, но она ласково похлопала Фреда по щеке, словно давала конфетку за хорошее поведение.

– Очень мило. Но война – такой же товар, как и все остальное.

– Ты действительно считаешь, что людей привлекает жуть?

– Не знаю. Есть такое правило – чем дальше место события, тем должно быть страшнее, чтобы это событие стало новостью. Война на фоне картин повседневной жизни – это прежде всего драма. Она действует настолько гипнотически, что я могу незаметно прочесть мораль.

– Мораль! Да у меня до сих пор перед глазами стоит фотография, которую ты сделала в Карабахе, – женщина и ребенок, лежащие в луже крови, среди мокнувших в ней газет и окурков, – Фред повернулся к шефу. – Я за нее боюсь. Ее надо остановить.

– Не могу. Она уже взрослая девочка. Единственное, что я могу сделать, купить для нее страховку.

Вивиан расслабленно оглянулась по сторонам и попыталась пробудить в себе интерес к разговору, но не нашла ничего лучшего, как поиздеваться над Фредом.

– А сам ты чем занимаешься? Засовываешь микрофон в

задницу личной жизни всяких там... дармоедов. Ты у нас журналист-проктолог.

Фред обиделся.

– А я-то думал, что превращаю скучную жизнь скучных персонажей в увлекательную историю, – он перехватил руку Вивиан, которая потянулась к его длинному носу.

– Ребята, не ссорьтесь, – примирительно прокудахтал шеф.

– Теперь я знаю, что она не идеальна, – Фред сделал вид, что разочарован.

– Что ж! Будем знакомиться заново, – Вивиан даже развеселилась.

– У тебя патологическая склонность к рискам, и это плохо кончится. Твои коллеги по сумасшедшему дому мрут, как мухи. Вот, только вчера...

– И позавчера, и на прошлой неделе... – Вивиан поняла, что имеет в виду Фред, но предпочла закрыть тему. – Приключение без риска – это Диснейленд.

– Диснейленд лучше кладбища, – Фред поднял бокал. – Помнишь у Франсуа Вийона: *«Только голый череп твой глянет страшной пустотой и в гробу оскалит зубы»*.

– Помню у Йетса: *«И если даст господь, сильнее любить я стану после смерти»!* – Вивиан постучала Фреду пальцем по лбу. – Если ты приехал к волкам, но думаешь, что это медведи-гамми, то всякое может случиться. В зоне конфликта действуют свои правила, они очень просты, но их надо четко

выполнять: никакой воды, кроме воды в бутылках, никакого льда в напитках, никаких фруктов или овощей, с которых нельзя срезать кожуру. Мясо – исключено.

– А пули?

– Тут тоже свои правила. Не надо без толку болтаться в зоне обстрела и ждать, когда что-нибудь прилетит тебе на голову, не стоит подходить близко к мародерам, нельзя направлять камеру на самолет – ее могут принять за стингер. Вот и все.

– Ты не просто ведьма, – Фред замялся, подбирая метафору. – Ты бы вышла из Хиросимы, не размазав тушь на ресницах и даже чулки не порвав. Ты сама себя не боишься?

– Bravo! – еще больше развеселилась Вив. – Это лучший комплимент в мой адрес за последние два года!

Тут Фред умоляюще посмотрел на нее. Она повернулась к шефу и сказала без всякой подготовки:

– Мы с Фредом хотим сделать из одной англичанки, о которой наш журнал уже писал в 60-м, новую Мата Хари.

Шеф равнодушно посмотрел на камеру в руках Фреда.

– Звучит заманчиво. И что для этого надо? Взломать сейфы Ми 6⁸?

– Нужна командировка в Боснию.

– Хорошо, жду вас обоих в понедельник с докладом.

Выйдя из бара, Вивиан направилась в обход парка. Сорвала нарцисс и воткнула его в волосы, сделала пару ставок в ка-

⁸ Британской военной разведки.

зино, отказала двум вздыхателям, постояла на террасе и посмотрела фейерверк, потопталась под звуки музыки с молодыми сотрудниками редакции и в конце концов нашла успокоение в шезлонге у бассейна.

Над ней тихо покачивались ветки платанов, лучи заходящего солнца пробивались сквозь их сплетения и сияли как расплавленное золото. С противоположной стороны бассейна до нее долетали обрывки голосов.

Минут пятнадцать ей удавалось не привлекать внимание. Но потом боковым зрением она увидела рядом с собой мужчину, сидящего прямо на земле, скрестив ноги.

– Хочу с вами познакомиться, – его белые зубы сверкнули в дружеской улыбке. – Я – Джерри.

– Почему со мной? – Вивиан даже не повернула головы. – Здесь столько интересных женщин.

– Когда женщин много, каждая в отдельности мало заметна. Но вас нельзя не заметить. И этот прекрасный цветок в волосах.

Вивиан вынула из волос цветок и повертела его в руках.

– Нарцисс – эмблема Уэльса. Это не кокетство, а проявление патриотических чувств.

– Теперь понятно, почему ваше имя Вивиан, а не Вивьен. Вы случайно не прапраправнучка короля Артура?

– Это вам лучше обсудить с моим отцом. Однако какая осведомленность...

Джерри придвинулся к ней поближе.

– Вы в этом журнале звезда. Видел ваши публикации и фотографию. Может, выпьем? Что принести?

– Ничего не надо. Мне достаточно.

– Вы здесь самая трезвая.

– Так кажется. У меня состояние... условной нестабильности второго типа.

– На юге так называют строй дождевых облаков при муссонном фронте.

– Именно это я имела в виду. Еще чуть-чуть, и я заплачу пьяными слезами.

– Скучаете?

– Да что вы, оттягиваюсь по полной! Обалденная тусовка.

– Согласен, вечер удался.

– Вы серьезно?

– Да. Непринужденная атмосфера. Много красивых и свободных женщин. Мне нравятся незамужние француженки. Они обладают каким-то особенным шармом послевоенных проституток.

– Теперь понятно, почему наши редактора ведут себя как пехотинцы генерала Монтгомери.

– Надо же хоть изредка разрушать условности.

Вивиан с интересом скосила на него глаза. Спортивный пиджак, модный галстук, джинсы Levi Strauss, коричневые замшевые сапоги. Американец. Фигура спортсмена, при этом тонкое умное лицо и цепкий, странно напряженный, почти мистический взгляд. В гладких черных волосах ран-

няя седина.

– Открою вам секрет, – Вивиан напустила на себя безразличие и скуку, – у нас в редакции особым шиком считается трах во время телефонного разговора. Вы готовы?

– О-о! Конечно. Аж дух захватывает.

Вивиан провела двумя пальцами по углам чуть раскрытых губ.

– Но есть одна проблема. Мне не надо никуда звонить.

– Позвоните маме.

На удивление Вивиан Джерри не чувствовал подвоха.

– Вы извращенец? – она опустила глаза от душившего ее смеха.

– Ничего такого я за собой не замечал.

Вивиан посмотрела на часы. Они показывали четверть десятого. В ее планы не входило задерживаться здесь так долго.

– Вы всегда так шутите? – спросил Джерри.

– Почему нет? Неплохое начало для знакомства, – Вивиан протянула руку. – Чем занимаетесь?

– Я ваш коллега и восхищаюсь вашими статьями.

– Неужели? Один коллега назвал мои статьи глянцевыми фантазиями могил.

– Наверно, вы ему отказали.

– Намеки, намеки, – Вивиан стало скучно. – И куда вы теперь?

– В Ригу.

– Но там нет никакой войны.

– Посмотрим. Шаткое равновесие может рухнуть в любой момент. Даже от случайно оброненного слова. Знаете, как появилась демократия в Древнем Риме? Нет? Все началось с изнасилования благородной римлянки Сегесты. Насильником оказался сын жестокого царя Тарквиния. В общем-то ничтожное событие. По историческим меркам. Но оно послужило поводом к восстанию, которое в один день покончило с тиранией.

– И кто же в Латвии исполнит роль Сегесты?

– Вот мы и посмотрим. После того как страны Балтии объявят о независимости, там неизбежно начнется кровопролитие. Резкие заявления. Баррикады. Трупы. По-другому не бывает. Свобода, она такая, – Джерри говорил медленно, взвешивая каждое слово. – Вы когда-нибудь были в Балтии?

– Нет. Но слышала, что Ригу называют маленьким Парижем.

– Ничего общего. Их сближает только бесконечное разнообразие серых тонов.

– Кстати. Кто вам слил информацию, что я еду в Латвию?

– Разве это секрет?

Вивиан посмотрела на Джерри в упор, потом снова на часы.

– Ну ладно, мне пора.

– Заканчивать вечеринку надо качакой. Бразильской текилой.

– Пусть будет качака, – Вивиан с раздражением почув-

ствовала в себе размягченную стоворчивость. – И кофе, а то засну.

Джерри ушел и вернулся с двумя широкими бокалами, в которых плескалась прозрачная жидкость, и бумажным стаканчиком капучино. В петлицу его пиджака было воткнуто перо лука-порей⁹.

Вивиан рассмеялась и похлопала в ладоши. Джерри галантно поклонился.

– Я где-то читал, что валлийские воины, отправляясь на битву при Хитфилде, воткнули порей в петлицы своих кожаных сюртуков¹⁰. Так мы встретимся в Риге?

– Не знаю, – Вивиан отпила глоток тепловатой жидкости. – Не хочу писать про Россию и ее разбегающихся спутников, – она отставила бокал в сторону и сняла крышечку с чуть теплого капучино.

– Напрасно. Россия – это женская тема. Все ужасы русской истории от тамошних баб. Тайный мотив коммунизма – желание восстановить матриархат. А то, что происходит в России сегодня, напоминает свальный грех.

– Все революции грешили групповухой, – Вивиан вылила остатки кофе на клумбу с цветами и смяла бумажный стакан. – Насколько я знаю, революция 1968 года началась с требований студентов Нантена допустить их в женские общежития.

⁹ Лук-порей является национальной эмблемой Уэльса.

¹⁰ Битва за независимость против англичан, 633 г.

– Что делать, если буржуазная культура загнала женщину в моногамную семью. Женское подсознательное – это борьба с запретными желаниями и месть.

– Чтобы поднять такую тему, мне придется перечитать Фрома и сходить к психоаналитику¹¹. А я их на дух не переношу, – Вивиан взяла бокал и взболтала остаток текилы. – Мне действительно пора. Терпеть не могу расстраивать компанию, но я страшно устала.

У машины Джерри обнял Вивиан за талию, потом наклонился к ней и коснулся губами ее шеи.

– Я могу тебя отвезти.

Вивиан ощутила кончик его языка возле своего уха. Несколько секунд она смотрела на его отражение в дверном стекле машины, затем повела плечами и высвободилась.

– Нет. В гостиницу я поеду одна.

– Как хочешь, – Джерри убрал руки. – Может, встретимся завтра.

– Нет.

– Это уже четвертое «нет» за одну минуту.

– Завтра я намерена взять интервью. Кстати, у одного русского.

– У кого? – Джерри не мог скрыть любопытства.

– Он торговец оружием. Кроме того, поставляет русских проституток во французские и оманские бордели.

– Хм. Широкая география. Как его зовут?

¹¹ Эрих Фром.

Вивиан вынула из сумочки фотографию и протянула ее Джерри. На ней был изображен упитанный мужчина средних лет в одежде цвета хаки и бейсбольной кепке, надетой козырьком набок. Вокруг него стояли вооруженные люди.

– Его зовут Бальмонт. Как одного из знаменитых русских поэтов, – Вивиан протянула Джерри еще одну фотографию. – Здесь он в одной из самых беспощадных партизанских группировок в мире.

– Откуда у тебя эти фотографии? – Джерри, кажется, слегка оторопел.

– Один коллега по чистой случайности наткнулся на него в джунглях мятежной Анголы. Фотографии сделаны скрытой камерой.

– И где вы встречаетесь? Надеюсь, не во французском борделе.

– Нет. По чисто английской традиции мы встречаемся в пабе.

Вивиан сняла туфли, швырнула их на заднее сиденье. Несколько секунд она растирала онемевшие от высоких каблуков ступни, чтобы вернуть им способность нажимать на педали. Джерри не уходил. Повернув ключ зажигания, она резко рванула с места и помахала ему рукой.

По дороге в гостиницу Вивиан все время возвращалась мыслями к Джерри. Она уже не сомневалась, что это был Джерри Валлерстайн, один из директоров Нью Глобал Медиа. С этим американским агентством ее журнал и издатель-

ство сотрудничали уже несколько лет.

В начале своей карьеры благодаря Нью Глобал Медиа – мирового центра поддержки журналистов – Вивиан не раз ездила в Америку по программе «Защита мира и демократии». Она побывала не только в Вашингтоне и Нью-Йорке, но и на роскошных курортах Флориды и Калифорнии.

В программу поездок включались встречи с американскими конгрессменами, сенаторами, различными должностными лицами, директорами крупнейших мировых издательских корпораций. Все это напоминало шикарную презентацию. Отчитываясь в редакции об одной из поездок, она так и сказала: «Мне зачем-то разрекламировали Соединенные Штаты». Впрочем, эти поездки были полезными. Она познакомилась с коллегами и обсудила с ними все нюансы работы в горячих точках. Семинары проводили мэтры свободной журналистики. Ей удалось побывать даже в Пентагоне.

Сотрудники Нью Глобал оказались славными ребятами. Они предупреждали ее желания, возили по достопримечательностям, клубам и дружеским вечеринкам. С ними было легко и весело. Потом они не раз помогали ей добывать информацию или, как факиры, вытряхивали эту информацию из своих рукавов. Благодаря им она встречалась с, казалось бы, недостижимыми людьми, торговцами оружием, лидерами террористических формирований, крестными отцами всякого рода мафий.

Джерри появился в этом агентстве чуть более года назад

и очень быстро занял пост одного из директоров. Настолько быстро, что сплетни об этом дошли даже до редакции ее журнала.

Вив понравилось, что Джерри не стал надувать щеки и высокомерно совать ей визитку, как делали многие мужчины его статуса. Поэтому она решила поставить ему плюс.

Ее волновал лишь один вопрос: неужели он приехал в Ниццу только за тем, чтобы уговорить ее отправиться в Ригу?

Древний Египет, Фивы. 974 год до нашей эры

Храм прилегал к восточным отрогам Ливийских гор, почти сливаясь с отвесным склоном. Мерный ритм колонн и беспорядочное нагромождение скал создавали удивительную гармонию, посвященную богам Черной земли. Но боги покинули храм, потом ушли люди, и теперь только стража время от времени обходила его галереи и внутренние дворы.

По дороге к храму, заваленной обломками камней и костями животных, шестеро рабов несли на плечах большие крытые носилки. Перед пандусом первого этажа они поставили носилки на землю и пали ниц.

Откинув полог, на раскаленные от солнца каменные плиты сошла женщина. Сухая раскаленная пыль, словно туман, окутала ее ноги.

Бесстрастно глядя из-под опущенных век, она долго смотрела на стены храма, отшлифованные песчаными бурями, потом перевела взгляд на вершины многоцветных известковых гор. Она знала, что за ними простирается голая песчаная пустыня, бесконечная, как вечность.

Женщина медленно перенесла свою тень, чтобы рабы могли поднять голову.

Осторожно, чтобы не повредить ноги, она пошла вверх по пандусу, ведущему в храм. Молодой раб проворно бежал впереди, поливая путь водой из кожаного мешка. Подойдя к колоннам первой террасы, она отослала раба прочь и решительно вошла в большой сумрачный зал.

Там посреди строительного мусора в кругах рассеянного света стояла каменная скульптура египетской царицы. Плавные изгибы туники раскрывались на плече, обнажая высокую грудь, и ниспадали к ступням, словно стекая по телу. Взгляд подведенных глаз из зеленых светящихся камней казался живым. На лбу, чуть повыше бровей, извивалась дугой золотая налобная змея. В правой руке она держала знак «анх», в левой – стебли лотоса.

Весь ее облик источал силу и равнодушие истинного величия.

Женщина вынула из складок одежды зеркало и стала всматриваться в черты своего лица. Высокие скулы, прямой узкий нос и изящный подбородок. Уловив сходство с лицом скульптуры, женщина убрала зеркало и опустилась перед ней на колени.

«О, Исет! Дай мне кусочек сияющей лазури неба, освободи меня от врагов, – она коснулась лбом пола, – избавь от всех сомнений...»

Раздался шепот. Женщина вздрогнула и огляделась по сторонам. Никого не было, только со стен на нее смотрели равнодушные лики богов. Она подняла глаза. Наверху, меж-

ду глухой стеной и потолком виднелась полоска утреннего неба. Там в бескрайней синеве медленно кружил сокол.

Женщина села на камень и обхватила руками согнутые колени.

Ее взгляд остановился на резных барельефах, покрытых белыми полосами птичьего помета. Они изображали рождение царицы Хатшепсуп. Сама божественная Хатхор вскармливала ее грудью и провозглашала наследницей престола прямо в колыбели. Женщина принялась читать столбцы иероглифов, которые часто виделись ей во сне: «Я вручаю тебе все жизненные силы, все земли, все страны, все народы. Я вручаю тебе трон, да воссядешь ты на нем, подобно Ра, на веки вечные».

Из глубины зала вышел худой юноша, лет шестнадцати, без парика, с длинными до плеч черными волосами. «Вы, наверное, ждете учителя? Он не придет, он умер». Его голос был подхвачен гулким эхом и шумом падающих где-то камней. Женщина медленно разжала пальцы и вытянула ноги. «Ты кто?» Юноша смущенно отвел глаза от ее изящных ступней в украшенных жемчугом сандалиях. «Меня зовут Нефер. Я перебирал обломки скульптур, сваленных у каменоломни. Учитель сказал, что портретные статуи служатместилищем души. Мы сделали все, что в наших силах, чтобы восстановить царицу в первоначальном камне. Пришлось заменить только нос, подбородок, глаза и уши я не смог найти среди обломков. А учитель забыл черты божественной

Амон-Асет¹², ведь прошло пятьдесят лет с тех пор, как он изваял ее в камне». Женщина улыбнулась. «Так вот почему она так похожа на меня. Но я не в обиде, главное, что ты сохранил ее душу». Юноша заложил под мышки свои ободранные руки. «Получается, что так... Да, еще... Мы обрядили царицу в отличия богини Исет, как вы просили».

Женщина встала и подошла к юноше так близко, что он почувствовал тонкий запах духов. «Я довольна работой». Она протянула руку и взерошила ему волосы: «Ты получишь обещанное вознаграждение. Меня зовут Таисмет».

Через час рабы вынесли носилки к реке и поставили их в тени деревьев. Откинув полог, Таисмет лениво растянулась на подушках, задумчиво глядя куда-то в пустоту. Слуги принесли несколько кувшинов воды и принялись мыть ей ноги.

К носилкам подошел молодой человек в облачении жреца. Гладко выбритый череп утопал в могучих плечах, огромные руки и ноги двигались тяжело и неловко, но живые, скрытые под густыми бровями глаза внимательно следили за всем, что происходило вокруг. «Вы были в храме, в этом отвергнутом богами месте? На его голых камнях произрастают только тоска и страх. Вы смелая женщина».

Таисмет блаженно замигала глазами в такт движению огромных опахал из страусовых перьев, навевающих на нее прохладу реки. «Меня охраняла сама Амон-Асет, – сказала

¹² Важнейший обряд египетского культа богов, имевший целью вселить в статую невидимое божество.

она. – Теперь я хочу услышать, что она скажет».

К полудню изваяние царицы стояло на берегу.

Жрец прикрепил к каменной руке царицы табличку с иероглифом, окурил дымом ладана, опрыснул водой и, бормоча священные формулы древнего обряда, прикоснулся жертвенным ножом к ее груди, глазам и губам. «Теперь она будет говорить словами богов. Но их еще надо услышать».

Слуги поставили статую царицы на папирусную лодку, и жрец оттолкнул ее от ступеней пристани: «Если “да”, то лодку прибьет к берегу, если “нет”, то она уплывет прочь».

Лодка медленно скользила по мутной воде, вниз по течению, под негромкие причитания жреца. Привстав на носилках, Таисмет смотрела ей вслед, закрываясь рукой от солнца. Берег реки в синей дымке полуденных испарений был безлюден. Голые известковые скалы своим призрачным блеском нестерпимо резали глаза.

Через несколько минут лодка врезалась в густые заросли тростника.

Жрец поднял правую руку как бы для благословения и произнес: «Она говорит “да”».

Таисмет села на подушках, при этом золотые украшения на ее шее тихо зазвенели. «Ты уверен?» В ответ жрец склонился перед ней в глубоком поклоне: «Ее устами говорит воля богов».

Этим же утром к южным окраинам Фив на лодках и плотах пристали передовые части Нубийского корпуса. Вода в

Ниле убывала на глазах, и берег реки превратился в топкое илистое болото.

Аменойнемхет, командир корпуса, взобрался на береговую возвышенность, чтобы посмотреть на город сверху. Воздух был чист и свеж. Нил изгибался дугой. Восточный край неба горел огнем, освещая городские кварталы, распростертые внизу огромным ковром. На правом берегу реки возвышались величественные строения Корнака и Луксора. На левом берегу, на отрогах Ливийских гор, медленно проступали очертания ступенчатого храма.

Казармы – несколько больших каменных, кирпичных и деревянных барачков – были окружены высокой стеной и в отсутствие корпуса использовались под мастерские, амбары и склады. Солдаты вынесли все лишнее к реке и аккуратно сложили на берегу. В один из освободившихся барачков согнали рабов, захваченных в Куше, в другой сложили нубийское золото, шкуры экзотических животных, дерево, слоновую кость.

Аменойнемхет отдавал короткие приказы. В нубийском корпусе все офицеры укорачивали свои имена на манер нубийских имен. Поэтому подчиненные звали своего командира просто – Ной. Два его офицера носили укороченные имена – Гор и Ваал. Но это допускалось только в походе.

В полдень к казармам подошли какие-то вооруженные люди во главе с крикливым толстяком, размахивающим свернутым в рулон папирусом и требующим вернуть все выне-

сенное имущество обратно на склад. Ной не стал ни в чем разбираться и, построив находящихся рядом солдат в цепь, загнал гостей в вязкую прибрежную грязь. Толстяк пытался к берегу с низкими поклонами, но когда сел в лодку, принялся ругаться и грозить.

Ной освободился от дел только к вечеру. Нестерпимый зной сменила прохлада. В сопровождении охраны он быстро прошел сквозь лачуги городских окраин к центру города.

На улицах бурлила жизнь, лавки, палатки ремесленников, балаганы танцовщиц были открыты настежь. Дорогу преграждали вереницы повозок, запряженных ослами, толпой валили продавцы свежей воды и фруктов, проститутки, увешанные дешевыми украшениями, пьяные наемники, явно не из египтян, с тупой злобой на лице. Бегали слуги с носилками и опахалами. Из игорных притонов доносились крики и ругательства. Несколько жрецов, сбившись в кучу, пьяно горланили церковные гимны. Среди всей этой толчеи расхаживала городская стража с дубинками в руках, подозрительно косясь на вооруженный отряд Ноя, который грубо расталкивал людей, чтобы освободить проход.

Все было так, как пять лет назад, и одновременно не так.

Ной еще несколько раз останавливался, чтобы разобраться в своих ощущениях. Наконец он понял, что произошло. Город молился богам и предавался разврату с несвойственной ему истерикой и обреченностью.

Он также заметил, что в городе осталось мало египтян.

Вдоль стен сидели горбоносые финикийские купцы в островерхих колпаках, шныряли смуглые эгейцы в ярких набедренных повязках и с длинными волосами, заплетенными в косички. На корточках сидели строительные рабочие, пускающая по кругу кувшин с пивом, все сплошь аму, из племени иудеев. Было много чернокожих эфиопов со свалывшимися в войлок волосами, украшенными перьями. То и дело попадались какие-то незнакомые ему люди в узорчатых туниках, с тщательно расчесанными и завитыми бородами.

Город все еще был красив, но потерял надменность и ослепительность, то, что отличало Фивы от других городов Египта. Это была красота огромного, почти законченного зла.

На высокой каменной стене храма скорописью было написано:

«Ты, Амон, господин молчания, приходящий на голос бедных». «Ты Амон, защитник тихих, спаситель бедных».

Из кабака вывалился пьяный немху (бедняк, простолюдин). Избитый и перепуганный, он с минуту неподвижно сидел на песке, потом протер глаза и огласил воздух воплями: «Пусть будет проклят тот день, когда я появился на свет».

Ной схватил его за шиворот и прислонил к стене.

– Ты кто?

– Я молотильщик.

– Чего тебе делать в городе? Иди и молоти.

– Я был арендатором, сидел на царских землях.

– Ну, и где твоя земля?

– Ее больше нет. Там построены дома.

– Какие дома?

– Дома проходимцев, съехавшихся невесть откуда.

Ной толкнул молотильщика обратно на песок. Тот слезно заскулил. «О-о, великие боги! Мои одежды украдены, хребет разбит, пил протухшую воду, теперь вот что-то с животом. Я как палка, которую изъел червь. Обратите мое тело в прах и отправьте на поля Осириса».

У одной из стен храма стоял старик, покрытый шрамами, и читал молитву. Ной остановился и прислушался: «О, Амон, Владыка, пребывающий в тишине. Ты всегда приходишь на зов тех, кто скромн сердцем. Ты слабого делаешь сильным. Ты даешь дыхание жизни тому, кому его не хватает. О, Амон, Великий, прекрасный, сокровенный Амон...»

В старике Ной узнал старого солдата, с которым он шесть лет назад плавал в Библ за строительным лесом, где вся его команда подверглась неслыханным унижениям. Тогда он в первый раз понял, что Египет слаб.

– Эй, – окликнул он солдата.

– Привет тебе, новое солнце Египта! – ответил тот заплетаящимся языком. – Да достигнет слава твоя самых далеких берегов, куда только доходят египетские суда.

– Как живешь?

– Разве это жизнь? Эх вы, знатные господа, живущие на вершинах мира, разве вы знаете, что творится на дне пропасти, да и хотите ли вы это знать!

– Я хочу. Говори дальше.

Старик долго собирался силами и наконец изрек:

– Наступят дни, когда боги Египта уйдут на небо, и отвращение к миру овладеет людьми. Придут чужие боги, не боги, а демоны, они обступят человека со всех сторон и с хохотом будут тыкать в его маленькую фигурку раскаленными прутьями, а он будет корчиться в клетке, сплетенной из Пустоты.

– Это все?

– Нет, не все.

– Хорошо. Я найду тебя, и ты расскажешь мне все, что тебе известно. Но если хоть одно слово лжи сорвется с твоих губ, я скормлю тебя собакам.

Оставив позади городскую клоаку, Ной снова ощутил свежий запах реки.

Северная окраина города, примыкающая к реке, была застроена красивыми одно-двухэтажными домами из легкого нильского кирпича. Три года назад его дом стоял здесь в гордом одиночестве, посреди густых зарослей ивняка. Теперь домов стояло много. У ворот некоторых из них слуги с факелами ожидали возвращения хозяев.

Ной долго петлял в лабиринте высоких каменных оград, пока наконец не вышел к своей усадьбе. Дом был освещен. Его размытые очертания проглядывали сквозь плотную завесу из вьющихся растений.

От реки к дому был прорыт канал, в котором стояла боль-

шая парусная лодка.

Привратник не сразу его узнал, что привело Ноя в бешенство. «Долго я буду дожидаться, чтобы войти в свой собственный дом, ленивый пес! Открывай ворота и проваливай отсюда». Привратник завыл, упал на колени и пополз открывать ворота. Не обращая ни на что внимания, Ной быстрыми шагами пересек двор, огибая пруд, заросший водяными лилиями. В проеме арки, за которой начинались комнаты, выстроилась челядь, благоговейно вытаращив глаза. Пройдя переднюю, он попал в просторный холл, а оттуда по длинному коридору – в главную комнату дома.

В очаге горел огонь. Ной не выносил запах дыма, который напоминал ему холодные ночевки в пустынях Нубии, и резко одернул тяжелые занавески, закрывающие выход на террасу. Скопившийся в комнате дым быстро растворился в ночи. Из сада в дом ворвался прохладный ветер, насыщенный ароматами цветов.

Споткнувшись о порог и с трудом переводя дыхание, в комнату ввалился управляющий помещьем. Ной еле разобрал слова: «Счастлив, что вы вернулись. Три года – это очень большой срок. Ходили слухи, что Сиамун отправил вас в изгнание. Но я никогда в это не верил». Ной жестом остановил этот поток слов, и его лицо скривила брезгливая гримаса: «Прочь, грязное отродье Сетха. Чтобы духу твоего здесь не было!» Он оттолкнул управляющего в сторону с такой силой, что тот покатился по полу.

В дверь неуверенно вошел незнакомый ему слуга. Ной окинул его полным безразличия взглядом и отрывисто приказал:

– Ванну!

Сбросив одежду и сандалии, он лег в чистую прохладную воду и закрыл слезящиеся глаза, воспаленные от солнца и ветра. Потом принялся изучать потолок, который поддерживали колонны из ливанского кедра. Мысль перескакивала с одного на другое. Он вспомнил кедровые леса, покрывающие холмы Библа. Надо поговорить с тем солдатом, чтобы лучше понять, что же здесь происходит.

По трубам журча утекала грязная вода.

Этот дом, одновременно с почетным званием имаху, получил дед Ноя, в подарок от фараона. Ной хорошо помнил, как деду три раза в день приносили кушанья и питье из царского дворца. Но главное, дед выслужил себе пышное погребение.

Мелькающий свет упал на папирус с дарственной записью:

«Сей дар по милости фараона благородному воину, божественному отцу, любимцу богов, кто наполнял сердце фараона радостью во всех чужеземных странах, кто наполнил его склады лазуритом, золотом и серебром, военачальнику, любимцу бога. Владыка обеих земель обеспечивает тебя навечно. Царский писец Джуги».

Этот дом и земля вокруг него не были ни «домом номар-

ха», то есть пожалованием за службу без права наследования, ни джетом – временным частным владением. Он был «домом отца», частной собственностью, что было большой редкостью. Но за три года многое изменилось. В письмах, которые Ной получал в Нубии, Амни подробно описывал, как фиванская знать и жреческий кагал делили между собой царские земли. Особенно ценились незатопляемые земли вдоль Нила и земельные угодья в пойме реки. За них шла настоящая война. Царскими оставались лишь земли вдоль пустыни, постепенно заносимые песком.

Народ обрабатывал землю, которая уже не принадлежала царю, а значит, не принадлежала Египту.

Амни также предупредил его о предательстве привратника и управляющего имением. Кто-то из прислуги украл обрезки ногтей и пряди отрезанных волос Таисмет. Амни был уверен, что все это попадет в руки демонов, которые создадут куклу из воска для проклятий в ее адрес. Они начнут тыкать в нее иголки и расплавлять на священном огне.

Появилась рабыня в красном хитоне и ловко окутала хозяина тонкой льняной тканью, осушая тело и волосы.

Ной с удовольствием оглядывался по сторонам. На всем, что было в доме, лежало светлое очарование. Это была заслуга Таисмет.

Завернувшись в грубую накидку, он пересек большую комнату и осторожно открыл дверь спальни. Его жена лежала на боку. Черные прямые волосы были распущены и связа-

ны в кисти. Никаких украшений, только ожерелье из только что сорванных лотосов. Ной вдохнул нежный, тонкий запах цветов и закрыл глаза. Когда он снова их открыл, жена стояла перед ним, от щиколоток до груди обернутая в прозрачную материю.

Ной со смехом подхватил жену на руки. «Я вижу, что моя Таисмет уже стала великой Ма-ке-Ра и теперь принадлежит не только мне, но и всему Египту». Он стал кружить по комнате. Таисмет прижалась губами к его шее. Он кинул ее на кровать и поднес светильник. Она опустила веки и, глядя прямо перед собой, изобразила на лице некое подобие улыбки.

– Что случилось?

– Я отвыкла от тебя.

Ной ударил ногой в металлический диск, и на звон явилась рабыня.

– Вина!

Рабыня удалилась и через минуту вернулась, держа в руках два яшмовых кубка. Пригубив из каждого, она поставила их на маленький столик. Таисмет бросила на нее свирепый взгляд и жестом отослала прочь. Потом повернулась к мужу: «Разве дочери нубийских вождей не приветствовали твой лик, не целовали землю под твоими ногами и не простирались на животе перед тобой? Я больше не хочу видеть ее на нашем ложе». Ной улыбнулся. «Даже Осирис нарушал верность Исиде». Таисмет погладила Ноя по щеке, потом про-

вела рукой по его задубевшему от солнца и ветра лицу, сильному натренированному телу, в котором не было ни капли жира, и ласково сказала: «Не будем сердить Хатхор, даровавшую нам здоровье и красоту». Ной схватил жену за плечи. «Я же не спрашиваю тебя, с кем ты предавалась любви эти три года». Таисмет выдержала его взгляд, но ее тело чуть напряглось. «Я могу признаться только в том, что ездила в Абидос и ходила с подругами к небесной царице любви. Ты же знаешь, что это угодно богам».

– И что же ты там делала?

– Мы молились богам, а потом бежали обнаженные под яркой высокой луной, в молчании ночи.

– И дальше?

– Мы ждали прикосновения Исет.

Ной презрительно скривил губы:

– А вместо нее вас облапали похотливые сынки номовой знати. Знаю я эти ваши игры.

– Не напрасно ли ты смеешься? – сурово сказала Таисмет и невольно сжала ладонь между бедрами. – Откуда у тебя это презрение к древним обрядам? Неужели ты думаешь, что я служу в храме на низшей ступени и отдаюсь каждому встречному? Я допущена к тайнствам и достаточно образованна, чтобы не терять при этом голову, – сказала она сердито. – Я унаследовала гордость матери и смелость отца. Тебе нечего беспокоиться. Мы бежали навстречу свежему ветру, раскинув руки, и казалось, еще миг – и весь мир растворится в

лунном свете.

– Раскинув руки или ноги?

– Нет, ты совершенно одичал в пустынях Куша.

Ной рассмеялся.

– Я так и знал, что женился на храмовой блуднице. Не знаю, что происходит у вас в Абидосе, но по ту сторону моря женщины жертвуют свое тело другой богине любви, не помню, как ее звали. Когда я плавал в Библ, то видел много женщин, занимающихся блудом в пользу алтаря. И еще я был свидетелем обряда «священного брака», на который съехались женщины со всего света. Это были не любовные игры, а разнузданная оргия, не поддающаяся описанию. Тамошние жрицы вытворяли такое...

Таисмет хотела что-то ответить, но Ной навалился на нее всей тяжестью своего тела, зарылся лицом в ее волосы и сбил дыхание. Когда он возвращался из военных походов, то буквально разрывал ее на части. Она заставила его перевернуться на спину и с размаху воткнула в себя, подавшись сначала вперед, а потом резко откинувшись назад, подставив лицо свету луны.

После трех лет походной жизни Ной не мог долго находиться в помещении, и, подхватив жену на руки, вынес ее на террасу. Фонари потухли, и в лукавых глазах Таисмет отражался только свет восходящей луны.

Они легли на матрас, и Таисмет с широко распахнутыми глазами обладателя истины принялась подробно рассказы-

вать Ною о событиях в Фивах.

Ной слушал невнимательно, лениво переводя взгляд с точеного контура ее щеки и изогнутой линии века на колыхающуюся грудь. За три года он поучил несколько десятков писем от Амни. Последнее из них было больше похоже на жалобу: *«Все меняется. Все совсем не так, как было. Разрушены планы годов, нарушен порядок вещей. Нет года приходящего, похожего на год ушедший. Но каждый новый год становится тяжелей, чем предыдущий... Люди нарушают установленные законы, насмехаются над страданием, не оплакивают умерших. Везде царят насилие и жестокость. Все в унынии. Города и деревни жалуется на свою судьбу. Больна страна. Я думаю о том, что случилось. Нас губит неверие в богов... Если бы я знал, где бог, я бы принес ему жертву. Но нет его».*

Ной помнил это письмо наизусть. Амни писал, что Египет распадается на части, номовая знать совершенно отбилась от рук, а Фивы превратились в дряхлую провинцию, управляемую вороватыми жрецами.

Перед тем как вернуться в Фивы, Ной дал себе клятву не связываться в политику. Там, в Нубии, он ушел в сказку, которую придумал сам, лежа под звездами. Это была сказка о прекрасной земле, где растут деревья, источающие благовоения, а сады спускаются террасами к самому морю.

Но последние слова Таисмет вывели его из оцепенения.
– Я провела сегодня утром обряд «отвержения уст» боже-

ственной царицы Амон-Асет. Она предстала передо мной в облике богини Исет и призвала нас действовать.

Ной приподнялся на локте и удивленно уставился на жену, которую уже еле различал в темноте. От расслабленного состояния не осталось и следа.

– Не иначе как богиня, утратившая своего супруга, решила лишиться супруга и тебя.

– Ее устами говорит воля богов.

Ной повалился на спину и уставился на звезды.

– Именно этого я и боялся больше всего. Испытания, что посланы богами, более опасны, чем те, что посланы людьми.

– Боги не искушают. Они предопределяют. Если приходит удача, то боги ниспослали ее нам.

– А если неудача?

– Тогда это испытание. Любое испытание облагораживает душу.

– Ха! Ты хочешь сказать, что если боги ниспошлют нам ночью блоху, то ее укус облагородит нас?

– Не кощунствуй! Невозможное возможно, если это сокровенное.

– Но причем тут твоя бабка? С каких это пор стать ничем, это стать богом.

– Нам не дано знать, кто мы есть. А к ногам Амон-Асет, последней из Рамсесов, два года склонялся весь Египет.

– Это кончилось ее изгнанием и смертью.

– Она попыталась защитить свой мир.

– Судя по семейным преданиям, твоя бабушка не отличалась особым благоразумием. Ее мир был обречен. Она пренебрегла лукавством ума и коварством. Чтобы победить, надо лгать и проливать кровь. Она не была к этому готова. А ты к этому готова? Если ты не сможешь довести дело до конца, начнется безумие. Стоит только пошатнуть законы, заставляющие народ повиноваться, и толпа сметет все на своем пути.

Таисмет медленно повернула голову, всматриваясь в Ноя.

– Я и забыла, что ты хорошо образован, мой милый. Глупые те, кто считают воинов дикими.

– У меня были хорошие учителя. Но я был плохим учеником, мой ум был слишком занят войной и женщинами.

– Тогда слушайся меня. В течение одного единственного дня можно сотворить другую судьбу, другое будущее.

Ной уперся взглядом прямо перед собой, в его голове теснились беспорядочные мысли.

– Судьба – это я сам, – наконец сказал он. – Куда я, туда и она. И я не хочу, чтобы моим будущим уже завтра стала вечность, – он силой воли заставил себя успокоиться. – Говорят, что саркофаг Амон-Асет напоминал о вечности больше, чем все памятники в храмах Верхнего Египта.

– Это слухи. Ее похоронили не в Долине царей, а где – не знаю. В Фивах осталась только портретная скульптура, которую я с трудом восстановила.

Ной поднял голову. На небе показалось созвездие Льва и в нем яркая звезда Регул.

– Где звезда Амон-Асет?

– Там, в южной части неба. Смотри! Вон она гонится за убегающим Осирисом, взывает к нему, а он отворачивает от нее свой лик. Как и ты убегаешь от меня.

– Я не убегаю. Я говорю, что нам еще рано отправляться к Осирису.

– Боги уже предначертали наш путь. И они всегда помогут тем, кто действует согласно их воле. А других принудят к повиновению.

– Ты же знаешь, я никогда не прошу совета у богов, чтобы потом не пренебрегать тем, что они скажут... Твоя безумная бабка навязывает нам свою судьбу – спасти проклятых, чтобы потом обречь на проклятие себя. А я не хочу терять себя в потерянных людях. Плевать мне на всех. Я хочу быть верным только своей судьбе, – Ной сжал кулак и стукнул им о ладонь. – И тебе я не советую брать в руки копье, если ты не способна бросить его в цель.

Таисмет о чем-то задумалась, перебирая шейную цепочку, на которой была подвешена гемма с изображением богини Исет, потом, потрянув головой, произнесла твердым и не терпящим возражений голосом:

– Титхеперура должен умереть.

– Почему Титхеперура?

– Великий жрец уже взял себе тронное имя. Он хочет так же, как и Менхеперра, провозгласить себя царем Верхнего Египта. Жалкий ублюдок! Демонстрируя свою власть, он

страшно возбуждается, иногда это даже очень хорошо видно.

– Это что, новый вид половых извращений?

– Кагемни считает, что он сумасшедший.

Ной задумался.

– Тит-Хеперу-Ра. – произнес он по слогам. – Ничего себе!

Я об этом не знал. Но даже, если бы знал... Египет обойдется без твоей и моей помощи.

– Ты боишься.

– Я три года поклонялся Сехмет¹³. Три года я стоял на пути неведомых врагов из необъятной Африки. Наступает момент, когда человек должен отгородиться не только от других, но и от самого себя, чтобы прожить еще немного.

– Ты заменил разум благоразумием. Титхеперура знает, что я могу доказать свое родство с царским домом Рамсесов по женской линии. И он не оставит нас в покое. Пока ты был в Нубии, он боялся тебя. Сейчас он может убить нас обоих, – Таисмет отвернулась, чтобы Ной не увидел страха в ее глазах. – Милость богов длится лишь мгновение, но это великое мгновение. Нельзя его упустить. Выбор за тобой. Ты уже сделал почти все, что нужно, чтобы достичь совершенства, – остается сделать еще один шаг.

Ной не знал, что ей ответить. Его наставник часто повторял: «Если хочешь рассмешить богов, расскажи им о своих планах. Будущее должно само позаботиться о себе. Оно уже здесь, за углом...» Зачем заглядывать дальше, чем в зав-

¹³ Богиня войны и палящего солнца.

трашный день.

Таисмет тоже молчала. Она была слишком взвинчена, чтобы обрушить на Ноя всю мощь своего очарования. Она только вытянула руку так, чтобы на нее падал свет луны. Два кольца на ее пальцах чуть сверкнули. На одном, очень старинном, переходящем из поколения в поколение, были вырезаны незнакомые Ною знаки. Но он знал, что это кольцо, освященное во всех четырнадцати гробницах Осириса, порождало силу, дающую власть. На втором, был вырезан знак «анх», увитый стеблями лотоса.

Внезапно Ной выдернул валик у себя из-под головы и швырнул в дальний угол комнаты.

– Ты говоришь – милость богов! Мгновение! На то, что ты задумала, нам потребуется не мгновение, а время, много времени. Милость богов должна следовать чередой, подобно лотосам на твоём ожерелье, – Ной сорвал цветок с ожерелья Таисмет и воткнул его ей в волосы. – Мне нужны солдаты, много солдат. И деньги? Только тогда мы сможем победить.

Взгляд Таисмет приобрел сумеречный оттенок, из-за которого Ной и все остальные мужчины Фив теряли голову. Она сорвалась с постели и через некоторое время вернулась с большим мешком.

– Вот, – Таисмет высыпала на постель несколько сотен больших колец менового золота. – Этого тебе хватит?

Ной прищелкнул языком:

– Я и забыл, что твоя бабка куда-то упрятала почти все

золото Рамсесов.

– Это только небольшая его часть, остальное спрятано далеко от Египта. Мы пошлем за ним, когда восстановим власть истинных царей и богов.

– Ты уверена, что найдешь его.

– Амонасет оставила мне свиток папируса, который я должна прочесть только тогда, когда мне будет грозить настоящая опасность. Или когда я стану царицей Египта. Иначе написанные на нем слова разлетятся по ветру. И еще свою печатку, по которой меня должны узнать как законную наследницу египетских царей. Ее мне передала Хатхорити. – Таисмет повертела в руках кружок из зеленого камня, он выскользнул у нее из рук и покатился по полу.

– Почему бы нам не уехать в Нижний Египет, в Танис, и не заняться интригами при дворе. При таких-то деньгах. Сиамун долго не проживет, и у него нет достойных наследников.

Резким движением Таисмет села на край матраса.

– Мне нужны Фивы!

Ной провел рукой по ее волосам:

– Черной земле потребовались века, чтобы возникнуть, и ей потребуются века, чтобы умереть. А после нас пусть пересохнет Нил.

В глазах Таисмет сквозь слезы сверкнули недобрые огоньки.

– Ты говоришь нет? Значит, нет?! – она воздела к небу ру-

ки, а потом с отчаянной решимостью бросилась из комнаты на террасу. Порыв ветра с грохотом захлопнул за ней дверь. Ной поймал ее только в саду.

– Ты нарушаешь законы Маат, заставляя сказать да своими слезами. Это нечестно. Я не буду выполнять все твои прихоти.

– Прихоти? Ты говоришь прихоти? Значит, нет?!

Пожав плечами, Ной попытался уложить Таисмет обратно на матрас. Она брыкалась и кусалась. Он попытался ее успокоить:

– От обязательств легче уклониться, чем выйти из них с честью.

– Я не требую от тебя никаких клятв.

– Почему же? Я могу поклясться бородой Птаха или сосцами Хатхор!

– Ты богохульствуешь! – в голосе Таисмет зазвенели холодные нотки, не предвещавшие ничего хорошего. – Как ты не понимаешь, этот дом скоро превратится в мастабу, из которой нет выхода¹⁴.

Ной приблизил к ней лицо, всматриваясь в темные круги подведенных глаз. Перед его походом в Нубию она была воплощением веселой юности, дерзкой и неутомимой. Сейчас это была женщина, бросающая вызов судьбе.

– Хорошо, предоставь событиям хотя бы некоторое время идти своей чередой. Я поговорю с людьми, которым еще

¹⁴ Древнеегипетская могила.

дорог Египет. Если, конечно, в этом городе божественных откровений и порока еще остался хоть один человек, кому можно верить.

– Я пригласила к нам старого Кагемни, верховного советника Смендеса¹⁵.

– Неужели он еще жив?

– Он стар, но сохранил ясность ума. У него есть внук, очень разумный мальчик. Титхеперура разрушил их честолюбивые планы.

– Кто еще с нами?

– Жрец из древней фиванской фамилии Секененра. Занимается медициной и магией.

Таисмет назвала еще несколько фамилий. Ной не мог понять, шутит она или говорит всерьез.

– И это все? – подвел он неутешительный итог. – В наших непобедимых рядах престарелый сановник, бывший правитель Дома войны¹⁶, жрец, изгнанный из храма, выскочки из обедневшей провинциальной знати, жаждущие почестей при дворе, прочая шваль. Ладно, я поговорю с Кагемни, пусть придет. Мне 28 лет, возраст Осириса, когда тот был убит Сетом. Попробую обмануть судьбу.

Ной засыпал. Мысли стали отрывочными и запутанными. «Ночь и день, явь и сон, разливы Нила и спад воды... извечный порядок вещей, ритм жизни. Чего еще она хочет? Вла-

¹⁵ Фараон XXI династии, правивший раньше.

¹⁶ Военный министр.

сти? Зачем? Этот мир довольно жалок и бессмыслен. Если существует другой мир, то почему этот заканчивается могильными червями и надписями на стенах гробниц? Стоит Таисмет возложить на себя корону Египта – и ее гибель пред-
решена».

Откуда-то издалека донеслись обрывки фраз. «Ты мой сильный, умный, смелый воин. Ты будешь царем, а я – твоей царицей».

Ной заснул. Таисмет вынула из-под кровати свиток папируса, опечатанный большой печатью со странным знаком, не похожим ни на один иероглиф. Немного подумав, она засу-
нула его обратно. Другого надежного места для его хранения в этом доме не было.

Она вышла к пруду, прислушиваясь к звукам ночи. Молчание на земле, покой на небесах. Песок был текучим, сандалии глубоко погружались в него. Она разделась и вошла в воду, призывая силу стихии, уже не раз помогавшую ей.

Таисмет шла быстро, почти бегом, не оглядываясь. За ней, широко ступая, шел огромный нубиец, с факелом в одной руке и дубинкой в другой. Он всегда сопровождал ее во время ночных прогулок. Она хорошо ему платила, и он никогда не нарушал ее одиночества.

Наконец угрюмая равнина осталась позади. Они уперлись в огромный скальный выступ. Разбросанные вокруг камни еще не успели остыть.

Таисмет села на плоский камень и прислонилась к шер-

шавой поверхности скалы. Нубиец тем временем откатил огромный камень, закрывавший вход в пещеру. Из темноты на них зелеными глазами изумрудов смотрела Амон-Асет.

Таисмет вошла в пещеру и пала перед ней ниц.

Помолившись, она приложила лоб к холодному камню скульптуры в надежде получить предупреждение о грядущей опасности. Ей казалось, что царица тихо склоняется к ней, чтобы открыть какую-то тайну.

Немного одурманенная влажной теменью пещеры, она прошептала: «Этой ночью на небе больше звезд, и месяц светит дольше, чем обычно. Да хранят нас боги!»

Она поняла главное – в ближайшее время ей ничего не угрожает. Но то, что должно произойти потом, было скрыто во тьме.

Тряхнув головой, Таисмет встала на ноги и вышла из пещеры величественной походкой царицы. Решение было принято.

Они пошли назад. Таисмет придерживала руками задранное до колен платье. Ее стройные ноги ступали легко и уверенно. Ножные браслеты серебристо звенели.

Чрез час они дошли до полуразрушенной хижины. Таисмет с трудом пролезла в низкую дверь. В тесном помещении в полутьме сидела худая старуха с желтоватым лицом, в черной рваной одежде. С потолка свисали пучки сушеных трав и корней, полки вдоль стен были завалены амулетами и снадобьями.

– Я покупаю у тебя яд, – сказала Таисмет.

Ничего не говоря, старуха подошла к маленькому шкафу с деревянными дверцами и, подслеповато моргая, принялась осматривать его внутренности. Набрал корений и трав, она бросила все это в котелок с водой и поставила на огонь.

Таисмет молча смотрела, как старуха помешивает отвар.

– В тебе говорит ненависть, – вдруг прошамкала старуха. – Это ослабит действие яда. Умерь это чувство. И верь в Иси-ду. Она более могущественна, чем яд. Молись ей! Иначе боги поразят тебя. Как поразят всякого, кто без их соизволения прикоснется к завесе! Но не цепляйся за них, они сами тебя найдут. Если захотят.

По дороге домой Таисмет додумала эту мысль до конца.

Латвия, Рига. 2 марта 1990 года

Из дневника Эдда Лоренца

По небу метались рваные облака. На скворчащих поземкой улицах выстраивались бесконечные очереди за продуктами.

Приехавший из Москвы Костя рассказал, что в России одновременно закрыли на ремонт все табачные заводы. Кооператоры скупили все мыло и весь стиральный порошок. Рынки переполнены тухлятиной. В Ленинграде толпы голодных перекрыли Невский проспект. В Киеве по Крещатику люди ходят с плакатами «Москали съели наше сало», а московские демократы призывают избавиться от нахлебников, пьющих кровь русского народа. В очередях за алкоголем и табаком начались драки.

Кто-то грамотно разваливал страну.

На предвыборный митинг опять никто не пришел. Я со злостью смотрел на темные окна домов, за которыми скрывалась еще не осознавшая себя Вандея. Хотелось по-бегемотовски ворваться в какую-нибудь квартиру, схватить живущего там жирного хряка за шиворот и бить, бить его головой о стенку, пока он не начнет хоть что-то понимать.

Меня постоянно тошнило. Это могло быть озлоблением от бессилия или февральским обострением гастрита.

Возвращаясь вечером домой, я сразу заваливался спать.

Ночью меня мучили кошмары. Словно я брожу по пустому вокзалу из одного зала ожидания в другой, а моего поезда все нет и нет. И вот наступает жуткий миг, когда я понимаю, что моего поезда нет и не будет, так как он потерпел крушение лет двадцать назад.

Это был страх. Страх провала. Мне хотелось плюнуть на все и уйти, спрятаться за туманом, как в детстве, когда весь мир казался враждебным.

Но было нечто, что сильнее меня, – болезненная и неудержимая тяга к бунту.

По семейному преданию, мои далекие предки жгли поместья немецких баронов. Дед ввязался в революцию. Отец был шестидесятником. Теперь пресловутая двойная спираль толкала меня к неясной пока что цели.

Когда дед умирал, мы с отцом сидели у его постели, пытаясь понять то, что он говорил заплетающимся языком. Я ничего не записывал, о чем потом сильно пожалел. Он говорил об Иваре Смильге – доверенном лице Ленина в Финляндии, у которого дед был в подчинении с февраля по ноябрь 1917 года.

Никогда раньше дед мне ничего такого не рассказывал. Я знал, что он был делегатом Второго съезда Советов от Нарвы, а в гражданскую воевал в составе 6-й армии Тухачевского, которого считал редкой сволочью.

События, о которых дед рассказал перед смертью, произошли осенью 1917-го в Финляндии. Немцы передали Смильге

250 хорошо подготовленных и экипированных финских егерей и огромную партию немецкого оружия. Егерей разместили по хуторам вокруг Гельсингфорса. Оружие на пароходе отправили в Петроград, а потом переправили поближе к лагерям немецких военнопленных. В середине сентября Смилга взял под большевистский контроль все правительственные учреждения в Гельсингфорсе, фактически установив в городе советскую власть. Поздно вечером 25 октября (7 ноября) 200 финских егерей под руководством Смилги прибыли на Финский вокзал Петрограда. Дед вспоминал, что было очень холодно. Встретивший их на вокзале человек сообщил, что телефон, телеграф, мосты и так далее уже заняты красной гвардией, но там сплошь одни бандиты и дезертиры. Остался только Зимний дворец. Его охраняют ни на что не способные юнкера и женский батальон. Временное правительство готово сдать власть, но важен сам факт его ареста. Задача – войти в Зимний, арестовать Временное правительство и обеспечить во дворце порядок. Дед вспоминал, что Смилга сильно нервничал, а когда по Зимнему начали стрелять пушки Петропавловской крепости, перешел на мат. Но обстрел продолжался недолго. Для всех егерей не хватило грузовиков. Дед подъехал к Зимнему с первой партией, и они через какие-то двери без проблем вошли внутрь здания. Егеря были отлично подготовлены и разоружили охрану без единого выстрела. Дед одним из первых взошел по Октябрьской лестнице в Белый зал дворца и увидел, как в Малой сто-

ловой арестовывают Временное правительство. После этого Смилга отправил его на Второй съезд Советов, провозглашать советскую власть.

Так возникла страна, которую мне надо теперь защищать.

Перед смертью дед впервые назвал революцию октябрьским переворотом, а официальную версию – театрализованной постановкой. По его словам, все было сделано тихо, профессионально, без суеты. Вооружать немецких военнопленных не потребовалось.

Сейчас советскую империю разваливали не менее профессионально.

Я вспомнил, как на утро после смерти деда в его квартиру нагрянули работники госбезопасности и забрали все документы. Перед уходом они порекомендовали мне держать язык за зубами.

Революция пожирает своих детей, но дед по чистой случайности выжил. Исторический счет за ужасы революции и гражданской войны перешел к моему отцу, которого бросили в самое пекло Сталинградской битвы, где люди гибли сотнями тысяч. Но он тоже выжил и довоевал. Теперь настала моя очередь платить по счетам.

Но – чем платить? Участием в новой революции? Или в контрреволюции? Какая, в сущности, разница! После баррикад власть всегда оказывается в руках сукиных детей и осквернителей могил.

Дед категорически запретил хоронить себя на алее старых

большевиков. Как в воду глядел.

Однажды, шатаясь по своему избирательному участку, я забрел на типографию, где печатали мои предвыборные листовки. Было холодно и безлюдно, только у черного входа двое рабочих мрачного вида разгружали грузовик, деревянные ящики с грохотом падали на асфальт. Я вошел в пыльный цех. Под ногами все вибрировало и тряслось, как будто я попал на отчаливающий корабль. Пьяный корабль Артюра Рембо.

Соленой пеною цвели мои блуждания,
Мне ветер придавал свободных крыл изгиб.

Начальник цеха протянул мне листовку, пахнущую типографской краской. На лицевой стороне под лозунгом моей предвыборной кампании «Я не прошу, я предлагаю» красовался мой портрет. Бумага была плохой, с желтоватым оттенком, поэтому я выглядел довольно жалко. Вряд ли после выборов женщины завалят меня любовными письмами. А так — ничего. Лицо человека, которому можно доверять. На обратной стороне листовки был набран текст моих обещаний. Бредятина!

Чтобы переломить ситуацию, я попросил помощи у друзей. Ночью мы взломали дверь домоуправления и перефотографировали списки жильцов. Агитировать латышей не имело смысла. Поэтому мы начали методично обходить квартиры жильцов, говорящих по-русски. А наши самые красивые девушки часами стояли на обдуваемых метелью перекрест-

ках с предвыборными листовками, продвигая мое имя как торговый бренд.

Мы отрывали людей от стирки, готовки, выпивки и телевизора, пытаясь втолковать им, что Советский Союз должен быть сохранен, что в развалившемся государстве всю их прошлую и будущую жизнь вынесут ногами вперед.

Из ротозея и пофигиста я в одночасье превратился в бесстрашного героя. У меня даже появились фанаты. Я жал им руки, испытывая мучительное безразличие ко всему.

Обходя квартиры, я часами выслушивал пьяную бредятину о русской душе и косноязычные проекты светлого будущего. В одной из квартир одинокий старик пообещал проголосовать за меня только в том случае, если я помогу продвинуть его изобретение на Нобелевскую премию. Сидя в сталинском лагере, он обратил внимание на благотворное воздействие позы орла над очком лагерного сортира на истерзанную алкоголем печень. Если правильно тужиться, а он знает, как это делать правильно, то можно заметно поправить здоровье. Я, конечно же, обещал. В другой квартире старший научный сотрудник незабвенного института НИИ-ЧАГО целый час забивал мне голову всякой демократической хренью. Я сказал ему, что через полгода национал-демократы закроют его институт, а сам он будет продавать китайские кальсоны на демократических толкучках. Меня выставили за дверь.

Обломы случались довольно часто. Разные умники в оч-

ках и без убеждали меня в том, что маленький гордый народ имеет право на вожделенную свободу. Я отвечал, что тоже не против, но я не хочу, чтобы, вдохнув воздух свободы, мой маленький гордый народ харкнул им всем в рожу. Меня не понимали и отказывались идти голосовать.

Я вспомнил, что Ленин как-то назвал русскую интеллигенцию говном. Как он был прав!

Всякая революция начинается с тихого озверения обывателя. Но он молчит, потому что не умеет сказать. Вместо него говорит интеллигент – и говорит, конечно же, о свободе. Свободы становится много, как грязи. Но она приходит не одна. Из всех щелей выползает ужас. Обыватель в панике. Он начинает бояться телефонных звонков, стука в дверь. Он читает плохие газеты, выискивая в них признаки того, что окружающий его кошмар скоро кончится. Какая наивность! А что интеллигент? Переполненный интеллектуальным омерзением ко всему, он продолжает тупить. Но молох истории не дремлет, и его ставят к стенке. Он кричит: позвольте, позвольте, я решительно протестую! Очки разбиты, штаны мокрые. И только тут он начинает кое-что понимать. Но поздно. Раздается команда: «Пли!» К власти приходят чиновники и подонки. Занавес! Так было в семнадцатом, так будет и сейчас.

Я даже написал по этому поводу стихи и прохрипел их под гитару в стиле Высоцкого в одном из молодежных клубов. Но, как всегда, не был понят. Правда, имел успех.

Как-то раз, сидя на ступеньках перед дверями очередной квартиры, я пережил острейший приступ человеконенавистничества.

Чего я хочу от этих запуганных жалких людишек? Почти у каждого второго неустойчивая психика и расшатанные нервы. Все, что они могут, – это подставлять себя под удары судьбы. И все. Для них быть – это быть загнанными в угол.

Одни молятся на свое национальное государство, наивно полагая, что оно решит все их проблемы. Другие ждут, когда Европа откроет границы, чтобы дать деру. И у тех, и у других от телевизора в глазах мухи, а в голове тараканы или, вернее, тараканы попки. Тараканы все-таки шуршат.

Но надо было работать. Я обошел всех руководителей заводов, расположенных в моем избирательном округе, предупреждая их, что летом, после обретения Латвией независимости, начнутся повальные увольнения. Единственный выход – пока не поздно продать заводы самим себе. Только так им удастся сохранить и заводы, и самих себя. Я написал две статьи: «Молчание волков» и «Впереди только инфаркт», в которых попытался втолковать «красным директорам», что надо спешить. С добросовестными приобретателями имущества ничего не сможет поделать даже ангажированная юстиция независимой Латвии.

Для последнего предвыборного митинга, на котором мне надо было собрать не менее пятисот подписей, я снял актовый зал ближайшей русской школы, пообещав найти школе

спонсора в лице разбогатевшего кооператора.

Школьный зал был переполнен – люди сидели, стояли в проходах, теснились у дверей.

Постепенно я начал различать отдельные лица. Первые ряды заняли немолодые, но все еще цветущие женщины, выставив аппетитные коленки. Две-три выглядели даже очень привлекательно.

Ближе к окнам грузно сидели усталые мужчины. Рыхлые лица, бугры животов, растянутые ворота рубаш, сбившиеся набок галстуки. «Красные директора». Я знал практически всех. Они тарасились по сторонам, поминутно отирая вспотевшие лбы.

Весь центр зала заняли пенсионеры.

Молодежь расселась недалеко от выхода, чтобы было проще улизнуть.

Я поискал глазами Костю. Он стоял у дверей, проводя своего рода фейс-контроль. Его тонкое умное лицо и напряженный взгляд не выдавали ни единой эмоции, хотя более раннего человека трудно было найти.

По проходам ходили здоровенные парни, которых привел Виталик из военного училища. Они вежливо следили за порядком и раздавали агитки. У Виталика под глазом был фингал, переливавший оттенками индиго. Похоже, кто-то хотел сорвать мероприятие.

В заднем ряду в скованной позе, на полстула, сидел представитель участковой избирательной комиссии. Весь месяц

он следовал за мной по пятам, пытаясь поймать на нарушениях закона.

Милена, наклонившись ко мне, стала шепотом зачитывать выдержки из газет. В латышских газетах меня называли сорняком, который надо выдрать с корнем. А в одной из русских газет заметка обо мне была помещена между фотографиями одной длинноногой и одной пышногрудой девицы. Заметка называлась «Бомбист Лоренц». В другой русской газете написали, что опрос студентов посрамил преподавателей – членов Народного фронта. Студенты сказали, что мои лекции в университете были лучшими. Особенно всем запомнилась последняя лекция.

– Что ты им выдал напоследок? – спросила Милена.

– Ничего такого. Я сказал, что мы знаем, как противостоять авторитарной власти. Но как бороться с демократией, мы пока не знаем.

Наконец с улыбкой мученика появился Костя.

– Зрителей – полный стадион! Пришлось дополнительно втащить сотню стульев. Имей в виду, публика собралась интеллигентная. Из рабочих общежитий никто не пришел.

Я оглядел зал:

– Значит, пролетариат не хочет защищать родную советскую власть?

– Нет, не хочет.

– Ну и х...й с ним. Латыши есть?

Костя поднял ладонь, растопырив пальцы:

– Человек пять.

Он еще что-то говорил, а я безуспешно пытался поймать струю свежего воздуха.

– Надо открыть еще одно окно, – я подошел к окну, распахнул боковую створку и посмотрел вниз. У входных дверей тоже толпились люди.

В зал влетел ветер, и Милена кое-как сложила вырывающуюся газету.

– С тобой все в порядке? – озабоченно спросил Костя.

Со мной было все в порядке. Почти в порядке.

– А эти что здесь делают? – я показал взглядом на шумную группу молодежи с заметной придурью в глазах.

Костя щелкнул пальцами:

– Молодежный клуб «Бригантина».

Я вспомнил, как мои пламенные призывы в каком-то молодежном клубе потонули в болоте равнодушия и рок-музыки.

– Романтики адреналина?

– И это тоже. Они считают, что после всех этих демократических выборов к власти придет не отважный гимнаст Тибул или бесстрашный укротитель Просперо, а клоун из политического балагана. И предложили помощь.

– Ты им сказал, что мы собираемся не побеждать, а проигрывать. Но проигрывать красиво.

– Не успел.

Я рассматривал собравшихся, они рассматривали меня.

Казалось, все ждут какого-то откровения. Я повернулся к Косте:

– У меня сегодня два варианта – создать русскую партию или объявить танцы.

– Объявляй танцы, шманцы, все, что угодно, только не читай тут всем лекцию. Нам главное собрать подписи. Говори так, чтобы они плакали, смеялись, злились, негодовали и все такое. Но не обсуждай заведомую ерунду. Говори так, как будто вбиваешь гвозди.

– Куда? В собственный гроб?

– Возьми гитару и спой вместе с молодежью: *«В флибустьерском дальнем синем море бригантина поднимает паруса»*.

– Может лучше эту, мою, знаменитую...

– Какую?

– Ну ту, про гнилую русскую интеллигенцию: «Он понял все, когда стоял у стенки, но жизнь ушла с печальным звуком “пли”».

– Ты с ума сошел!

– А ты уже и шуток не понимаешь. Тебе-то хорошо, в твоём избирательном округе два военных городка.

– С военными тоже не все так просто. Знаешь, что они мне предложили? Не более и не менее, как ввести в устье Даугавы ракетные крейсера и объявить Ригу свободным ганзейским городом.

– Историки, мать твою! Книжки читают...

Я начал набрасывать тезисы выступления. «Дорогие друзья! У меня для вас две новости: одна плохая, другая – еще лучше. Процесс, который начался полтора года назад с требования сменить в Латвии поясное время, успешно завершен. Республика выходит из состава Союза. Независимой Латвии вы не нужны. Вся ваша прошлая жизнь никуда не годится. Горбачев предал вас еще на Мальте. Вы брошены на произвол судьбы. Вам не на что рассчитывать. Хорошая же новость состоит в том, что у вас есть я...!»

Я смял листок и засунул его в карман пиджака.

Кто-то пытался хлопнуть в ладоши, кто-то зашипел, собираясь свистнуть. Надо было начинать.

Я встал и подошел к микрофону. Зал замер. На многих лицах было сочувствие. И я понял – им все равно, что я скажу.

Стоящий в горле ком мешал говорить. Я поднял руку с жатым кулаком в приветствии «рот фронта» и хрипло прокричал в микрофон: «Да здравствует Советский Союз!»

То, что произошло потом, напоминало замедленную съемку. По залу пробежала нервная дрожь. Треснул стул. Через мгновение все взорвалось громом аплодисментов. Молодежь у дверей принялась скандировать: «Советский Союз, Советский Союз!»

Я окинул взглядом задние ряды, где сидели латыши. Наблюдатель из центральной избирательной комиссии смотрел на меня выпученными глазами, так, как будто я только что

прокричал: «Зиг хайль!»

– Вот, в принципе, и все, что я хотел вам сказать, – мой голос немного дрожал. Похоже, я сильно расчувствовался.

Из зала были заданы всего два вопроса: по какому такому праву Народный фронт не соблюдает союзную конституцию и что я думаю о Горбачеве. Костя предупреждающе кашлянул. Я сказал, что если бы конституции никогда не нарушались, то мы бы жили по законам Хаммурапи. Отвечая на второй вопрос, я ограничился анекдотом:

«Стая птиц собралась вокруг вожака – вот, мол, наша жизнь нам не нравится, хотим жить лучше. И вожак говорит стае: “там”, махнув крылом в сторону горизонта. Стая улетает. Проходит время. Стая возвращается. Потрепанная, еле живая. И снова собирается вокруг вожака. Самая смелая птица говорит: “но там ничего нет”. Вожак удивленно поворачивает голову и спрашивает: “где?”»

Зал разразился хохотом.

Под бурные аплодисменты собрание благополучно завершилось. Я начал обход, пожимая всем руки.

Ко мне подошел наблюдатель из Центральной избирательной комиссии. Теплые ботинки, переброшенное через руку ратиновое пальто, ненавидящий взгляд.

Я взял его под локоть, и мы вышли из зала, как два закадычных друга.

– Поздравляю, – почти прошипел он. – Не знаю, как вам это удалось.

Как и все в Народном фронте, он был уверен, что русский избиратель с рождения пофигист и на митинг не придет.

– Спасибо, – пробормотал я, отводя взгляд от его омерзительной улыбки. – Претензии есть?

Он ничего не ответил. Я вежливо сопровождал его до выхода и даже открыл перед ним дверь. Холодный ветер сквозь рукава залетел ко мне под пиджак.

Взлетев обратно по лестнице наверх, я наткнулся на двух молодых девушек, сидящих на подоконнике. В нос ударил запах дешевой туалетной воды.

Мне страшно захотелось узнать, о чем они говорят.

Недалеко на стене висела школьная стенгазета, и я направился к ней медленным, неуверенным шагом, словно бы не зная, что мне нужно.

Девушки трещали о своем:

– Мы с Надькой вчера вечером поехали в «Лиру», и она там так нажралась, что упала со стула. На полном серьезе! Потом пошла поплевать в мужской туалет. А мы с Женькой сидим и смотрим друг на друга. Нормально, да? А в конце Женька мне все рассказала... Короче, ты помнишь, когда она была у врача, типа на тему этой, как ее, птичьей болезни? Так вот, на самом-то деле...

Я благоразумно отошел подальше.

Девушки устали в окно:

– Блин, опять этот снег сраный. Не пойму, с какого перепуга я вообще сюда приперлась. На кой хрен мне этот Со-

ветский Союз... Жрать нечего. Ты знаешь, что мне сказал Имант? Что в их новом государстве будут низкие цены. Дешевых тряпок навезут. Сечешь? Пива хочешь?

Девушки неловко спрыгнули с подоконника, обнажив бедра до самых трусов. Они ушли по коридору, а я вернулся в зал.

Костя протянул мне подписные листы:

– Что, тяжела шапка Мономаха?

– Я все сделал так, как ты хотел. Коротко и ясно.

– Ты молодец. Мы собрали полторы тысячи подписей, в три раза больше чем надо. Теперь ты можешь зарегистрироваться.

Я рассказал Косте о только что подслушанном разговоре.

– А ведь девка права. Древние греки считали, что в мире теней все исключительно дешево, бык там стоит всего лишь грош.

Зал постепенно пустел. Остались только наши, пара уборщиц и рыжая тетка, которая замещала директора школы. Она о чем-то говорила с Миленой.

Я окинул взглядом свою команду, освещенную гудящими лампами дневного света.

– Всем спасибо. Вы лучше всех!

Подошла Милена.

– Чего этой рыжей от тебя надо? – не понял я.

– Она перепугана и хочет, чтобы мы скорее убрались.

Я сомкнул пальцы и, вывернув руки ладонями наружу,

хрустнул суставами.

– Вот-вот! Самое время начать пресмыкаться перед новой властью. Дура! Русские школы все равно закроют. Как бы она ни наклонялась. Скажи ей, что у нас аренда зала до девяти часов.

Свет в зале погас. Но потом снова зажегся.

– Ну, и что дальше? – спросила Марина. Раздавая предвыборные листовки, она сильно простудилась и теперь шмыгала носом.

– На выборах надо будет проконтролировать подсчет голосов. Иначе все впустую. Я скажу, что и как.

– А потом?

– Потом? Не знаю.

– Мне казалось, что ты все знаешь.

– Я уже в том возрасте, когда могу честно признаться, что не знаю ровным счетом ничего.

Костя вынул из сумки бутылку вишневого ликера и скрутил пробку. Я поймал себя на том, что смотрю на бутылку, не вполне понимая, что это за предмет.

– Зачем ты пьешь эту гадость?

– Не знаю.

– Так выкинь. У меня есть коньяк.

Костя открыл окно и выбросил бутылку наружу.

Я подошел к окну. Внизу никого не было. Под фонарями в желтом конусе пустоты кружились в танце редкие снежинки. Ликер прочертил на снегу пунктирную линию.

– Ну, ты даешь! – упрекнул я Костю. – Здесь же школа.

– Потом подберу. Нервы ни к черту.

Я пустил бутылку коньяка по кругу.

Коньяк был приготовлен из хорошо очищенного самогона, настоянного на дубовой коре, которую можно было купить в любой аптеке. Цвет создавался при помощи жженого сахара.

– Ладно, я пошла, – Света с трудом отдышалась после глотка.

– Все, расходимся!

Лампы дневного света гудели, как реактивные самолеты.

Я задержал только Костю.

– Мне нужны исторические аналогии того, что происходит сейчас. Я знаю одно: всякий исторический катаклизм – это вопрос собственности. За всем этим бардаком стоит желание советской элиты превратить свои привилегии в собственность. Главный вопрос – как поделить и не передрасться. Ведь национальные элиты тоже хотят урвать свой кусок. У американцев есть пословица: техасец ворует только в Техасе. И это правильно. Поэтому, прежде чем своровать, надо прочертить границы. А дальше действовать по феодальному принципу: что упало с воза на территории твоей вотчины, то твое. Воз – это пресловутая общенародная собственность, вотчина – это союзная республика. Прибалтика только начало. Союз распадется по границам республик. Черт с ними со всеми! Но если и Россия распадется на вотчины, то будет

полный пипец. Что ты об этом думаешь?

Костя думал недолго.

– Аналогий достаточно. Древний Египет, 21-я династия. Страна после этого так и не воспряла. Или Петр Третий. После него Россия получила крестьянские бунты, жестокие, но не всегда бессмысленные.

– О Петре Третьем я знаю. А что в Египте?

– Это было примерно три тысячи лет назад. В Иудее тогда правил Соломон. Но к событиям в Египте это отношения не имеет.

– Ты хочешь сказать, что Древний Египет, как и Советский Союз, развалили демократы?

– Нет, – улыбнулся Костя, – его развалило жречество и местная знать. По нашей терминологии – партийно-хозяйственная верхушка. До воцарения 21-й династии царские поместья были, по сути, государственными предприятиями. Царь жаловал землю только за службу, оставаясь ее собственником. Но потом условные держания стали собственностью. В захвате земли особенно отличилось жречество. Но и местные царьки тоже. Делали, что хотели. Страна распалась на номы. Как ты сказал? Техасец ворует только в Техасе? Да, так и было: абидосец воровал только в Абидосе. А фиванец в Фивах. Чужих и близко не подпускали. Номовая знать признавала власть фараона, засевшего в Танисе, на севере Египта, лишь формально. Если вообще признавала. Я думаю, что Горбачева как президента первой династии ожи-

дает судьба фараонов XXI династии. Его пошлют туда, куда и фараон пешком ходил.

Костя ушел. С первого этажа донеслись звуки хлопающих дверей.

Вверх по лестнице поднималась Камилла.

– Ну, Лоренц, ты даешь! Я тебя жду, жду, – она сбросила с себя пальто и оставила его на спинке стула у дверей.

Я знал ее еще с университета. На одной из комсомольских вечеринок ее выбор пал на меня. А я трусливо сбежал. Некоторое время она продолжала меня волновать. Но потом я понял, что все женщины одинаковы.

Окончив журфак, она стала неплохой журналисткой. И точно, самой красивой. Обтягивающий свитер, короткая юбка, влажные глаза, пухлые губы. Дорогущее ожерелье из черного оникса.

– Ты весь какой-то потрепанный, – обрадовала она меня. В ее голосе всегда было что-то неуловимо манящее.

– Устал. Ну как тебе все это?

– Блеск! Даже на сборищах Народного фронта я не видела таких восторгов.

– О, да, – вздохнул я и процитировал: «Однажды, когда народ рукоплескал ему, Фоакон заметил: верно, я сказал какую-то глупость».

Камилла расхохоталась.

– Ты в своем репертуаре, – на ее губах медленно расцвел цветной пузырь модной жвачки и лопнул со звонким хлоп-

ком. – Что ты ополчился на бедных латышей? Пусть тешатся своим государством. Тебе-то что?! Как там у Бродского? *«Если выпало в империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря».*

– Это не для меня, – я взял со спинки стула ее пальто и помог ей просунуть руки в рукава.

– Что не для тебя?

– Я не хочу жить в маленьком злом государстве и петь в общем хоре. Тем более с народом, пребывающим в злобе. Империя – это пространство возможностей. Это вызов, который я готов принять.

– Ты самоуверенный сукин сын.

– Лучше расскажи, что там у моего конкурента.

Камилла некоторое время в задумчивости теребила свое ожерелье.

– То же, что и у тебя. Когда люди сбиваются в кучу, у них возникает одно единственное желание – надо кого-нибудь ненавидеть. Теперь вместо евреев русские.

– Меня вспоминали?

– Еще как! Но особенно досталось Виктору Осису. Тебя называли кангаром, а его манкуртом. Или наоборот. Уже не помню. Да и какая разница, – Камилла откинула волосы, застегивая пальто. – Почему бы тебе самому не поговорить с соотечественниками?

– Я пытался. Пришел. Но тут такое началось! Пришлось заткнуть уши. Так и просидел, зажав голову между ладоней.

Мы стали спускаться вниз по лестнице. Камилла разглядывала меня с интимной насмешкой и бодро жевала ком резинки.

У самой двери она вдруг задержалась, положила руки мне на плечи и повернула лицом к себе. Ее длинные темные волосы блестели, как тлеющие угли.

– У тебя потрясающая способность не замечать намеков. Что во мне тебя не устраивает? – спросила она.

– Все устраивает, – простодушно ответил я.

– Мне сказали, что ты запал на Инту. Она же страшна, как бабуин.

– Для меня нет некрасивых женщин.

– Так уж и нет?

– Нет. Но все, что говорят об Инте, – вранье. Не мой тип.

– Ну, слава богу! – Камилла отошла к зеркалу и крутанулась около него. – Ты же брезглив. Не любишь дырявые колготки. Об этом написали в последнем номере «Лабвакар». Мы в редакции долго смеялись.

– Значит, за меня взялись всерьез.

– Еще как! Ты что, не читаешь газет?

– Нет, конечно. Я не мазохист и не сумасшедший. Но какие-то слухи до меня доходят. По-моему, обо мне пишут черт знает что.

– То ли еще будет! Думаю, они уже опросили всех твоих любовниц.

– Ради бога! Тут у меня сильные позиции. Я не только

брезглив, но и ленив. Насчет дырявых колготок не помню, но они действительно напоминают мне лопнувшую оболочку докторской колбасы.

Камилла остановилась и посмотрела на свои ноги, потом расстегнула нижнюю пуговицу пальто и подняла юбку. На ней были дорожные чулки с красивой ажурной каймой.

– Тогда я тебе в самый раз. За мной не надо ухаживать. Я всегда сама проявляю инициативу. Мой стиль: никаких хлопот, никаких расходов, никаких обязательств, никаких вопросов. Перепихнулись и разошлись.

– Я подумаю.

– Боже, какой ты несговорчивый, – сжав кулак, Камила легонько ткнула меня в грудь. – Я кое-чему научилась. Вот увидишь, – ее глаза заискрились из-под нависшей пряди волос.

Я поцеловал ее в щеку.

– Не в тебе дело. Ты одна из самых обаятельных женщин, которых я знаю. И очень хорошая журналистка. Может быть, даже лучшая. Но, к сожалению, я преданный и безусловно верный муж.

Она прижалась ко мне и опустила руку вдоль тела.

– Я понимаю. Всего лишь одно мгновение может свести на нет десять лет непоколебимой верности. Давай напьемся.

– У меня другие планы.

– Тогда пригласи меня в кафе, – она включила все свое обаяние, – и мы поговорим о планах.

У меня не было ни единого шанса победить ее в этой игре. Но хотелось домой. С этой политикой я скоро вообще стану импотентом.

– На сегодня все. У меня куча дел. Скоро 8 Марта. Надо поздравить всех женщин в моем избирательном округе, их всего-то три тысячи, и купить две бутылки шампанского. Вот это действительно проблема.

Мы пошли на остановку троллейбуса, не касаясь друг друга. Она шла широким размашистым шагом, руки в карманах, на плече болталась сумка. Ее развевающиеся волосы на фоне темного неба были похожи на темную вуаль всадницы с картины Репина.

С крыш с треском срывались и стремительно, словно кинжалы, летели наземь сосульки.

– Надень шапку!

Она удивленно посмотрела на меня:

– Чем я заслужила этот знак внимания?

– Простудишься. И латвийская журналистика на неделю потеряет тебя из виду. Она этого не перенесет.

На остановке сиротливо жались под навесом несколько пар. Мы встали рядом. За нами горел фонарь, и наши тени вытянулись далеко за границы тротуара.

Камилла прижала голову к моему плечу. Я потерся щекой о ее волосы.

Будучи студенткой, она на моих глазах стала виновницей нескольких транспортных пробок. И теперь какой-то проез-

жавший мимо автомобилист опустил боковое стекло и почти в упор уставился на нее.

Из-за поворота появился троллейбус.

Камилла вынула из сумочки свою визитную карточку.

– На, возьми! Все равно ты от меня не уйдешь.

Идя по городу, я поймал себя на том, что пытаюсь спрятать лицо. Меня узнавали, оборачивались и смотрели вслед. По спине то и дело пробегал тошнотворный холодок узнавания. Правда, такая прогулка по городу с опущенной головой имела и ряд преимуществ. Я больше не спотыкался о неровности асфальта и не наступал на собачье дерьмо.

В столе заказов стояла длинная очередь. Меня узнавали. Я стоял, не поднимая глаз. Главное – не нарваться на разговор. Все, что мне надо – это получить положенное количество еды. И побыстрее смыться.

От нечего делать я пересмотрел все бумажки в карманах. Талоны на алкоголь, сигареты, мыло, сахар и стиральный порошок. Мятые рубли, катастрофически теряющие способность покупать. Менять их на доллары не имело смысла. Слишком мало. Но чтобы покупать в пустых магазинах – в самый раз.

Наконец я получил свой заказ. Замороженная курица, пачка масла, кусок докторской колбасы, десять яиц, кусковой сахар. И все.

Когда я выходил, мне вслед что-то прокричали, но я даже не понял, на каком языке.

Следующей задачей была покупка шампанского.

В винный магазин стояла огромная очередь. Те, кто уже обменял деньги и талоны на бутылки, рвались на волю сквозь напирющую снаружи толпу.

Очередь двигалась со скоростью десять метров в час. Во- няло пролитым пивом и блевотиной. Тут меня никто не узна- вал. Я старался сохранить силы для последнего рывка. И вот оно! Я внутри. Еще немного, еще чуть-чуть. Прилавок. Ура! С двумя тяжелыми бутылками и ощущением выполненного долга я пробил толпу по направлению к выходу и вывалился на улицу.

После ужина я развернул в гостиной огромную карту Ри- ги и принялся чертить. Через два часа я, как заправский ху- дожник, откинулся назад и придирчиво посмотрел на свое творение.

– Ух! Какая шикарная Джеримандра!

Марсо вошла в комнату.

– Что это?

– Я прочертил избирательные округа по выборам в риж- ский горсовет на военной карте, где отмечен каждый дом, – в моем голосе прозвучала гордость. – Смотри, что получилось.

Марсо вглядывалась в карту, которая моими стараниями была покрыта разноцветными пятнами разной формы, похо- жими на осьминогов.

– Ничего не понимаю. Откуда у тебя эта карта?

– Неважно. Главное, я понял, почему в городе, где больше

половины населения – русскоязычные, на выборах победили латышские националисты. Смотри! При определении избирательных округов Народный фронт произвел оптимальный для себя раскрой территории города. Все очень просто. Предположим, что одна половина избирательных округов имеет стопроцентное русское населения, а в другой – русское и латышское население делится в пропорции 49:51. Таким образом, численное преимущество русскоязычного населения, естественно, сходит на нет. Поэтому, как ты видишь, территории избирательных округов причудливо изгибаются, а кое-где имеют даже разрывы.

– Но откуда известно, где живут русские, а где латыши?

– Помнишь, перед выборами гражданские комитеты зарегистрировали всех бывших граждан Латвийской Республики и их прямых потомков...

– Но ведь в многоквартирных домах национальности перемешаны.

– Да, поэтому компьютерный раскрой доводили «до ума» вручную: на одном и том же избирательном участке латыши получали избирательные бюллетени одного округа, а все остальные – другого.

– Все равно я ничего не поняла, пошли спать.

– Впервые эту уловку применили в 1812 году в американском штате Массачусетс, и она получила название «джерримендеринг». Тамошнего губернатора звали Джерри, а причудливо расчерченные избирательные округа напоминали

саламандру. Сейчас у них джерримендеринг запрещен законом.

– Ты, конечно, обо всем этом напишешь.

– Конечно, напишу.

– О, боже! Дай мне хоть несколько дней покоя.

Я еще раз посмотрел на карту.

– Судя по всему, в штабе Народного фронта завелся американский консультант. В знак уважения к американской истории буду звать его Джерри.

– Так! Значит, ты и с ЦРУ решил бодаться. Давай, давай. Этот Джерри сделает из тебя посмешище, – Марсо провела ладонью по моей щеке. – Если ты сейчас же не пойдешь спать, я с тобой, ей-богу, разведусь.

Не дойдя до кровати, я сел к радиоприемнику. По «Голосу Америки» передавали последние новости. Потом станция куда-то исчезла, и я уснул в кресле под эфирный шум и бормотание на чужих языках.

Ленинград. Апрель 1990 года

Секретарша кивком указала Виктору на посетителя, который стоял у дверей его кабинета, прислонившись к стене.

Посетитель оттолкнулся от стены и протянул руку.

– Олег. Нужна информация.

– Для чего?

– Как для чего? Государства больше нет, мне некуда сдавать бандитов. Платить им не хочу. Буду защищаться сам. Поэтому нужна информация.

– Какая фирма тебя интересует? – спросил Виктор.

– Кооператив «1. ТТ». «Первый торговый трест». Ввозит из-за границы дешевые тряпки, дерьмовую обувь, барахло всякое и развозит по предприятиям. Коллективы, напуганные дефицитом, сметают все это в счет заработной платы. Прибыль от таких сделок с учетом личного интереса директоров процентов 500, 600. Я тоже торгую на заводах, но хорошим, качественным товаром. В меня уже несколько раз стреляли.

– Да, у меня есть информация. Но она дорого стоит.

– Я не мелочусь!

Виктор взял папку с досье на кооператив «1. ТТ» и стал ее просматривать: где расположен, когда основан, кому принадлежит, чем занимается, количество сотрудников, филиалы, оборот, налоги. Кооператив возник на пустом месте, но

уже через полгода имел оборот в полмиллиона долларов. Как следовало из справки Мосгорсуда, председатель кооператива, некто Клепиков по кличке Клоп, в 1986 году был приговорен к 8 годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии усиленного режима за спекуляцию и хищения. Но в 1989 году на волне разгула гражданских свобод и кооперативного движения был выпущен по амнистии. Используя криминальные связи, получил необеспеченный банковский кредит, вложился в транспортные перевозки, взял еще денег, арендовал лесопилку и занялся поставкой леса за рубеж, обходя таможду. На заработанные деньги покупал в Польше китайский ширпотреб и развозил по предприятиям Московской, Рязанской и Калужской областей. Построил холодильник в устье реки Гамбия и начал возить в Нигерию мороженую рыбу, которую покупал за наличные прямо в море. Потом сам приобрел несколько рыболовецких траулеров. Капитаны нанимали экипажи где придется, суля приличный заработок и неплохие условия проживания. Но людей кидали. За долги по заработной плате ангольские власти арестовали и продали с молотка один его траулер. Второй потопил сам экипаж, предварительно привязав капитана к мачте.

Бизнес Клопа «крышевала» банда некоего Стаса Квинского, по прозвищу Фома Аквинский, или просто Фома. По непроверенной информации, банда имела бесшумную снайперскую винтовку «Винторез» и английскую снайперскую винтовку AWM-F.

Клоп охотно общался с прессой. Одно интервью он дал всего несколько дней назад: *«Я неплохой человек и у меня много денег, – откровенничал он. – Но я добился всего честным трудом, не нарушая закон. Меня обвиняют в том, что я провожу сомнительные сделки. Но это не так. Деньги не пахнут. Охраны у меня нет. Убить человека легко. От профессионала никакая защита не поможет. Я просто соблюдаю осторожность»*.

После этой информации шли личностные характеристики Клопа, его связи, пристрастия, перверсии и прочее. Склонность к педофилии была очевидна.

Передавая досье заказчику, Виктор театрально вздохнул. – Значит, у них есть «Винторез», – сокрушенно констатировал Олег. – Плохи мои дела.

– Не уверен. Это редкое оружие стоит на вооружении войск спецназа и некоторых подразделений МВД. Украсть ее практически невозможно.

Разобравшись с посетителем, Виктор придирчиво оглядел свой кабинет, ощущая зарождающееся в нем чувство собственника.

После ремонта интерьер оброс деревянными панелями во вкусе 60-х годов и заставлен мебелью в том же вкусе. Впрочем, ему было все равно.

На столе стояли два компьютера, массивная золотая пепельница и стаканчик для карандашей. Тут же лежали маленький микрофон и плоская коробочка с 12 кнопками на

полированной крышке. Ему была нужна только одна – для связи с секретаршей. На стене против стола висело красочное полотно Брака.

Постояв немного у стола, Виктор с отвращением оглядел стопки папок. Они все были покрыты белым налетом. Строители оставили после себя неиссякаемый источник пыли.

До прихода помощницы, которую ему сосватал Анатолий, оставалось полчаса.

Положив ноги на стол, он стал просматривать материалы.

Раздался телефонный звонок на номер его домашнего телефона. Это был один из его бывших сослуживцев.

– У меня к тебе дело. Президент ЮАР Нельсон Мандела срочно меняет спецслужбы и полицию страны. Белых на черных. Но черные ничего не умеют. Поэтому они активно вербуют к себе в спецназ наших ребят и ребят из ШТАЗИ¹⁷. Условия, хорошие – около 2 тыс. долл. в месяц плюс жилье. Знаю пятерых ребят, их надо поднатаскать.

– ЮАРовцы завербуют наших, а кого мы потом будем вербовать?

– Найдем. Просто проверь, смогут ли они выдержать.

Помощница вошла вместе с охранником, который, как показалось Виктору, открыв перед нею дверь, чуть согнулся в уважительном поклоне. Строгий деловой костюм, туфли на высоком устойчивом каблуке, немного косметики, чуть бижутерии, юбка до колен.

¹⁷ Разведка ГДР.

Остановившись у стола, она сразу стала как будто еще выше.

– Добрый день, господин Шевардин.

Виктор вышел из-за стола и придвинул гостье стул. Она поблагодарила его легким кивком головы, села и положила перед собой на стол изящный фиолетовый клатч. Виктор отчетливо различил запах знакомых духов.

– Меня зовут Валерия.

Она не была красавицей, но Виктор знал, что значит различие женщин в классе.

– Будем работать вместе, – наконец произнес он.

– Вы даже не спрашиваете моего согласия?

– Зачем? Все и так ясно, – Виктор никак не мог отделаться от ощущения скованности. – Анатолий прислал вас заниматься вопросами информации?

Лера опустила глаза на заваленный папками письменный стол. Ее губы тронула вежливая улыбка.

– Что-то в этом роде. Я буду переносить информацию на электронные носители и создавать поисковую систему. Часть информации надо зашифровать. Вы заглядывали в мое досье?

– С этого я начал сегодняшнее утро, – Виктор молча наблюдал, как Лера закидывает ногу на ногу и пытается прикрыть юбкой колени. – Тем не менее расскажите немного о себе.

– Окончила литературный институт. Вышла замуж. Жила

в различных странах, там, где работал мой муж. У меня сын. Когда муж погиб, я была вынуждена пойти на работу, – по лицу Леры пробежала тень. – Пошла работать в школу. Но денег не хватало даже на еду. Подрядилась переводить приключенческие романы, детективы, иногда любовные романы из женской серии.

– Мне сказали, что печатать книги – это сейчас то же самое, что печатать деньги.

– Да, это так. Но мне ничего не перепало, – Лера грустно посмотрела на свои сжатые на коленях руки. – Я пришла в редакцию, там мне давали книжку какого-нибудь австралийского издательства, права на которую никто даже не думал выкупать. Сначала требовался просто перевод. Потом решили переделывать сюжет, чтобы не попасться, приходилось сочинять начало, конец и какой-нибудь эпизод в середине, менять имена, географические названия. Сюжеты – глупее не придумаешь. Мужчины все как один супермены. Женщины – топ-модели. За год из меня выжали все. Ну вот. Несколько дней назад позвонил Анатолий и предложил эту работу, – она заговорила быстрее, словно предвидя вопросы. – Я знаю его довольно давно. Они с моим мужем – друзья с детства.

За кофе они обсудили детали предстоящей работы. Лера ждала указаний, но Виктору было трудно поставить задачу. До сих пор он отдавал только приказы.

Лера еще раз критически оглядела его стол:

– Я хочу за сегодня разобрать часть вашей картотеки. У нас не так много времени.

– Что должно произойти?

– Произойти может все что угодно, – Лера вынула из сумочки коробку с дискетами. – Я ездила за этим в Москву. Анатолий сказал, что там информация, которая может стать настоящей бомбой.

Лера встала и медленно повернулась к двери. На какое-то мгновение губы ее чуть приоткрылись, но снова сомкнулись, словно она хотела что-то сказать, но передумала. И пошла к двери.

Виктор скользнул взглядом по ее почти не двигающимся бедрам и понял, что она контролирует каждое свое движение, хотя он, казалось, сделал все, чтобы она почувствовала себя свободно.

За два месяца работы через руки Виктора прошло несколько сот досье. Об одних фирмах было известно все, о других – совсем мало, почти ничего.

Все это не производило на него особого впечатления. Каждый раз он убеждался лишь в том, что страну разворывают, а людей спаивают дешевым спиртом и давят на дорогах.

Кроме людей с криминальным прошлым, в бизнесе крутились бывшие работники аппаратов ЦК партии и комсомола, министерств и ведомств. Сотрудники спецслужб насоздавали кучу совместных предприятий. Досье на такие фирмы

содержали лишь самую общую и даже банальную информацию.

Наиболее темным вопросом было происхождение начального капитала новоиспеченных фирм. Это могли быть щедрые необеспеченные кредиты, фальшивые авизо, поступление денег по еврейским каналам, разница цен, прокрутка бюджетных денег и банальное воровство. Фирмы, созданные младшими научными сотрудниками академических и прочих институтов, деньги обычно занимали. Но серьезные капиталы были как бы заколдованы. Виктор так и не смог понять – откуда что берется.

Ну хорошо... Большой Боря начинал наперсточником на Рижском рынке. Сейчас он совладелец банка «Коптево». Ничего кроме подтверждения американской мечты в этой информации нет. Где, что и, главное, как он украл, кого надрал, кого убил?

Один из клиентов ему так и сказал: «Я готов отчитаться о каждом своем миллионе. Только никогда не спрашивай меня, откуда взялся мой первый миллион».

Проще всего было заключить договор на предоставление кредитов правительству. Для этого деньги были вообще не нужны. Писалась бумага, которая потом демонстрировалась как доказательство наличия связей и можно было решать любые вопросы.

Особенно прибыльным было посредничество в получении квот на вывоз нефти за границу. Эта работа требовала

связей и знания, кому и сколько дать. Получив квоту, посредники перепродавали ее нефтяникам. При наличии квоты каждый нефтяной рубль превращался в один доллар, который затем можно было продать по рыночному курсу за 170 рублей.

Один бывший комсомольский вожак благодаря своим связям в Госснабе продал под видом отходов почти сто тысяч тонн первоклассных нефтепродуктов. Расплатившись со всеми, он поселился со своим миллионом долларов в особняке под Ригой и ждал, когда Латвия выйдет из Союза, чтобы зажить в свое удовольствие.

Одно досье Виктор перечитал несколько раз, не веря своим глазам: выручка на перепродаже нержавеющей стали за рубеж составила 26 млн руб. на 1 млн руб. затрат. Экспорт осуществлялся через офшорные компании, зарегистрированные на Кипре или в Панаме. Это позволяло оставлять валютную выручку за рубежом на личных счетах.

Другой умник начинал водителем автобуса в Мухосранске. Помучившись от безденежья, завербовался в армию и, став каптерщиком, сделал первые деньги на портянках. В конце 1980-х, когда бандиты подмяли под себя близлежащий городок, ушел из армии и возглавил совет директоров местного рынка. Торговал кофе, сигаретами, отправлял фуры с паленым спиртом в Сибирь. Сколотив кругленький капитал, открыл несколько кооперативных ресторанов в Москве. Потравив людей, продал рестораны и вложил деньги в один из

первых частных банков Москвы.

Огромные деньги зарабатывали трейдеры, посредники между госпредприятиями и рынком. Первые получали от вторых товар практически по себестоимости. В результате трейдеры фиксировали прибыль, а госпредприятия – убытки. Потом прибыль делилась между всеми участниками сделки.

Особенно отличился «АвтоВАЗ». Экспортная цена на «жигули» была ниже внутренних цен. На этом перепаде делались огромные деньги. «Жигули» уходили за границу, а потом возвращались обратно. Но это по документам. На самом же деле машины границу не пересекали.

Читая досье одно за другим, Виктор чувствовал, что его обволакивает какая-то муть. Прочитав последнее досье до половины, он со злостью бросил его на угол стола, подняв тучу пыли.

Принесенная Лерой ориентировка от Анатолия была настоящей бомбой:

«Управление делами ЦК КПСС начала операцию по капитализации “золота партии”. Создано уже более 100 партийных фирм и коммерческих банков, которым в виде стартового капитала передано 5 млрд долларов и часть партийной собственности. По действующему законодательству все законно. Но не в этом дело. Ты сам понимаешь, что все это значит. Когда начнется национализация имущества и банковских счетов КПСС, то национализировать уже будет нечего.

Все видимые следы сотрут.

Тем же занимается и контора, некая группа “Z”, созданная еще при Андропове. Из страны вывозятся сумасшедшие объемы ценностей. Созданы непубличные финансовые трассы в Европе, США и странах Юго-Восточной Азии. Конкретные люди отвечают за конкретные счета. Если что не так – секир башка.

В дискетах перечень предприятий, банков, счетов и фамилий доверенных лиц».

Виктор бросил взгляд на дискеты и стал читать дальше.

«Только что убит заместитель редактора газеты “Все секретно”, собиравший материалы о том, куда исчезает золотой запас страны. Подумай, как обезопасить информацию, себя и Леру.

Имей в виду, что свой кусок пирога не упускают и правительственные чиновники. Золотой запас вывозится самолетами под видом закупки продовольствия, мыла, стирального порошка и зубной пасты. Золото закладывают под обеспечение кредитов, оценивая его на 25% ниже мировой стоимости. Кредит берут на 6 месяцев, но не возвращают. Золото остается кредиторам. Откаты чиновникам составляют 10% суммы сделки.

60 миллионов долларов истрачено на закупку французской зубной пасты. Во Франции она стоила 15 франков. У нас – 1 рубль. Поляки скупают ее ящиками прямо в фабричной упаковке и везут обратно. Без каких-либо ограничений.

Навар 100% за вычетом транспортных расходов.

Поляки налетели на наши рынки, как саранча. За три последних месяца они вывезли треть произведенных у нас потребительских товаров и взамен ввезли дешевый ширпотреб из Юго-Восточной Азии. Наши кооператоры продают это азиатское барахло втридорога. В том числе прямо на предприятиях в счет заработной платы. Некоторые сделки дают выручку до 50 долларов на 1 рубль. Бальцерович¹⁸ потирает руки. Надо же такое везение. Благодаря нашей глупости он еще получит Нобелевскую премию по экономике.

Особенно большой ажиотаж царит в магазинах ювелирных изделий. От Гохрана требуют все новых поставок на прилавки золота и драгоценных камней, а правительство призывают убрать таможи. Один грамм золота стоит примерно 50 руб. В то же время на мировом рынке 1 г золота стоит 13 долларов. 1 доллар – 3,5 рубля. Курс черного рынка 30–33 рубля за доллар.

Свою маржу снимают и директора предприятий. Вместе с кооперативами они создают внешнеторговые объединения, открывают за границей представительство и гонят за кордон продукцию, которую удается утаить от отраслевого Министерства и Внешторга. Кооператоры, имеющие возможность обналечить практически любые суммы в рублях, покупают у них валюту по курсу 3 рубля за доллар, при официальном курсе – 1 доллар – 1 рубль 25 копеек. Директо-

¹⁸ «Отец» польских рыночных реформ.

ра получают откат, кооператоры – доход от перепродажи валюты на черном рынке».

В конце письма была приписка:

«PS. К концу года инфляция составит 100–200%. Поэтому все заработанные рубли сразу же переводы в наличную валюту по любому курсу. Американцы включили печатный станок, чтобы на свою резаную бумагу выкупить весь наш стратегический запас сырья. Так что проблем с долларами не должно быть».

В середине дня Анатолий позвонил сам. Он спросил о Лере и посоветовался с Виктором по поводу одного досье.

Досье содержало обычную на первый взгляд информацию. Одна фирма занималась скупкой легкого стрелкового вооружения, взрывчатых веществ и гранатометов советского производства в Чехословакии и Болгарии, а потом поставляла все это добро в Йемен. Сертификат получателя оформлялся на Министерство обороны Йемена, но оружие поставлялось больше, чем проходило по документам. Одна часть неучтенного оружия вывозилась в пустыню, где его следы терялись. Другая часть складировалась где-то на побережье Индийского океана, в трехстах километрах к востоку от Адена. Потом оружие грузилось на шхуны, принадлежащие местному Саиду, предводителю местных бедуинских племен, живущих в долине Хадрамаута, и отправлялось на побережье Мозамбика. Дальнейший путь оружия проследить не удавалось, но, скорее всего, оно попадало в Анголу,

в отряды УНИТА¹⁹. Саид когда-то был большим другом Советского Союза. Его шхуны возили в Йемен контрабанду из Юго-Восточной Азии и Индии.

– Так вот, – заключил Анатолий, – к чему все эти сложности с перевалкой и перегрузкой? Конечно, наше оружие идет в Йемен нескончаемым потоком, и отдельным его партиям там легко затеряться. Но только ли в этом дело?

Виктор хорошо знал эту тему по прежней работе.

– Я думаю, что фирма закупает оружие на арабские доллары. А сами арабы берут в качестве оплаты ангольские алмазы. У них есть каналы их сбыта в Западной Европе. Кроме того, арабы скупают алмазы как непреходящую ценность, чтобы не держать все свое добро, как ты говоришь – «в зеленой резаной бумаге». Судя по всему, арабы фирме не доверяют, поэтому фиксируют партию оружия на своей территории, где всегда можно его продать. Что еще известно?

– В последнее время фирма пытается наладить отношения с французской фирмой, поставляющей оружие другой стороне ангольского конфликта – правительству МПЛА, в обход ооновского эмбарго. Эти французы и заказали нам досье.

– Насколько я знаю, во Франции военные сделки находятся под жестким государственным контролем, любая операция с оружием должна предварительно получить «добро» от Министерства обороны или специально созданной межминистерской комиссии. Поэтому сейчас, когда рынок контра-

¹⁹ Антиправительственная повстанческая организация в Анголе.

бандного оружия обрел хорошую конъюнктуру, некто стал искать посредников, чтобы обойти установленные процедуры. Если поставляется оружие иностранного производства и оно минует территорию Франции, то французских контрабандистов трудно посадить за «нелегальную торговлю». Но зачем такие сложности? Фальсификация сертификатов конечного потребителя оружия смехотворно проста. Ни один из требуемых документов не стандартизирован. Сертификат удостоверяет, что товары, внесенные в список, подлежат использованию, скажем, министерством обороны некоей страны. Но главное, эта бумага предоставляет право законно продавать и покупать оружие.

– Надо узнать, как оружие попадает в Анголу.

– Ты хочешь, чтобы я вылетел в Южную Африку?

– Да.

– Не слишком ли дорогое удовольствие для такого плевого дела? Какая французам разница, кто таскает грузы по Африке?

– Мы всегда даем исчерпывающую информацию. Заодно решишь и другие наши проблемы. Пока все тихо – но это ненадолго.

Через два часа факс выдал информацию о фирме, которая заинтересовала французков.

К удивлению Виктора, фирма принадлежала Бальмонту, которого он знал по Академии военных переводчиков.

Согласно досье, первые большие деньги Бальмонт сделал

на доставке в страны Персидского залива спиленных в заповедниках корабельных сосен. Потом участвовал в расхищении нескольких оружейных арсеналов и переправке оружия на Балканы. Скрываясь от обманутых им партнеров, обосновался в Сараево. Там он открыл несколько мелких фирм. Одна из них рассылала молодым российским провинциалам приглашения на работу в европейских странах. В месяц по таким приглашениям получали визы до 600 девушек.

В конце 1989 года Бальмонт создал компанию «Корпус АНУБИС Ltd». Основной бизнес компании – предоставление охранных услуг.

Аббревиатура АНУБИС была непонятна. Может быть, имелся в виду древнеегипетский бог Анубис с головой шакала?

Кроме охранной деятельности компания владела алмазными разработками в Анголе, алмазными и золотоносными концессиями в Сьерра-Леоне, а также нефтяными скважинами в Кабинде. 30% акций компании распределены между высшими должностными лицами ряда африканских стран. Поэтому компания довольно быстро обходила все бюрократические препоны. Многие из этих новоявленных африканских царьков некогда учились в России.

Компании принадлежало семь транспортных самолетов и два вертолета Ми-17.

Штаб-квартира бальмонтовских фирм находилась в Адене (Йемен). Там отдыхали и экипажи самолетов. А расчет-

ный центр был перенесен в Ригу, в ожидании обретения Латвией независимости.

В Адене, где остались ученики уехавших в Израиль еврейских ювелиров, Бальмонту принадлежала небольшая гранильная фабрика.

В начале 1990 года Бальмонт с группой молодых выпускников МГИМО создал фирму для выкупа долгов слаборазвитых стран. В фирму негласно вошли чиновники МИДа, руководители двух российских банков и несколько израильтян, имеющих связи в западных финансовых кругах.

Суть проводимых операций заключалась в следующем. Страна-должник выдавала Минфину векселя на сумму части долга с конкретными датами погашения. Фирма предлагала Минфину выкупить эти векселя в отношении 1:10. Минфин соглашается с подобным предложением, поскольку долги были безнадежны. Фирма создавала дочерние компании, которые специализировались на продаже товаров традиционного экспорта должника. Прибыль делилась между всеми участниками сделки.

Бельгийские власти выдали международный ордер на арест Бальмонта по обвинению в незаконных поставках оружия ангольской повстанческой армии УНИТА. В настоящее время местонахождение Бальмонта не было известно, но, по непроверенным данным, он находится в Латвии.

Виктор снял телефонную трубку и позвонил в Луанду. Трубку на той стороне поднял его старый ангольский друг.

– Как поживаешь?

– Не ждал твоего звонка.

– Когда идешь охотиться на большого слона, надо пригласить того, с кем уже когда-то ходил на охоту.

– Помнишь наши поговорки!

– Помню. Как моя любимая Луанда?

– Красива, как и прежде. Вода в заливе голубая. Правда, пляжи пустуют. В прибрежных водах резвятся акулы. Я помню, черные женщины тебя немного пугали. Но мулатки по-прежнему хороши. Приезжай. У меня тот же белый дом с красной черепичной крышей.

– Приеду. Меня вот что интересует. Кто такой Бальмонт? На другом конце провода возникла тишина.

– Да, ты прав, это действительно большой слон. Но я не советую тебе на него охотиться. Если коротко – он из ваших и связан с поставками оружия нашему правительству в обход эмбарго. Не могу сказать, насколько его деятельность санкционирована Москвой. Но как только эмбарго отменят, бизнес «слона» автоматически прекратится. Или станет легальным. Не знаю, умеет ли он смотреть далеко вперед.

– А не может быть такого, что он одновременно поставляет оружие УНИТА?

– Почему нет. Это нормально. УНИТА оплачивает оружие алмазами, ценной древесиной или обещаниями выгодных концессий в случае победы. Савимби²⁰, хитрый лис, все-

²⁰ Руководитель УНИТА.

гда носит с собой мешок алмазов для текущих расчетов.

– Алмазное месторождение Катока все еще в его руках?

– Да. Алмазы губят наш народ. Если бы не они, то вряд ли война продолжалась бы так долго. Кто только не поставляет сюда оружие в обмен на алмазы. Клановые войны, раньше проводимые копьями и стрелами, превратились в реки крови.

Виктор вспомнил, как советские снабженцы в Анголе делили на алмазах большие деньги. Ящик тушенки – алмаз, автомат Калашникова – алмаз, пара сапог – алмаз. Уникальное творение природы просто создано для контрабанды.

Вслух он спросил:

– Как поживает мой любимый Нижний прибрежный район?

– Он переживает не лучшие времена. Фасады домов облупились, кругом грязь, везде какие-то типы пытаются развести «белых» на деньги. Отель «Президент-Меридиан» стал местом сбора уличных менял. Но на рынке по-прежнему можно купить алмазы. Приезжай.

Виктор долго всматривался в лица ребят, собравшихся в Южную Африку. Нормальные парни, хорошо сложены, в глазах ожидание приключений.

«Традиции спецподразделений ЮАР уходят корнями в англо-бурскую войну, – начал он свою лекцию. – Небольшие, но маневренные отряды буров нападали на английские регулярные войска, не привыкшие воевать не по правилам...»

Он хотел управиться за час, но проговорил в два раза дольше.

«...Почти любого человека можно обучить преодолевать физические нагрузки, но преодолеть самого себя научить невозможно. Вся система отбора в спецназ строится на стремлении сломать волю...»

«...При попадании в засаду много солдат гибнет в результате неразберихи и паники и потери управления. Поэтому каждый боец четко знает, где расположиться и куда вести огонь. Все моментально занимают круговую оборону и стреляют по глазам. Этому надо учиться целыми днями. И главное, никогда не надо идти за боевиками по пятам. Вопросы?»

– Вы были в ЮАР?

– Нет ответа.

– Насколько изменилась подготовка спецназа после прихода к власти черных?

– Незначительно. Из трехсот кандидатов остается не больше тридцати. Это уже традиция. Основной упор делается на выносливость и физическую силу. Сначала проверяют, нет ли у тебя проблем с законом, потом проходишь медкомиссию на годность, и начинается ад. Остаются лишь самые сильные, и физически, и духом. Самое тяжелое – это «Бушкрафт» – обучение боевым действиям в буше, африканском кустарнике. Вам придется есть змей, лягушек и ящериц, добывать воду там, где ее нет, охотиться без оружия, различать

ядовитые и лекарственные растения, разводить костер без дыма. Иногда минута растягивается до пределов вечности. В этот момент надо собраться, чтобы не сойти с ума. Когда вам покажется, что все уже позади, поступит приказ пойти туда, не зная куда, с винтовкой и несколькими патронами, спичкой и сырым яйцом и вернуться с яйцом, сваренным вкрутую.

Что вы можете сделать до поездки туда? Побегайте с мешками, наполненными песком. Сначала по пересеченной местности, потом по воде. Часа два поносите все вместе одно бревно, лучше в гору. Попробуйте один день все делать только бегом с полной нагрузкой. Проплывите три километра в гидрокостюме, потом километр с оружием. И главное, научитесь переносить жажду и лечить мозоли. Желаю успеха.

Орбаган, Югославия.

Апрель 1990 года

Небольшой югославский городок Орбаган был на редкость убогим. Булыжная мостовая во многих местах просела. За чертой города она превращалась в проселочную дорогу и уходила в сторону Такова. Склоны гор вдалеке были покрыты заснеженным лесом.

Вивиан зашла в старый двор и поднялась по засыпанным снегом скрипучим деревянным ступеням. По длинному общему балкону бегали дети. Несколько мужчин, сидя на перилах, о чем-то спорили.

– Можно пофотографировать? – спросила она по-английски.

– Если только вы не мусульманка, – ответили мужчины и засмеялись.

– Я ищу полковника Ако Галича.

– Он здесь, вон в той квартире.

Галич сам открыл ей дверь. На нем был дутый жилет, надетый на рваную футболку, на ногах пятнистые штаны и кроссовки. Жилет сильно оттопыривался на животе.

Он взял Вив за локоть и провел по квартире, показывая фотографии, развешанные на стенах. Над кроватью вместо полога был растянута югославский флаг.

Потом они под ручку спустились вниз по лестнице, сопровождаемые восторженными возгласами сидящих на перилах мужчин.

На другой стороне улицы находилась небольшая кафана, и они зашли в ее полутемное теплое чрево. Низкий деревянный потолок. Меню приколотое прямо к стене. Играл скрипач. Его рука, держащая смычок, летала туда-сюда, как безумная, казалось, он не играл, а отгонял надоедливых мух.

Из окон открывалась диковатая панорама на заброшенный пустырь, покрытый пожухлой травой. За ним на ветру раскачивались серые гладкие буковые стволы.

– Кафана – то же, что кафе? – спросила Вив.

– Это традиционный сербский ресторан, как в Греции таверны, а в Турции мейханы, – ответил Галич. – Здесь много едят и много пьют, слушают живую музыку и танцуют. Наши крестьяне всегда выкроют час, чтобы посидеть здесь, накуриться до одури и обсудить новости.

На столе появилась бутылка вина.

Галич заказал свиные ребрышки, картофельный салат и бобы со специями. Вив ограничилась картофельным салатом.

Перед поездкой она подробно изучила все доступные материалы. Галич родился в Белграде, учился во Франции, в 1932 году закончил Сорбонну. Потом вернулся в Сербию. В 1937–1938 годах воевал в Испании. Перейдя французскую границу, попал в лагерь. Год нелегально жил в Париже. Из

Парижа кое-как добрался до Югославии. Воевал в партизанском отряде. В 1944 году находился в Западной Боснии и Далмации. Джерри, который дал ей эту информацию, полагал, что Ако Галич может кое-что знать об Анне Тремайн.

Шеф дал разрешение на эту командировку, но потребовал, чтобы поехала Вивиан, а не Фред. Она согласилась. Журналистское расследование по Анне Тремайн ее не особенно увлекало, но энтузиазм Фреда был заразителен.

– Вы попробуйте, попробуйте, – настаивал Галич на хорошем французском языке, немного обиженный тем, что Вив не спешит есть салат, – это вам не булочка с мясом.

Потом он отговорил ее заказывать темное пиво.

– Это пиво делают из торфа, который ногами давят македонские крестьяне. Выпейте лучше нашего домашнего вина.

Вино было рубинового цвета, терпкое и очень крепкое.

Вив терпеливо слушала его рассказы о войне на Балканах. Десятки боевых историй, которые, как ей казалось, он выдумывал на ходу ради того, чтобы ей понравиться. А она делала вид, что совершенно очарована его отвагой.

– Такой страшной войны еще не ведала земля, – рассуждал Галич. – Партизаны, четники, усташи, немцы, русские казаки, мусульмане, итальянцы, все пытались перерезать друг другу глотки. Правильно сказал Тито перед смертью – это была гражданская война. Все резали всех. Даже немцы и итальянцы передрались в 1944-м.

– Англичане тоже участвовали. Вы не слышали во время

войны о женщине по имени Анна Тремайн? – прервала его Вив.

Галич молчал. Вив даже подумала, что он не расслышал вопроса.

– Когда наступит время, все документы будут доступны, – очнулся от раздумий Галич.

– Это время уже наступило.

– Откуда вы о ней знаете?

– Просто знаю.

– Анну Тремайн мы расстреляли. В 1944 году.

– В ее могиле лежали трупы мужчин.

– Их расстреляли вместе с ней.

– Но почему ее нет в могиле?

Галич колебался.

– А, да что там!.. В последний момент я ее пожалел. Она была беременна. Но там, наверху, в штабе, этого бы не поняли.

– Значит, она жива?

– Возможно.

Вив тихо присвистнула, хлебнула вина и посмотрела на Галича, словно он совершил подвиг.

«Как сейчас помню, была пятница, – продолжил Галич. – Наш командир по пятницам всегда постился. Штаб бригады находился в одном крестьянском доме. Посередине большой комнаты стоял длинный деревянный стол с лавками по сторонам. Во главе стола сидел наш командир, Он не любил

коммунизм, но любил Россию, пусть и красную. И как антифашист, конечно, верил в Красную армию. Справа от него сидел начальник разведки, слева я, а дальше располагались остальные. На нас троих была военная униформа, другие сидели в том, что имели. Как говорится, кто во что горазд.

Мы только что разгромили один из отрядов 13-й горной дивизии Ваффен-СС «Ханджар», сформированной из югославских мусульман-боснийцев, и освободили деревушку. Солдаты этой дивизии носили круглые шапки-фески, в петлицах изображалась рука, держащая над свастикой короткий меч-ятаган или ханджар. Отсюда название дивизии. На окраине деревушки в кузнице лежало несколько зверски изувеченных тел с размозженными головами. Людей подтаскивали к наковальне и ударяли молотом по голове. Мы молча сняли шапки... Наш командир тихо спросил: «Достоин ли фашист пощады?» И сам же ответил: «Смерть за смерть. Кровь за кровь».

И вот привели пленных. Помню среди них были пять боснийских солдат и один офицер, один штатский немец, который назвался археологом, араб и женщина-англичанка, которая назвалась Анной Тремайн. Мы их по очереди допросили, но ничего интересного не узнали. Босняков сразу же расстреляли. Правда, офицера чуть позже. С остальными вышла заминка. Араб оказался из Йемена, совсем еще мальчишка. Он тупо повторял, что является британским разведчиком, путался в показаниях и требовал связаться с его куратором.

У нас возникло подозрение, что он из батальона «Свободная Аравия», который немцы собирались перебросить из Северной Африки на Балканы. Немцы называли этот батальон – легионом²¹. Нам приказали переправить мальчишку в штаб Тито. Археолог был пожилой и совершенно не военный. Мы его пожалели.

А вот с женщиной получился конфуз. Расстрелянный нами боснийский офицер показал, что немцы, прикомандированные к легиону, считали ее своей. Но она это отрицала, тоже требуя с кем-то там связаться. Но как это сделать из леса? Через неделю из штаба Тито сообщили, что англичане женщину заберут. Но самолет прямо над нами был сбит. Немцы наступали. Что было делать? Мне приказали женщину расстрелять. Но она оказалась беременной. У меня не поднялась рука. Надеюсь, вы понимаете. Вместо нее я закопал умершего от ран четника. Во время нашего отступления она вместе с молодым йеменцем и археологом исчезла. Вот и все, что я знаю. Мы вышли из окружения, и я написал рапорт о расстреле с указанием места захоронения. Помню, англичане интересовались ее судьбой, но я решил им не говорить, как все было на самом деле.

– А как звали молодого йеменца и археолога?

Галич надолго задумался, пожевывая губами.

– Археолог был из Риги. Вроде немец – но не немец. Воз-

²¹ Военное подразделение вермахта, состоявшее из арабских солдат. Воевало на Балканах и в Северной Африке.

можно, его звали Карл, фамилию не помню. А молодой йеменец... Если он действительно работал на англичан, то в архивах должны остаться документы. Постойте, постойте... Его звали Халид, но мы прозвали его Муса и издевались над этим именем так же, как над немецкими именами Фриц и Ганц.

– И вы больше никогда не слышали об Анне Тремайн?

– Никогда. А что? Вы ей кто – родня? Лет-то сколько прошло...

– Я хочу написать о ней. О ее судьбе.

Галич опять погрузился в какие-то свои мысли, и Вив терпеливо выдержала его отрешенный взгляд. Наконец он хлопнул себя по дутому жилету.

– От Анны у меня осталась небольшая вещичка. Она сказала, что это Древний Египет.

Галич протянул Вив изящный браслет. Она повертела его в руках. Браслет действительно казался древним. Верхний слой золота был неоднородным, местами металл был сильно потерт.

– Возьмите этот браслет себе, – Галич отклонил руку Вив. – Дарю. Мне все равно некому его оставить после смерти.

– Это золотой браслет и, похоже, довольно древний. Я не специалист, но знаю, что по истечении многих веков золото может поменять свой цвет именно так, как на этом браслете.

– Ну и что! Вы славная девочка. Пусть он будет талисма-

НОМ.

Между столиками с протянутой рукой появилась старуха, с ног до головы замотанная в старую шаль. Охранник деликатно взял ее под локоть и повел к выходу. Вив достала фотоаппарат и сделала несколько снимков.

Галич разомлел от съеденного и выпитого и по-старчески задремал, поникнув головой.

За соседним столиком слышалось недовольное ворчание. Вив обернулась и увидела сербского офицера. Кудрявая шевелюра, сощуренные глаза. Под пышными кавалерийскими усами торчала длинная пыхтящая трубка.

– Журналистка? – спросил он по-английски.

Вив кивнула.

– О чем пишете? Хотя – понятно... О чем еще можно говорить со старым Галичем? Только о войне...

Вив снова кивнула:

– Некрофилия.

– А живыми мужчинами еще интересуетесь?

– Еще как! Особенно теми, которые плохо пахнут.

– Чем пахнут?

– Окопами. Давайте сразу договоримся. Я не ищу приключений. Но если вам есть что рассказать, пожалуйста. Ужин за мой счет.

– Это невозможно. Честь сербского офицера. Плачу я. Полковник Радован Чечич к вашим услугам.

– В России говорят: кто за девушку платит, тот ее потом

и приглашает на танец... Да, как-то так. Меня это не устраивает.

– Вы были в России? – Чечич изобразил на лице удивление.

– Да, в Тбилиси в 1989-м. Потом в Азербайджане, в 1990-м. В Карабахе.

– Это все не Россия.

– Да, но там было много русских. Один из них умер у меня на руках.

– Может, вы роковая женщина?

– Нет, все остальные, у кого я брала интервью, – живы. Вы и вправду полковник?

– Не похож? Во всяком случае, я достоин быть полковником.

– Говорят, полковнику никто не пишет...

– Да, я одинок, как и большинство сербов, – согласился Чечич. – Единственное, что мне нужно, – немного тепла.

Вив прекрасно разбиралась в мужчинах и сразу отбила все пробные шары заигрывания. Полковник понял ее и серьезно сказал:

– Хотите знать самое важное? Будет война. И очень скоро. Долгая, кровавая война. На Балканах по-другому не бывает. Но я не хочу видеть в своем доме американцев. Без них разберемся.

– Чем они вам так досадили? – удивилась Вив.

– Из-за них война продлится еще дольше. И еще. Они хо-

тят, чтобы все жили так, как они.

– Они вроде неплохо живут. Вы разве не хотите так жить?

– Нет, не хочу. Они отнимут мою винарню.

– Что такое винарня?

– Винный погреб.

– А-а. Полковник, вы очень забавны. Зачем американцам ваш винный погреб?

– Чтобы продавать там виски. Или гамбургеры. Не хотите завтра на рыбалку? Здесь отличные места. Пенистые реки, против течения стоит форель.

– Я ничего не понимаю в рыбной ловле.

– Я вас быстро научу.

В кафане уже было не протолкнуться. Люди ели, пили и обнимались, переходили из угла в угол, держа в руках плоские тарелки и широкие бокалы. Сквозь шум пробивались обрывки песен. Кто-то сунул в руки Вив бокал, в котором поблескивало рубиновое вино, пахнущее гвоздикой. Она уронила вилку, испачкав свитер картофельным салатом, и небрежно смахнула его на пол.

К полковнику через толпу протолкнулась полная девица с теплыми глазами, одетая в платье с большим декольте.

– Радован, дорогой! – произнесла она низким, волнуящим голосом, склонившись к нему так низко, что у нее вывалилась грудь, и целуя его в щеку.

Когда девица отошла, полковник развеселился.

– Знаете, что она мне сказала? Что ты слишком худа, что-

бы согреть меня в объятиях.

– И что вы ей ответили?

– Я лучше промолчу.

Все запели одну песню. Вив попросила полковника перевести. Но куплеты были переполнены жаргонными словечками, и он, смеясь, поднял руки в знак полного поражения. Но с горем пополам перевел название песни. Вив поняла, что в песне поется о «шести ночах пьянки».

Галич проснулся и взгромоздился на стул, призвав всех к молчанию.

– Как ветеран войны, трижды раненный, я предлагаю спеть всем вместе нашу партизанскую песню.

Он махнул аккордеонисту. И запел. Вив пыталась вникнуть в ритмику сербских слов и опомнилась только тогда, когда Чечич поцеловал ее в шею. Его длинные кавалерийские усы были жесткими, как проволока.

– Полковник, вы сильно рискуете.

– Это дружеский поцелуй. Что скажете?

– Дрожь по спине ... нет, не от ваших усов, от песни. По моему, в ней прозвучала угроза.

– Это самая популярная песня партизан той войны – «Мы молодое войско Титово». Первые три строчки можно перевести примерно так:

Через реки, через села и дубравы

Наступают партизанские бригады.

Против швабов, против воронов кровавых,

Мы идем, не зная страха и пощады...

Чечич обнял Вив за плечи и последний припев проорал так, что у него на шее вздувались жилы. Вив закрыла глаза и, когда песня кончилась, резким движением вырвалась из его объятий.

– Все, полковник, мне пора идти. Я вам очень благодарна.

– Вы обиделись?

– Ничуть. Более обходительного боевого офицера мне еще не приходилось встречать. Все в порядке.

– Простите старого вояку... Когда я вас снова увижу?

– Если у вас будет большая война, то очень скоро. Я найду вас. Обещаю.

Ако Галич слез со стула, поднял стакан и предложил тост: «За нашу победу!»

Чечич одним глотком выпил все до дна и вытер ладонью усы. После чего повернулся к Вив и сказал:

– Да ладно, не обещайте. Но если меня найдете, я всегда помогу, можете на меня рассчитывать! – он встал со стула и щелкнул каблуками. – Честь имею!

Египет, Фивы. 974 год до нашей эры

Наступила весенняя засуха. На Фивы несколько раз налетал ветер пустыни. На траву и деревья легла серая пыль.

Нефер жил в мастерской своего учителя в полном одиночестве. Днем он долбил камень, а в сумерках выходил гулять вдоль реки.

Судоходство по Нилу почти полностью прекратилось. Под опустевшими причалами чернели разводы ила, вода стала красновато-бурой, словно туда подмешали кровь.

Иногда он забредал в покинутый храм и с тоской смотрел на пустое место в центре зала, где недавно стояла скульптура Амон-Асет. Предметом его грез и фантазий теперь была Таисмет.

Таисмет пришла к нему со своей подругой, чтобы передать ему мешочек с золотыми кольцами.

Девушки были обернуты в тонкую льняную ткань и защищены от солнца оплечьем, расшитым бусами. Волосы, схваченные лобной повязкой, свободно ниспадали на воротник. У Таисмет к запястью был привязан амулет тонкой работы, охраняющий от злых чар.

Будучи учеником скульптора, Нефер тщательно изучил внешность различных народов, населяющих Фивы. На пер-

вое место он ставил тип, к которому относилась Таисмет. Смуглый оттенок кожи, но намного светлее, чем у большинства египтян, прямой нос, высокий лоб, изящные руки и ноги. Эти признаки отличали многих представителей египетской знати. Нефер прочитал много древних текстов, чтобы узнать, не являются ли египетские фараоны, жрецы и высшие сановники потомками какого-то другого народа, пришедшего с севера. Но об этом ничего не было известно.

Подруга Таисмет, Теистер, была намного темнее и обладала красотой пустыни на закате солнца. Возможно, это говорило о примеси нубийской крови, но прямые черные волосы делали ее египтянкой. Когда она чуть приподняла платье, Нефер заметил, что одна нога у нее короче другой и покоится на утолщенной подошве сандалии.

Таисмет удивленно осматривала мастерскую.

– Это скульптура Исет?

– Да.

– Но твой дом не святое место.

– Ну и что?

– Что ты вообще о ней знаешь?

– Если бы я о ней ничего не знал, то мне бы не удалось восстановить скульптуру Амон-Асет.

– И все же!

Нефер повернул скульптуру Исет так, чтобы на ее лицо упала тень.

– Когда Исида воскресила Осириса и Сет был побежден,

она не позволила его уничтожить. Нельзя, чтобы в мире существовало только добро или зло. Должно быть их смешение, чтобы было прекрасно.

Таисмет не могла скрыть улыбки:

– Теперь я понимаю, почему по лицу Амон-Асет иногда пробегает тень злобы.

– Да, но именно поэтому она прекрасна.

Нефер опустил глаза, стараясь не смотреть. Девушки стояли между ним и ярко освещенным окном, от этого их стройные фигуры ясно проступали сквозь тонкую ткань одежды.

– Что ты еще умеешь делать?

– Я «знаю вещи»²², красиво пишу и рисую, умею вырезать барельефы. Но все тайны производства скульптур мне еще недоступны.

– Ты будешь искать другого учителя?

– Нет! Себайт моего учителя не имеет равных²³. Его скульптуры живут своей внутренней жизнью. Как иероглиф, за которым скрывается недоступный для непосвященных смысл. Если я начну учиться другому, потеряю то, что уже приобрел.

Неожиданно для себя Нефер преодолел смущение и был готов говорить о своей работе весь день. Он непроизвольно

²² ... я образованный.

²³ «Себайт» – «учение». Корень «себа» обозначает «дверь» и «звезду». Учение есть дверь, открывающая путь к симметрии, а звезда ведет человека по дорогам земной и небесной жизни.

взял Таисмет за руку и повел по кладовым мастерской. Ее спутница молча следовала за ними.

– Это – скульптура дочери Амон-Ра, царицы Хатшепсут, первой из прекраснейших. А вот это копия скульптуры еще одной дочери Амон-Ра – Нефертити. Учитель сказал, что женщинам на египетском троне не везло. Следующие правители пытались уничтожить их имена.

– Почему?

– Мудрость женщин похожа на мудрость жрецов: вместо мечей – слова, вместо копий – оковы, но не на тело, а на душу. Коварство женщины может нанести такой удар, что после него любое счастье покажется горьким.

– Значит, у женщин – царей Египта – нет никаких надежд на воскресение.

– Не больше и не меньше, чем у других царей, которых забыли сразу же после смерти. Теперь народ грабит их могилы. Мой учитель говорил: мертвого царя закапывают в землю, а маленького котенка поят теплым молоком. Главное для вечной жизни – это сохранить имя. Тогда остается надежда. Я верю в магическую силу письма. Мы с учителем восстановили изваяния и имена цариц Хатшепсут и Нефертити. Но на задворках храма лежат осколки еще нескольких десятков скульптур. Кто они, я не знаю.

Нефер говорил о неповторимости углубленного рельефа стен, создающего неожиданно богатую игру светотени, об изобретенной им краске, которая держится на камне и отра-

жает изменение наклона лучей заходящего солнца причудливой игрой оттенков цвета – от ярко-красного до нежно-розового так, что изображение видно очень далеко.

Когда он стал углубляться в детали, Таисмет нетерпеливо спросила о том, что ее волновало в последнее время:

– Как ты думаешь, почему кто-то может прервать мирное течение времени и получить что-то за счет других? Почему не вмешиваются боги?

Нефер удивленно поднял на нее глаза. Он не мог поверить, что его мнение может кого-то заинтересовать, особенно Таисмет, которую считали самой умной женщиной Верхнего Египта.

– Учитель говорил, что боги редко влезают в дела людей, – его голос немного дрожал. – Они лишь подводят итог их жизни. И еще он говорил, что богов нельзя искушать долгим успехом, ибо следует расплата. Боги уже наказали неисчислимое количество людей и народов, которые забыли, в каком мире они живут. Удачи должны сменяться неудачами, счастье – несчастьями, победы – поражениями, ибо это предохраняет нас от более сокрушительных ударов судьбы. Вот и Египет...

– Что Египет?

– Он был слишком надменным, поэтому скоро превратится в царство теней.

– Что еще тебе говорил учитель?

– Он сказал, что после недомолвок, тайн и забвения неиз-

бежно наступает момент истины.

– Он был в этом уверен?

– Да. Еще учитель говорил, что иногда лучше ничего не знать.

Благодарно погладив Нефера по щеке, Таисмет вместе с подругой вышла наружу. Нефер долго смотрел им вслед. Девушек так сильно освещало солнцем, что они выделялись на фоне светлого неба темными силуэтами.

Покинув мастерскую, девушки пошли на протоку, в которой благодаря глубине еще сохранилась прохладная вода.

Сбросив одежду, Таисмет нырнула в воду и быстро достигла дна. Там она перевернулась на спину, чтобы увидеть сквозь толщу воды далекий солнечный свет. Но деревья над ней плотно сплели свои ветви, были видны лишь пляшущие солнечные блики.

Она вынырнула среди плавающих лотосов, над которыми вились стрекозы, и, нащупав ногой ослизлый ствол дерева, вышла на берег.

Теист сидела на песке, упревая подбородок в высоко поднятые колени. Она оглядела фигуру Таисмет и провела ладонью по воздуху, повторив ее очертания.

– Ты богиня!

Таисмет засмеялась и отрицательно покачала головой.

– Нет, я простая смертная. Почему ты не купаешься? Вода как сон избавляет от дневной тяжести.

– Ты же знаешь, я не люблю воду. Да и нагота – удел под-

невольных людей.

– Я так не считаю – это привилегия царей и богов.

Теист подошла к краю воды чуть приподняла платье и прикоснулась к поверхности воды кончиками пальцев. Потом нагнулась, пытаясь разглядеть сверкающие плавники золотых рыбок.

– Нет, это не моя стихия. Но я могу станцевать воду.

Теист подняла руки над головой, ладонями вверх, и стала медленно выгибаться назад, устремив глаза на свою грудь. Когда верхняя часть ее тела приняла горизонтальное положение, она выпрямилась изящной волной и, не сходя с места, стала вращаться то в одну, то в другую сторону, быстро перебирая ступнями босых ног. Длинные черные волосы рассыпались по плечам.

Таисмет захлопала в ладоши.

– Потрясающе! Мужчины, должно быть, от тебя без ума.

– Ты же знаешь, в выборе мужчин я свободна, но еще никто не заполучил меня на свое ложе.

– В тебе совсем нет женской слабости.

– Да, окружающие начали мне повиноваться уже в те годы, когда я сама больше всего нуждалась в руководстве, – Теист убрала волосы с лица. – Но ты сильнее меня.

– Не знаю. Когда ты рядом, я чувствую себя намного увереннее, – Таисмет протянула руку и усадила Теист рядом с собой. – Но мужчины тоже нужны. Разве ты не хочешь детей?

– Нет, не хочу. Как и ты.

– Еще успею. Хатхорити дает мне какое-то снадобье.

Теист внезапно вскочила на ноги, схватила руку Таисмет и начала покрывать ее горячими поцелуями.

– Когда ты станешь царицей, ты же возьмешь меня на должность своей первой подруги, правда? Ты будешь повелевать, а я – повиноваться.

– Ты с ума сошла, – удивилась Таисмет. – Откуда у тебя эти мысли? Я не собираюсь становиться царицей.

– Об этом мне проговорила Хатхорити. Прошу, не наказывай меня. Ведь я могла сохранить это втайне от тебя.

– Какая тут тайна! Великий жрец знает о моих притязаниях на престол.

– Решайся! Любой день может стать последним. Но этот же день может стать совершенным.

– Ух! Где ты набралась этой мудрости?

– Священный ибис, отправляясь за добычей, бродит по грязному болоту, где ползают гадюки. И я подбираю знания, где попало.

– Боюсь, я не смогу пройти через все испытания, – Таисмет задумчиво отбросила со лба мокрые волосы. – Хорошо, обещаю тебе. Ты будешь со мной, даже если мне придется покинуть Египет. Собирайся. Нам пора идти.

Теист помогла Таисмет обернуть себя тканью, удерживая ее край.

– Где твои рабыни?

– Я их отпустила.

– Ты возишься с ними больше, чем они с тобой!

Таисмет посмотрелась в зеркальце из твердой бронзы и, слегка сдвинув брови, постаралась придать себе грозный вид.

– Я не хочу, чтобы до моего тела дотрагивались раздраженные пальцы. У меня и так много врагов.

Теист взяла из ее рук зеркало.

– Откуда у тебя это чудо?

– Этими зеркалами уже неделю торгуют финикийские купцы. Если хочешь, возьми его себе.

– Что ты еще у них купила?

– Ничего. Я примеряла парики, но ни один из них мне не подошел: слишком тяжелые, слишком замысловатые. Следовать моде становится все труднее.

– Я предпочитаю покрывать голову платком.

– Так делают только «те, кто на песке»²⁴. А теперь в моду входит все египетское времен древнего царства.

– Трудно менять вкусы.

– Ты пойдешь со мной сегодня ночью к Исет?

– Почему сегодня?

– Я переполнена быстротекущим временем. И мне надо разобраться в себе.

– А для меня время течет медленно, как Нил зимой, – Теист с шутливой покорностью склонила голову перед Таисмет. – Ты можешь быть уверена, с тобой я пойду хоть на край

²⁴ Кочевники.

света!

Кагемни встретил Ноя на пороге своего дома.

– Да исполнится тебе 110 лет²⁵.

Ной прижался щекой к щеке старика. Он верил Кагемни как никому другому. Старик всегда был начеку, всегда был способен принимать правильные решения, произносить нужные слова и совершать поступки.

– Прежде всего я хочу понять, что происходит в Египте, – сказал Ной. – Есть ли смысл в том, о чем говорит Таисмет?

Задавая Кагемни вопросы, Ной старался, прежде всего, понять, неужели этот умудренный опытом старик отважится на бунт.

– Сколько тебя не было в Египте?

– Три года.

– Долгий срок. Все это время народ внимал ереси жрецов Амона, предавался разврату, пьянствовал и воровал! Ты заметил, как изменились Фивы?

– Да, появилось много богатых людей, – Ной взял из большой вазы, стоящей на маленьком столе, большую гроздь винограда.

– Это были прекрасные годы для тех, чей успех в жизни зависит от хаоса и неразберихи. Знаешь, почему много богатых? Потому что стало еще больше бедных, – у Кагемни сбилось дыхание, и он со свистом втянул в себя воздух. – Когда ломаются устои, люди превращаются в шакалов. Царские ам-

²⁵ 110 лет – возраст, традиционно приписываемый мудрецам Египта.

бары разворованы. Зерно распродается втридорога или вывозится в Ливию. Поля засеяны ячменем, из которого делают пиво, и этим пивом спаивают простой народ, чтобы он не роптал. Фивы уже давно превратились в огромную столицу смерти. Детей рождается все меньше и меньше, мало кто доживает до пяти лет. Город забит голодранцами с северных и южных окраин Египта, из неведомых просторов Азии. Кого тут только нет: ливийские наемники, которым уже год не платят жалование, торговцы из Библа и Финикии, непонятные люди – потомки какого-то Иосифа, который служил великому Сети, проходимцы с берегов Библа. Не город, а проходной двор! Люди озлоблены от тесноты, шума, крика, воровства и драк. Скоро красивой женщине нельзя будет появиться на улице. Везде Азия! Сплошная Азия! Нет больше египтян!

– Бог покидает страну, в которой плохой правитель, – заметил Ной.

– Да, от Сиамуна нет никакого толка. Сидит себе на севере, в Танисе²⁶, и плевать ему на все, что южнее Мемфиса. Номинальная знать совершенно отбилась от рук. Повсюду на Ниле появляются цари-самозванцы. Богов тоже разобрали по номинам, каждый из них покровительствует своему клочку земли.

– Так было и раньше.

– Много чего было раньше. Но еще никогда поклонение

²⁶ Танис – номинальная столица Египта в дельте Нила.

разным богам не создавало разных египтян, – Кагемни тяжело вздохнул. – На границах номов жители забрасывают грязью статуи чужих богов, а наемники закидывают их камнями из пращей. Для них египетское вообще не свято.

– Значит, всему пришел конец?

Кагемни снова вздохнул.

– Я знаю одно: знать, предавшая государство, и народ, потерявший интерес к жизни, – вместе окончат свой путь в полойной яме.

– Может, не все еще потеряно? – вяло возразил Ной. – Поругание иногда укрепляет душу. Вспомни то время, когда в Египте хозяйничали гиксосы. Они издевались над народом, но в конце концов были изгнаны.

– Ты говоришь о внешних врагах. С ними справиться не так сложно. Сейчас Египет разрушают сами египтяне. А это куда страшнее. Страна разваливается изнутри. Жрецы и номовая знать, вся эта свора трусливых псов, мечтает только об одном – лишить страну всякой власти, чтобы воровать без страха.

– Тебе не кажется, что ты слишком идеализируешь прошлое. Когда оно было настоящим, то обладало той же пустотой.

– Может быть. Чем старше я становлюсь, тем больше печали приходит. Но одно я знаю наверняка: надо возвратиться к тем временам, когда Египет поворачивался к остальному миру спиной, и заняться своими делами.

– А что первый жрец?

– Первый? О-о, когда кто-то тонет, что-то всплывает. По моему, им овладело безумие. Он уже надел доспехи из тайных знаков и присвоил себе кучу новых титулов: «Сын Амона», распорядитель житниц, правитель Куша, глава войск, «казначей бога» и в довершение всего он взял себе тронное имя Тит-Хеперу-Ра.

– Знаю!

– Этому сукиному сыну нужна власть, но не во славу Египта, а на потребу низменным инстинктам. Правда, он пытается подражать Менхеперре²⁷. Но ему до него далеко. Редкая сволочь! После Менхеперры никто из великих жрецов не пытался надеть на голову царскую корону.

– Я тоже думал, что великие жрецы забыли дорогу на светский престол. Но нет. У Титуса – как мы его зовем – большие планы. Он считает, что лучше быть первым в Фивах, чем вторым в Танисе. Дело лишь за божественным откровением. Он сам его напишет, произнесет, истолкует и огласит. Ладно, хватит о нем.

– Кто у него чати²⁸?

– Некто Буль Бур, пришедший откуда-то с Севера.

Кагемни сморщился от боли и вынул из стоящего перед

²⁷ Первосвященник Фив, объявивший себя царем Верхнего Египта за 50 лет до описываемых событий.

²⁸ Чати – должность, несущая ответственность за распределение богатств по приказу царя.

ним сосуда несколько устриц. Открыв беззубый рот, он положил прохладные устрицы на воспаленные десна. Ной понял, что ему трудно говорить.

Некоторое время они молчали.

– Буль Бур управляет Белым домом²⁹, – наконец прошептал Кагемни. – Он собирает Совет, пишет указы от имени Титуса. Пытается всех убедить, что правление Титуса предрешено самими богами. За это ему присвоили высший жреческий сан, хотя он не одухотворен ни Ху, ни Сиа³⁰. Теперь он не просто Буль Бур, а Ур Буль Бур³¹, – Кагемни громко высморкался. – Эта мразь берет мзду даже за принесение жертвы богам. Но ничего! Есть еще Высшая Справедливость. Его дела будут взвешены на весах времени, и грозный судья Атму³² превратит его душу в то животное, которому он уподобился своими пороками при жизни.

– Как им удастся управлять Фивами?

– Их сила в ста глазах. Город наводнен доносчиками.

– Я видел толпы голодных.

– Да, я говорил с Титусом и сказал ему, что велик тот владыка, чье богатство заключается в счастливых людях. Знаешь, что он мне ответил? Он ответил мне, что беднота дает

²⁹ Белый дом – административное здание, а белый цвет – символ Верхнего Египта.

³⁰ ...ни божественным словом, ни божественным разумом.

³¹ Ур – высокий, возвышенный.

³² Взвешиватель душ.

представление о широте жизни. Как было бы тесно, если бы страна состояла только из богатых людей! Представь, он так и сказал! Что я мог на это ему ответить? Недаром древние говорили, что чем больше живот, тем шире взгляд на жизнь. Мой живот в три раза меньше, чем у Титуса, и нечего мне было лезть к нему с разговорами.

Кагемни встал, подошел к окну и выплюнул устрицы наружу.

– Но самое ужасное в том, что начали торговать землей. Это конец всему. Захват земли оправдывается знаменами бога в пользу совершенно конкретных лиц. Оракулы записывают знаменья на папирус. А ты прекрасно знаешь – то, что написано на папирусе, не исчезает даже в огне. Я видел сотни бумаг на землю. Правая рука Буль Бура, некто Хувхор, которому Титус присвоил звание «почтенный хранитель тайн», провел опись царских земель и тайно приписал храму тысячу арур земли.

– Теперь понятно, откуда в центре Фив богатый жреческий квартал, – Ной высыпал косточки винограда, скопившиеся в руке, на тарелку.

– Да, – согласился Кагемни. – Людьюми движет не воля богов, а алчность. Когда я думаю об этом, то впадаю в ересь. Какая разница, кто будет править Египтом. Главное – сохранить собственность и привилегии.

– При гиксосах египтянам тоже жилось несладко.

– Так было только в Дельте, – Кагемни устало растяги-

вал слова. – А номовую знать Юга гиксосы вполне устраивали. Даже больше, чем власть царя. Вспомни, что написано в школьных папирусах. Когда царь Камос призывал вельмож южных номов присоединиться к нему, чтобы изгнать врагов, что они ему ответили? Что им присутствие гиксосов в стране не мешает, – Кагемни прикрыл глаза и процитировал: «Нам спокойно в нашей части Египта. Крепки Фивы и Суана вплоть до страны Куш³³. Возделываются лучшие земли. Быки наши пасутся в зарослях. Полба доставляется нашим свиньям. Мы владеем землей! Вот когда придет тот, кто станет действовать во вред нам, вот тогда мы и выступим против него». Видишь, я, старик, помню эти слова наизусть!

– Так, что ты предлагаешь?

– Пока ничего конкретного, – Кагемни совсем сник. – Чтобы поднять народ на борьбу, его надо обмануть. Но как? Не знаю. Надо ждать. Я послал двух человек в Танис. Одного с моим письмом к Сиамуну. Второй должен узнать, что происходит в Танисе, и рассказать нам. Тогда и примем решение, – Кагемни порылся в своих одеждах. – Вот мое письмо в Танис.

Ной быстро пробежал письмо глазами:

«Некогда прославлявший тебя народ теперь проклинает тебя. Трепетавише некогда перед тобой соседи засылают в страну своих людей для разжигания смут и готовят вой-

³³ Египетская крепость Суану, расположена у первого порога Нила – современный Асуан. Куш, или Нубия, страна за четвертым порогом Нила.

ска для вторжения. Некогда богатая казна пуста. Некогда славные города наполнены мерзким развратом. Еще никогда истина не освещала пустыню. Похоть и воровство – вот удел народа. Разрушаются семьи. Жизнь опустошает душу. Люди ищут решение своих проблем через подкуп, разврат, ханжество, лицемерие и предательство. За реками вина не видно богов. Лишь немногие хотят услышать истину. И во всем этом повинен ты. Ты царь, который променял благословение и мудрость на грехи этого мира. Остановись у последней черты, за которой вечная смерть. Заклинаю тебя».

– Сильно!

– Мне нечего терять. Я уже на пути к Осирису. Правда, не думаю, что мне удастся упокоиться с честью. Народ требует отмены погребальных привилегий, – у Кагемни на глазах навернулись слезы.

Погруженный в размышления, Ной поедал виноград, отрывая ягоды одну за другой и не замечая его вкуса.

– Ты мне не рассказал, что происходит в Куше? – встретился Кагемни.

– Война с нубийцами – только вопрос времени, – Ной кинул в рот последнюю виноградину. – Между четвертым и шестым порогом Великой реки начинается объединение племен. Как только слухи о наших распрях достигнут Нубии, они ринутся на Север. И нам их не сдержать. После ухода моего корпуса южная граница осталась неприкрытой. У третьих порогов какие-то банды перерезали весь скот египтян.

В крепости Бухен³⁴ нет никого. Нубийцы легко дойдут до Головы Юга³⁵.

– А что будет с египтянами, которые живут в Куше?

– Народ погибнет. А о египетских жрецах в храмах Амона можно не беспокоиться. Они тоже хотят независимости Нубии от Египта. Зачем им Фивы? Я видел кушитскую царицу Анатере в головном уборе Исиды. Они там все уже поклоняются нашим богам, – Ной щелкнул пальцами. – Ох, и красивая же баба! Египетские жрецы ползают перед ней на брюхе.

– Да, нет больше египтян, – повторил Кагемни.

Ной понял, что пора заканчивать разговор. Но ему хотелось еще кое-что узнать.

– По дороге сюда мой корпус голодал. Нас пытались разместить в каких-то сараях, но мы вернули свои казармы.

– Знаю. Ты поссорился с самим Буль Буром.

– Ур Буль Буром!

– Кстати, мне донесли, что он готов обвинить тебя в воровстве военной добычи в Нубии. Что там у тебя произошло?

Ной грустно улыбнулся:

– Я выгрузил почти весь свой груз в Семне и принял на борт беженцев. Им еле хватило места. Если Буль Бур выдвинет против меня обвинение, я буду требовать суда в Тани-

³⁴ Территория египетской Нубии.

³⁵ Область в районе острова Элефантина, где проходила древняя граница Египта, египетское название «Абу» – «слоновый».

се, поскольку формально я обворовал самого царя. Придется ехать в Танис. Меня там ждут не дождутся.

– Будь осторожен.

Нефер уплатил двумя золотыми кольцами за платье и новый парик, чтобы явиться к первосвященнику в приличном виде.

Титхеперура сидел в роскошном кресле. Его массивное тело было словно отлито из бронзы, а гладкая кожа, обтягивавшая крепкие мускулы, тускло отливала медью. Голову с высоким лбом охватывала диадема, посередине которой красовался золотой Урей с короной Верхнего Египта. Широкое ожерелье-воротник из драгоценных камней покрывало половину груди, а нижняя часть была обернута широкой повязкой. Обнаженные руки украшали золотые обручи.

– Я предлагаю тебе должность писца и хранителя тайн некоторых моих дел. Но боюсь ошибиться, – низкий голос первосвященника рождался где-то в глубине его широкой груди.

– Мои дарования скромны, но службой у вас я смогу прославить богов, давших нам письменность, – ответил Нефер.

Титхеперура кивнул головой:

– Вот и прославишь. Кто твои родители?

– Я ничего о них не знаю. Говорят, что они погибли, когда орды нубийцев напали на Верхний Кемт.

– Было такое. А где ты учился?

– Меня отдали в жреческую школу в Оне, вы знаете, она

лучшая в Кемте. Но я не захотел становиться жрецом и пошел учиться на скульптора и писца. Много работал. Но до сих пор не имею звания писца, получившего дощечку.

– Это поправимо. Завтра же ты все получишь, если справишься с сегодняшним заданием.

– Справлюсь, – Нефер повернул руку, чтобы были видны иероглифы у него на запястье. – Мне помогут эти иероглифы.

– Что они значат.

– Это оберегающий знак. Меня обвиняют в кощунстве.

– Почему?

– Меня не любят. Всем другим скрибам очень дорого обошлось учение. Их учили рисовать священные письма поркой. По сто ударов в день камышовыми прутьями. Все молодые скрибы – ослы, которых бьют. Потом они остаются ослами на всю жизнь. А меня никто никогда не бил.

– Ты действительно отличаешься от других скрибов. Теперь я понял, почему. Мне говорили о твоих блестящих способностях и упорстве. Но главное – у тебя нет ни родственников, ни друзей. Это меня устраивает, ты понял? – Титхеперура передвинул свитки папируса, лежащие на столе, и с деланным равнодушием спросил: – Говорят, что ты знаешь какую-то тайну иероглифического письма.

– Никакой тайны нет. Иероглифы появились в те времена, когда боги создавали этот мир.

– Ладно. Ты будешь служить только мне, и я позабочусь

о твоём будущем. Малейшая провинность будет стоять тебе головы. А теперь – за работу! Надеюсь, ты знаешь, что за неправильные записи в официальных документах закон предписывает отсекал руку? Да? И что я делаю с теми, кто не держит язык за зубами, тоже знаешь.

Нефер сел на пол и разложил перед собой письменные принадлежности: сухие краски и чернила, миниатюрную каменную ступу с пестиком для растирания красок, кисточки маленький сосуд с водой. Потом скрестил ноги и положил на колени развернутую часть папируса. Поддерживая его левой рукой, он смочил кисточку и стал ждать.

На низком столе лежал запечатанный свиток папируса. Это было послание фараона. Но сначала Титхеперура просмотрел обычные письма. Нефер записывал его краткие замечания, чтобы по ним подготовить ответ.

Первосвященник быстро устал, и последний папирус Нефер зачитал вслух:

«Я – свободная женищина Египта. Я вырастила восемь детей и обеспечила их всем необходимым для начала их взрослой жизни. Но теперь я постарела и созерцаю, что мои дети не заботятся обо мне больше. Поэтому я передам мою собственность тем, кто позаботился обо мне, и не дам ничего тем, кто пренебрег мной. Половину того, что я имею, завещаю храму Амона и надеюсь, что его слуги защитят меня от мести моих детей».

– Ответь ей самыми проникновенными словами благодар-

ности, какие только знаешь, и заверь ее в нашем почтении.

Наконец первосвященник сломал восковую печать и развернул свиток с посланием фараона.

Краем глаза Нефер увидел, как Титхеперура пожал плечами, встал со стула и, прислонившись спиной к колонне, погрузился в глубокое раздумье. Время от времени он прихлебывал из кружки. Свиток лежал на столе. Нефер судорожно пытался прочесть текст, перевернутый вверх ногами. Ему удалось прочитать несколько строк.

«...Мой дорогой сын несравненной сестры моей младшей Алчет, первый пророк храма Амона в Фивах, вице-король Нубии. Обращаюсь к тебе с просьбой, хотя могу приказать. Побезжденные, но подлые народы моря нарушили мир и дружбу, которые его предки заключили с нашими предками. Они забыли власть наших богов. Они высадились на ливийских землях и стоят лагерем около Термы. Да соизволит первый пророк Амона, вице-король Нубии, главнокомандующий армиями Юга, прислать часть воинов Фиванского и Нубийских корпусов для защиты Таниса. Если ты промедлишь, мы погибли...»

Чем дальше Титхеперура думал, тем спокойнее становилось его лицо. «Это письмо слабого правителя, способного только гонять по постели своих многочисленных жен», – пробормотал он про себя, но губы его шевелились, и Нефер все понял.

Подойдя к столу, первосвященник сел и еще раз прочел

послание, ерзя по обивке стула пухлыми ягодицами. Потом стал диктовать ответ:

«Царь мой и мой повелитель, солнце мое, достопочтимый Нетжер-Хепер-Ра, Сиамон. единственный владелец всего Египта, земли, недр, воды, людей и животных, который царствует безраздельно. Да узнают все народы, живущие окрест, как велика наша мощь, как беззакатна наша слава! Да стекутся все народы к ногам нашим, как песчинки, гонимые ветром пустыни! Мы поразим ливийцев до западного угла неба...»

Тут Титхеперура остановился. Что писать дальше он не знал. Пусть эти дармоеды в Танисе справляются сами! Он не даст им ничего. Фиванский корпус нужен ему самому. А Нубийский корпус надо распустить: он потерпел поражение и поэтому опасен. Первосвященник погрузился в глубокие размышления. Будет еще хуже, если дать Нубийскому корпусу возможность насладиться победой над оборванцами ливийских пустынь. По дороге домой корпус сметет все на своем пути и провозгласит царем своего командира. Этого самонадеянного выскочку Ноя. Говорят, его жена царских кровей. Зачем подвергать себя опасности из-за проблем на Севере...

Нефер не умел читать чужие мысли, но по выражению лица первосвященника понял все или почти все.

На губах Титхеперуры промелькнула чуть заметная усмешка, и он кинул послание фараона Неферу.

– Я видел, что ты подглядывал, и тебе известно содержание этого письма. Что бы ты ответил?

Нефер ответил не сразу.

– Я бы сказал, что Нубийский корпус распущен. А наемникам Фиванского корпуса нечем платить жалование, и теперь они бесчинствуют на дорогах.

– Значит, ты хочешь написать правду.

– Нет, только часть правды. Это сильнее, чем ложь.

Первосвященник снова надолго задумался. За окном начало темнеть. Нефер от нечего делать вывел на ладони еще один оберегающий знак. Когда он поднял голову, первосвященник смотрел на него в упор.

– Что обо мне говорят в народе?

– Много чего. Вас не любят.

– Любят, не любят... Прибереги свою любовь для уличных девок! – первосвященник вцепился руками в подлокотники, его глаза недобро сверкнули. – Я должен внушать не любовь, а страх. Без устрашения народ не будет вести праведную жизнь. Несколько царей пытались освободить народ от страха, но это кончилось всеобщей неразберихой, – он ударил по подлокотнику кулаком. – А ты? Ты меня любишь?

У Нефера от страха на миг перехватило дыхание.

– Я люблю рисовать, и еще я люблю девушек.

Первосвященник стал заразительно смеяться:

– Смотри, при помощи своей дощечки для письма ты когда-нибудь сможешь достичь стоп фараона.

– Ваших стоп?

– Ты обвиняешь меня в том, что я хочу присвоить корону Верхнего Египта?

– Почему я? Об этом теперь судачат на каждом углу.

– А если и так, какое право ты имеешь распускать язык в священных покоях Амона?!

– Я не распускаю язык, – Нефер понимал, что сильно рискует. – Я просто хочу сказать, что нет смысла менять беспредельную власть над духом на ограниченную власть в мирских делах.

– Разве царь не имеет безграничную власть? – первосвященник удивленно поднял брови и тяжело опустился на стул.

– Нет, он должен подчиняться законам, которые ниспослали нам боги.

– С богами я как-нибудь разберусь.

Нефер пожал плечами:

– Но у Египта уже есть царь.

Титхеперура презрительно махнул рукой.

– Та-Кемт – это глыба, которую невозможно сдвинуть, не расколов ее на две части. Две земли, две короны, два царя.

– Великий и могучий Верхний Египет? – Нефер уже не мог остановиться и потому постарался придать лицу самое простодушное выражение. – А почему только Верхний и Нижний Египет? В стране десятки номов, и в каждом свой бог, а может быть, и свой царь. Почему не дать каждому местному царьку столько власти над своим народом, сколько

он способен поднять?

– Ты смеешься надо мной!?! – первосвященник сделал несколько нервных шагов по комнате. – Номовая знать просто вонючее дерьмо! Если бы я не знал, что ты выучился в хижине отшельника, а не в этих школах, где учат ереси, я бы отправил тебя в каменоломни. Но ты мне нужен.

Первосвященник подошел к столу, взял бронзовый шарик и бросил его в серебряную чашу. Раздался звон. В комнату вбежали слуги.

– Подготовьте палаты кебех³⁶. А ты, – первосвященник повернулся к Неферу, – иди в зал. Я буду говорить, а ты записывать. Это будет моя первая тронная речь.

– Речь царя? – сболтнул Нефер.

– Вон отсюда! – рявкнул первосвященник и надменно вышел из комнаты, неся впереди свой огромный живот.

Зал был набит битком. Ближе всех к креслу первосвященника стоял визирь Буль Бур, высокий худой человек с бритым, выпуклым черепом. Его серые глаза пристально смотрели в зал, время от времени в них появлялся холодный блеск. С другой стороны стоял смотритель палат Аменемхеб. Он превратил храмовые палаты в место непотребных оргий и зарабатывал на этом неплохие деньги. Рядом с ним переминался с ноги на ногу старейшина врат Фалех, торговавший из-под полы ливанским кедром, привезенным для ремонта храмов. Позади всех стоял еще один сcribe и что-то записывал.

³⁶ Палаты для совершения омовения.

вал в свиток папируса.

Титхеперура плотнее запахнул на себе плащ и медленно поднял взгляд. Всех присутствующих охватил непреодолимый суеверный страх.

– Там, за этими стенами, думают только о жизни, – голос первосвященника подхватило эхо, – и видят лишь сегодняшний день. А боги и я видим день завтрашний.

Первосвященник вперил свой взгляд в потолок и произнес хриплым голосом:

– Да, я разрушаю. Но я и строю. Невозможно сразу заменить старое новым, ибо тогда страна останется без закона и обычая, обратясь в сборище одичалых негодяев. Я начну с Фив, превращу их в город, открытый всему миру, связывающий народы Внутреннего моря и Великой Зелени с глубинами Африки. Я расширю границы познаваемого мира далеко на Юг. Я сохраню в золотых саркофагах мумии всех царей Египта, которые сейчас свалены в кучу в одной из пещер Долины царей, – Титхеперура медленно обвел взглядом зал. – Храмы Луксора и Корнака станут самыми величественными в мире. Я восстановлю храм великой царицы Хатшепсут, и это место станет угодно богам. Я создам хранилище рукописей. Я уже отдал приказ переписать самые древние папирусы. У меня целая армия сcribes.

Голос первосвященника достиг пророческой высоты.

Нефер атаковал папирус точными быстрыми мазками, стараясь записать каждое слово.

– Боги предназначили меня для великих дел, – прорычал Титхеперура. – Пора! Я слышу зов богов. Нельзя ждать. Наше промедление задерживает воды Нила! Фивам нужна сильная власть. Завтра же приступаю к сооружению джеда³⁷. – Над толпой жрецов и чиновников повис одобрительный гул. – Ты, – первосвященник повернулся к хранителю врат, – распишешь все ритуальные действия. Вся символика должна быть соблюдена. А ты, – он повернулся к Буль Буру, – организуешь народу праздник. Все вино и пиво должно быть выпито. А мои враги... Я подумаю о них позже. Женщина не в силах остановить волю богов. Если кошку нельзя убить, опасаясь возмездия, то можно хотя бы натравить на нее собаку.

Титхеперура разразился хохотом от своей шутки, и все остальные тоже начали гоготать.

³⁷ Колонна, часть ритуала коронации.

Латвия, Рига. Апрель 1990 года

Звонки от наблюдателей на избирательных участках сыпались один за другим. Бюллетени пересчитывали по нескольку раз.

По радио сообщили, что, по данным экзит-поллов, он проиграл.

Ему уже было все равно. От торшера шел теплый свет, было уютно и тихо. Он подумал, что в жизни есть вещи поважнее постоянной борьбы за переустройство мира. Надо просто жить и получать от этого удовольствие.

Недавно они поменяли квартиру в спальном районе на квартиру в центре города. Высокие в три с половиной метра потолки, просторный холл, комната для домработницы, паркетные полы в елочку и наружные стены потолще крепостных. Входная дверь и дверь из кухни выходили на просторную лестницу.

Но главное – камин. Он всю жизнь мечтал о камине с открытым огнем, кресле-качалке и часах на каминной полке.

Марсо появилась в дверном проеме, вытирая руки кухонным полотенцем.

– Кушать будешь?

– Нет.

– По радио только что сказали, что ты проиграл.

– Конечно, проиграл. Но не эти выборы.

Марсо опустила рядом с ним на ручку кресла перед телевизором. На ней был растянутый свитер того же оттенка серого, что небо за окном. Собранные на затылке и приподнятые над шеей густые светлые волосы, казалось, были готовы рассыпаться от малейшего прикосновения.

– Ну, что теперь? – спросила она.

– По-моему, все нормально.

– Нормально? Это ты называешь нормально. Из тебя сделали карикатурного злодея, над которым все смеются.

– Кто?

– Телевидение, газеты. Даже русская газета назвала тебя «бомбистом».

Марсо невидящим взглядом уставилась в темный угол комнаты. Голубоватый свет телеэкрана падал ей на лицо, делая его невыносимо печальным.

– Какой из тебя, к черту, политик, – вдруг взорвалась она. – Политики борются за власть. А ты? Размазываешь соплю. Если тебе не нужна власть, то надо, извини меня, заткнуться.

– Политика – это игра. Играть надо на стороне слабого. Игра на стороне сильного – полная бессмыслица.

– Политика ради политики? Лучше уж деньги ради денег, – Марсо закрыла глаза и помассировала виски. – И чего ты добился? Ты уже почти мифическое существо, кангар новейшей истории Латвии. Нет, ты даже не кангар. Тот хотя

бы продан немцам. А тебя никто не покупает. Не нужен ты никому. Теперь ты враг народа, как и твоя бабушка.

Эдд вдруг почувствовал, что потерял интерес ко всему. Марсо права. Его бунт не имеет никакой конкретной цели. А последствия могут быть трагичными.

– Я не враг народа, – устало сказал он. – Я враг одной его части.

– Большой его части, – Марсо наклонилась и взяла его за подбородок. – Что будем делать? Ты хоть знаешь, что у тебя рубашка одета наизнанку? Бить будут.

Он убрал ее руку:

– Будем малевать черный квадрат и молиться.

– Я серьезно.

– И я серьезно. Лучше быть врагом народа, чем дерьмом в собственных глазах.

Марсо посмотрела на Эдда, как на больного.

– Ты ведешь себя так, как будто на твоём пути стоит не история, а мелкие хулиганы.

– Я веду себя так, как будто я и есть история. Шутка.

– А ты ведь действительно так думаешь.

– Хочешь отправить меня в сумасшедший дом?

– Давай уедем. Пусть им будет хорошо без нас.

– В Россию? Жить в нищете, встречать рассветы?

– Поверь моей интуиции. Твой отец всю жизнь хотел вернуться в Москву. Я это делаю не для себя, а для тебя, на себе я уже поставила крест.

– Никуда мы не поедем, – в голосе Эдда впервые прозвучала неуверенность. Он хрипло откашлялся и уставился на экран телевизора. Появились новые данные с избирательных участков.

– Ты совершаешь ошибку.

– Давай дождемся исхода выборов, – Эдд записал данные со своих избирательных участков в блокнот и брезгливо поморщился. – Ты же знаешь, как я не люблю что-либо обсуждать заранее.

Чтобы Марсо отстала, он сделал вид, что погружен в свои мысли. Да, в последнее время удача ему изменяет. Но из всех возможных неудач он выбрал самую щадящую, ту, которая не ведет к потере самоуважения.

Наверно, что-то такое он произнес вслух, потому что Марсо сказала тихим, спокойным голосом: «В наше время быть просто самим собой – непозволительная роскошь. Поэтому держись меня, я твой единственный шанс в этой жизни».

Не зная, куда себя деть, Эдд взял с полки первую попавшуюся книгу и попытался читать, но через минуту не мог сказать, о чем только что прочитал.

– Убери свой письменный стол, – посоветовала Марсо.

Эдд расчистил немного места под настольной лампой. Конспекты лекций, незаконченные статьи, заметки, письма, недописанная докторская диссертация. Страна стремительно сползала к хаосу, и его попытки приспособить к условиям Союза китайский вариант потеряли всякий смысл. Он ото-

двинул бумаги на край стола, потом со злостью смахнул их на пол.

– Я не переживу, если тебя посадят в тюрьму! – сказала Марсо входя в комнату.

– Может, чтобы ты не волновалась, мне вообще не выходить из дома? Все настоящее – опасно. Неопасный сюжет – это диван и телевизор. Но дом может рухнуть, а телевизор загореться.

– Дом уже рухнул. Ты просто не заметил.

Эдд в раздражении передернул плечами. Марсо по обыкновению загоняла его мир в тихое стойло повседневности, как старую клячу. Ему опять захотелось победить. Но телефонные звонки прекратились. Вместо них из приоткрытого окна доносилось приглушенное карканье ворон.

Он пошел на кухню и выпил рюмку водки. Потом вернулся в комнату. Тележурналисты продолжали оперировать данными экзит-поллов, которые не предвещали ему ничего хорошего.

– Что молчишь? – не выдержала Марсо.

– Мне нечего сказать.

Он понял, что может проиграть. По его спине пробежал озноб. Он не имел права проиграть. Это стало бы катастрофой. Прежде чем проигрывать, надо выиграть. Иначе можно потерять все.

Эдд сел в кресло и закрыл глаза. Прилив бодрости после выпитой водки сменился полусонным оцепенением. В памя-

ти возникли картины прошлого, тягучие и невнятные. Весенний запах таяния. Шуршание песка под ногами, плеск морских волн. Съемная дача на берегу моря. Солнце, уходящее за горизонт, остывающий пляж. Он любил приходить туда вечером, когда наступающая темнота скрывала угловатости его подростковой фигуры.

Трехкомнатная квартира его родителей, обставленная дешевой мебелью. Кровать на кирпичках. Отец собирается в очередную командировку на защиту проекта крупнейшей по тем временам теплоэлектростанции. Он опускает рукава застиранной рубашки, завязывает галстук и надевает свой единственный чуть потертый костюм.

Лестница в подъезде его дома. Он спускается вниз, слегка постукивая ключом по металлическим прутьям перил, пять, шесть, семь – словно играя на ксилофоне. Ему навстречу идет директор института, в котором работал его отец. Запах дорогого одеколona, иностранных сигарет и полного довольства жизнью. Как-то в институте он увидел рядом с этим советским плейбоем двух длинноногих секретарш, и его буквально захлестнула гормональная буря. Вот она «дольче вита»!

Тогда он много читал. Стивенсон, Жюль Верн, Александр Грин, «Библиотека приключений», Томас Манн, Фейхтвангер. Призраки литературных героев преследовали его, не давая покоя. Ему снились прекрасные, фантастические сны, а утром не хотелось идти в школу.

На уроках истории ему было скучно. Там он никогда ничего нового не узнавал. Знакомые события, известные люди. То же на уроках географии. Он научился различать страны и колонии по почтовым маркам.

Никто не вникал в круг его чтения, но кое-что отец от него прятал. В пятнадцать лет он выудил из глубин книжного шкафа взрослые книги и понял, что реальная жизнь намного сложнее, чем ему казалось.

Запойное и беспорядочное чтение спасало его от подростковой тоски. Каждый новый год ему казалось, что жизнь начнется сначала и все будет по-другому. Но все продолжалось, как прежде.

Он начал читать Библию, но не продвинулся дальше сотворения мира. Ему хотелось в другой мир, насыщенный красками другой жизни.

После восьмого класса он вернулся с летних каникул длинным, как жердь, и поступил в самую элитную латышскую школу. Учеба его не интересовала. Он что-то начинал, потом бросал и снова возвращался к чтению книг.

Одноклассники его не любили. Для них он был представителем чужой, русской культуры, хотя и говорил на чистом латышском языке. В семье говорили по-русски, поэтому его латышский язык был поставлен школой без фонетических искажений, передаваемых семьей.

Чтобы всех позлить, он напускал на себя вид убежденного комсомольца и однажды подрался из-за какой-то мутной

коммунистической идеи. Скандал был на всю школу.

Но такие конфликты случались редко. Когда ему что-то не нравилось, он поворачивался и уходил. Это было проще и надежней.

В десятом классе на него нахлынул мутный вал непривычных ощущений. Он отрастил длинные волосы, слушал битлов на заедающем магнитофоне и чуть было не сбежал в Париж на баррикады.

Вместо баррикад он сделал все, что должно было быть сделано в любом случае – окончил школу и поступил в университет. Все это произошло как бы само собой.

В университете он, наконец, освободился от мучившей его рефлексии. Появились друзья. В основном русские и евреи. Он проходил с ними сложные маршруты на Кавказе и Северном Урале. Крутые подъемы, потом столь же крутые спуски. Он стал нравиться самому себе: дефицитная штормовка, солнцезащитные очки, тяжеленный рюкзак, горные лыжи, перекинутые через плечо. Порывы ветра, сотрясающие палатку сверху донизу. Друзья ни разу не подвели. Однажды на берегу Северного Ледовитого океана в двадцати километрах от ближайшего жилья они за шесть часов построили иглу³⁸ и посреди нее разожгли костер. Снаружи бушевала метель, а внутри было тепло. Протянув к огню разутые ноги, они ели манную кашу, сваренную на сгущенке, и

³⁸ Традиционная северная хижина из уплотненного ветром снега, разрезанного на кирпичи.

пили горячий чай.

Чтобы повысить самооценку, он занялся подводным плаванием и несколько раз ездил на Черное море за сокровищами затонувших кораблей, но так ничего и не нашел.

Он стал носить грубые свитера и мешковатые джинсы, прожженные искрами костров. И не заглядывал в будущее дальше, чем до ближайших выходных.

На втором курсе студенческая группа его приняла, разглядев в нем латыша. На праздник Лиго все выезжали на берег Гауи³⁹, сидели у костра и, раскачиваясь, пели латышские песни. Он пил деревенское пиво и рябину на коньяке, ел сосиски на палочках и картошку, запеченную в золе. В развалинах замка на другом берегу реки к празднику сооружали деревянный помост и устраивали танцы. Он переплывал реку, держа одежду над головой. Потом шел через густой лес. В развалинах играл духовой оркестр, создавая ощущение довоенной Латвии. Было много красивых девушек. И если он не напивался, то все заканчивалось хорошо.

Каждое лето он ездил на заработки. Институт его отца проводил предпроектные работы на местах будущихстроек. В изыскательские партии набирали самых разных людей, в основном неприкаянных и злых. Он бегал с рейкой, валил деревья, пробивал скважины, ругался матом, дрался. В партии постоянно возникали тупые свинские пьянки с риском вырубиться и наблехать где-нибудь в углу. Из придурковато-

³⁹ Река в Латвии.

го пожирателя книг он быстро превратился в прожженного искателя приключений.

Еще будучи студентом, он часто ездил за границу, что по тем временам было большой привилегией. Другие деньги, другие запахи, другие девушки. На Берлинском вокзале все было вызывающе несоветским. Магазины «Метро», пивные киоски, реклама. Общая душевая в студенческом общежитии.

После окончания университета он остался в аспирантуре и опять немного одичал. Но это помогло ему без особых проблем пережить кризис середины молодости. В кандидатской диссертации он элегантно смешал социализм и рыночную экономику «в одном флаконе», что по тем временам считалось откровенной ересью. На защите произошел скандал, и ему накидали кучу черных шаров. Ответ из ВАКа⁴⁰ пришлось ждать полтора года. За это время он женился и у него родилась дочь. Денег катастрофически не хватало. Когда, наконец, ответ пришел, он целый час рыдал над кроватью дочери вместе с ней. Став кандидатом экономических наук, он тут же стал получать в два раза больше.

Атмосфера университета действовала на него расслабляюще. Две-три лекции в неделю, несколько семинаров, одно заседание кафедры, и полная свобода. Через каждые два-три года стажировки, поездки за границу, конференции, институт повышения квалификации, сокращенно ИПК, что рас-

⁴⁰ Высшая аттестационная комиссия.

шифровалось так же, как институт приятных контактов, или институт половых контактов. Одна из его коллег, перепробовав во время стажировок все национальности Союза, как-то призналась ему, что лучшие мужчины – таджики.

Получив диплом доцента, он немного растерялся. Что дальше? Диплом доктора наук, профессора, академика. И что? Потратить годы на одну единственную книгу. Стать ректором университета? Ректором гадюшника? Еще в аспирантуре его включили в резерв на эту должность, но он отнесся к этому равнодушно.

Он бросил читать фолианты немецких философов и перешел на романы французских экзистенциалистов, в которых все вертелось вокруг темы абсурда и пустоты. Это стало его новым мироощущением.

Благодаря работе в обществе «Знание» он получил возможность читать бюллетени зарубежной информации. Их было два: голубой и красный. Первый был для служебного пользования, второй – секретный. Он их прочитывал от корки до корки и знал больше других.

В феврале 1985 года ему дали три месяца отпуска для работы над докторской диссертацией в Московском финансовом институте.

Москва встретила его промозглой сыростью. По небу ползли рваные облака. У людей были болезненно-восковые февральские лица, как будто вампир высосал из них всю кровь.

Чтобы не терять времени даром, он обосновался в диссертационном зале Ленинской библиотеки. От бестолкового чтения слезились глаза, болел желудок и затекала спина. В буфете на первом этаже продавали сосиски с горчицей, сухой черный хлеб и горячий сладкий чай. Устав от чтения, он вынимал из папки белый лист бумаги и начинал писать.

В один из дней у Кремлевской стены хоронили генерального секретаря партии Константина Черненко. Библиотека находилась рядом с Красной площадью, и в читальный зал влетали похоронные гудки. Заведующая залом попросила всех встать и почтить память усопшего минутой молчания. Все встали, опустив глаза, чтобы скрыть равнодушие. Гудки не умолкали. Потом прозвучало обычное в таких случаях «спасибо». Все сели и уткнулись в свои книги. Никто даже не посмотрел в сторону окна.

Когда прозвучал последний гудок он не сразу смог разобраться в своих ощущениях. Вначале это было чувство неведомости, которое испытываешь лишь секунду, делая шаг на неработающий эскалатор.

Когда уборщицы открыли окна для проветривания, он почувствовал дуновение свежего ветра. Ветра перемен? На столе у соседа лежала книга Льва Гумилева «Конец, и вновь начало». Начало чего? По его спине пробежали мурашки. Он понял, что последний гудок разделил всех сидящих в этом зале на живых и мертвых⁴¹.

⁴¹ По последним данным, избыточная смертность на территории бывшего Со-

Через две недели у него уже был готов текст диссертации. На первом листе сверху он написал ее рабочее название: «Как перейти к рыночной экономике, не угробив половину населения страны».

В один из вечеров ему позвонила Марсо и сказала, что звонили из ЦК Компартии Латвии и предложили ему прочесть несколько лекций в Сорбонне. Только что прошел пленум ЦК КПСС, Горбачев объявил перестройку, и весь мир хочет знать, куда пойдет Советский Союз. Через неделю он должен быть в Париже, и она высылает ему с проводником костюм, галстук и длинный светлый плащ.

Жванецкий как-то сказал за все свое поколение: «Никогда я не буду в Париже молодым». Еще лучше сказала заведующая кафедрой Московского финансового института, закрывая ему стажировку: «Париж стоит мессы, и конечно же, Париж стоит каких-то конспектов».

Он был в Париже молодым. И Париж стоил того. Он поселился в небольшой гостинице недалеко от Монмартра, в комнате под самой крышей.

Париж его ошеломил. Он балдел от столиков, выставленных на тротуар, от гостиницы на одного портье, от европейского завтрака в тесноте. От кафе в Латинском квартале, в котором часто завтракал Сартр. После лекций он изображал хемингуевщину, подолгу сидел в кафе, записывал впечатления в откидной блокнот, мелко, но часто выпивал. Все сме-

шалось, как в калейдоскопе: Хемингуэй с его «Праздником, который всегда с тобой», Артю Рембо с «Пьяным кораблем», Генри Миллер с «Тропиком рака», Камю с бунтующим человеком.

Он пообедал на Елисейских полях, о чем мечтал после прочтения «Праздника». Было дорого и невкусно. Но далеко впереди высилась Триумфальная арка, и этого ему было вполне достаточно.

Деньги заканчивались. Вечерами, выйдя из гостиницы, он спускался вниз к подножию Монмартра навстречу мигающей вывеске «Мулен Руж» в поисках бара подешевле.

Знаменитая Пляс Пигаль была больше похожа на ярмарку, чем на гнездо разврата. Стрип-клубы рекламировали вполне приличных женщин. На Рю де ля Веррери тусовались полчища геев.

В один из вечеров в приглянувшемся ему баре не оказалось свободных мест. Было лишь одно – за столиком, где уже сидела светловолосая девушка, похожая на сломленную неудачами актрису.

– Разрешите? – спросил он по-английски.

– Ya, welcome.

Когда он сел, она испытующе посмотрела на него.

– Ты русский?

После напряженного лекционного дня и бестолкового общения на английском он туго соображал и поэтому не удивился:

– А что?

– Я это сразу поняла. Лица европейских мужчин какие-то недоделанные, – она намотала на палец локон крашенных волос. – Ты, я надеюсь, при деньгах?

Он честно признался, что нет. Девушка сразу потеряла к нему интерес. Он тоже старался смотреть в сторону.

– Скучаешь? – спросила девушка, не выдержав молчания.

– Нет, – опять честно признался он. Никогда раньше ему не удавалось быть честным два раза подряд.

Ее звали Инга. Она рассказала ему про свою дочь, оставленную маме в поселке Электросталь, о своей квартире в Москве, которую надо срочно продать, и о сложной жизни русской модели в Париже. Она проработала моделью всего месяц, а потом ее выставили за дверь.

Из всего разговора о модельном бизнесе ему запомнилось лишь то, что любой промах парижане превращают в элемент индивидуального стиля. Он тоже всегда к этому стремился. Иногда что-то получалось.

Они вышли на ночную улицу, полную неоновых огней.

– Куда пойдём?

Кончилось все тем, что они зависли на каком-то углу, вдыхая запахи дешевого ночного клуба, в котором он оставил последние деньги. Гудела неоновая реклама. Редкие машины проносились мимо и сворачивали на широкий бульвар.

Было уже пять часов утра. Начинало светать. Фонари, потускневшие в утреннем свете, были похожи на ночных бабо-

чек. В булочные завозили только что выпеченные багеты и круассаны.

Они расположились на бордюре, отделяющем тротуар от небольшого сквера, пили горячий кофе из автомата и ели багет, разломанный пополам.

Входная дверь отеля была не заперта. Портье дремал, лифт не работал. Поднимаясь по лестнице, пролет за пролетом, он немного отстал, чтобы посмотреть на Ингу сзади. Модель как модель, на ногах – кроссовки, что никак не отражалось на стройности ее ног.

Он сел в единственное кресло, которое было в номере, и стал смотреть, как она готовит коктейль из двух бутылок, которые он купил, чтобы отвезти в Ригу. Закончив трясти шейкер, она провела руками вдоль бедер, расправляя черную юбку.

– Это все. Спасибо за прекрасный вечер. Мне надо было выговориться. Спасибо, – чмок! Она грустно улыбнулась и отвела глаза.

Он не возражал. Ему хотелось спать. Тем более что еще один хемингуэевский роман неожиданно получил полное и буквальное воплощение⁴².

P.S. Свою поездку в Париж Эдд восстанавливал в дневнике по памяти через восемь лет, когда Инга вновь появилась в его жизни. Они встретились при весьма сложных обстоя-

⁴² Главный герой романа «Фиеста» – инвалид войны, и его общение с женщинами начинается и заканчивается разговорами.

ательствах, о которых он не мог не написать. Ему снова пришлось ее спасать, но уже по-настоящему.

Перед отъездом он продал на Монмартре несколько банок черной икры и вернулся домой с двумя сумками барахла от «Тати» и пластинкой французских шансонье.

После Франции его чуть было не отправили в Южный Йемен, изучать арабский социализм, но в последний момент маршрут изменили, и вместо Йемена он поехал на стажировку в Венгрию, как тогда говорили – в самый веселый барак социалистического лагеря.

У Будапешта был довольно запущенный вид, но он весь день просиживал в библиотеке и этого не замечал. Перестройка разваливала страну, и надо было успеть защитить докторскую диссертацию. Все было, как в Москве: книжная пыль, шуршание страниц, сырой ветер в открытые для проветривания окна. По субботам и воскресеньям в советском посольстве крутили голливудские фильмы.

Единственной проблемой было отсутствие денег. Он освоил несколько простых блюд – макароны с сыром, кашу со шкварками и обжаренным луком. К приезду Марсо ему удалось скопить на приличный шопинг, и они прошлись по магазинам Будапешта как белые люди.

Перед возвращением в Ригу ему стали приходиться письма от еврейских друзей, отваливающих в Израиль.

Вернувшись в Ригу, он грубо отверг предложение вступить в Народный фронт и сразу же потерял всех своих ла-

тышских друзей. Как только коллеги по кафедре поняли, что он не будет петь в общем хоре радетелей за нацию, то перестали с ним здороваться. Он ответил им в своей привычной манере – послал всех к черту.

У него осталось всего несколько близких друзей. Костю и его команду прибило к нему политической волной. Юра – коренной рижанин, преподаватель Рижского института гражданской авиации, был знаком ему с детства. Еще двое, Виталик и Вадим, были морскими офицерами, преподавателями военно-морского училища в Болдерае и мужьями студенческих подруг Марсо. Под наблюдением жен они все четверо весело напивались по каждому серьезному поводу.

Из телевизора раздался назойливый голос очередного комментатора. Эдд взял пульт и начал переключать программы.

Марсо тоже уставилась на экран.

– Только что звонил Виталик, – сказала она. – Вся компания в сборе. Хотят устроить пьянку. Я поставила жарить курицу.

– Пусть приходят. Для пьянства есть любые поводы... Какая разница. Победил я или не победил.

По телевизору громко и восторженно объявили о победе Народного фронта, получившего более двух третей депутатских мандатов. На площади перед памятником Свободе толпа ликовала и пела. Результаты предстоящего голосования

в Верховном Совете о независимости республики от Союза были предрешены.

Эдд подошел к телевизору и резко убрал звук.

В дверь позвонили. Голоса студенческих подруг Марсо были похожи на крики разбуженных тропических птиц.

– Куда вы дели своих мужей? – спросила Марсо.

– Они рыщут в поисках выпивки и закуски. Виталик сказал, что готов войти в новый мир, но только не на голодный желудок и трезвую голову.

– У нас все есть. Запасов года на два.

На лестничной клетке раздался шум, и в прихожую ввалились остальные.

– По какому поводу гулянка? – Марсо закрыла дверь ногой. – Вас было слышно еще на улице.

– Вот, хотели посмотреть на виновника торжества, – Юра кивнул на стоящего в дверях комнаты Эдда и передал Марсо пластиковый пакет.

– Зачем? – Марсо толкнула его в грудь. – Ты думаешь, мы совсем тут оголодали?

Гости придирчиво осматривали квартиру, отремонтированную за дешевающие советские деньги.

– Отличный ремонт! – провозгласил общий вердикт Вадик и придирчиво подпрыгнул на паркете. – А что это за страшные звери на потолке? Прямо с герба Латвийского государства.

– Архитектором этого дома был отец Эйзенштейна, – объ-

яснил Эдд. – Поэтому мы ничего не меняли.

– Чем слабее государство, тем страшнее львы на гербе, – изрек Виталик, уставившись на львов в углах потолочной лепки. – Скоро они издадут рык, и нам придется мотать отсюда.

На кухне Марсо протирала стаканы полотенцем. Эдд открыл холодный шкаф. Там рядами лежали упаковки крупы, макарон и консервов, стояли бутылки водки и вина.

– Ого! Ничего себе, – гости столпились вокруг него. – Теперь понятно, почему в городе жрать нечего.

– Вас будут кормить из котлов походных кухонь, а мне что делать? Я еще и буржуйку купил. Буду отапливать квартиру полным собранием сочинений Ленина.

Виталик открыл духовку и попытался вытянуть противень.

– Когда мы, наконец, будем есть? – он обжег палец и, чертыхнувшись, захлопнул духовку. – По-моему, готово.

– Подожди еще минуту, – Марсо бедром оттолкнула его от плиты.

– На всех может не хватить.

– Хватит! Их там целых три.

Эдд достал из холодильника две бутылки водки.

– Почему все толпятся на кухне? – не выдержала Марсо. – Идите отсюда. Лена! Проследи, чтобы они до ужина не напились.

– Благодаря водке ярче чувствуешь историю, – отпариро-

вал Виталик. – Она происходит здесь и сейчас.

Эдд провел всех в комнату и освободил кресла от предвыборных плакатов. Все расселись кто где. Юра, который в совершенстве владел латышским языком, уткнулся в телевизор, постепенно впадая в бешенство.

По экрану полз военный грузовик, снятый со стороны заднего борта, к которому была прикреплена табличка с большой желто-красной надписью «ЛЮДИ». Из-за борта торчали прыщавые лица молодых парней из Центральной России. Закадровый голос вещал, что если бы не табличка с надписью, то всех сидящих в грузовике можно было бы принять за обезьян.

– Что показывают? – спросила Лена, входя в комнату.

– Поход карликов на Москву, – съязвил Виталик.

Марсо вкатила сервировочный столик с закусками. Эдд встал и с хрустом свинтил крышку с бутылки водки.

– Когда люди собираются в толпы, чтобы поорать, – сказал он, разливая водку, – и если они знают, что им за это ничего не будет, то они рано или поздно потребуют какой-нибудь свободы. Год назад хватило бы одного выстрела солью.

– Опять воюешь? – набросилась на него Марсо. – Лучше скажи им, что надо уезжать в Россию.

– В России не лучше, – буркнул Юра, переключая телевизор на российский канал. – Везде одно и то же.

– Хреново везде, – согласился Вадик. – Я только что разговаривал по телефону с сестрой. У них в Баку во время армян-

ского погрома сосед по лестничной клетке, армянин, стоял перед дверьми своей квартиры с топором и канистрой бензина. Он бы всех порубил, а потом бы все сжег.

Все четверо подняли стаканы и выпили.

– В полночь по местному каналу показывают «Звуки музыки», – Юра вытер губы тыльной стороной ладони. – Офицер австрийской армии своим пением сопротивляется присоединению Австрии к Германии. Я бы предпочел «Кабаре». Там парень, похожий на Лоренца в молодости, поет песню о родине, потом песня становится маршем, все бросают пить пиво, вскакивают на ноги и в нацистском приветствии кричат: «Зиг хайль!»

– Австро-Венгрию теперь называют золотым веком Центральной Европы, – вставил Эдд.

– Сколько нам будет лет, когда времена Союза тоже назовут золотым веком?

– Лет восемьдесят.

– С чем я нас и поздравляю.

Негромкое бормотание женщин за стеной перешло на повышенные тона. Эдд подошел к двери и прислушался.

– Мне наплевать, чего он хочет, – почти кричала Рита, жена Вадима. – Он уедет с концами и не вернется. Бабы его тут же подберут. Никаких денег он не заработает... Мне наплевать, – повторила она в ответ на неразборчивую реплику Марсо. – Я уже не в том возрасте, чтобы начинать все сначала.

Молчание. Потом заговорила Марсо, но так, что Эдд не смог разобрать ни слова.

– Это они нас обсуждают, – мрачно изрек Виталик и двинулся на кухню.

Через минуту появилась Таня, волоча Виталика за руку. Он вертелся, делая вид, что пытается освободиться.

– Забирайте. Он нам мешает.

– Так мы будем пить или нет? – усевшись, Виталик плеснул во все стаканы водку, большая часть которой оказалась на столе.

– Эдд, залезай на трибуну, пока мы еще трезвые, – попросил Вадим. – Нам запретили появляться в городе в военной форме. Что будет дальше?

– То и будет. Россия проиграла войну. Вам еще повезло. Выводимые из Германии войска выбрасывают в Карпатах из вагонов на снег. А на отступные, которые дали немцы, генералы строят себе дачи. У вас тут хотя бы есть квартиры, которые никто не отнимет, и жены, которых никто не выгонит. Но придется уйти из армии.

– Мы можем разнести тут все за пару минут, – скрипнул зубами Виталик.

– Никто не отдаст такого приказа, – успокоил его Эдд. – Никому в Москве Союз больше не нужен, кроме тронутых умом идеалистов. Что будет с вами, там всем глубоко наплевать. На повестке дня одна задача – разворовать страну.

– Эдд прав, – согласился Вадим. – У нас в Болдерае уже

режут корабли на металлолом. Грузят на баржи и увозят в Германию...

– У меня идея! – перебил его Эдд. – На военных складах должны остаться противогазы. В Россию их не повезут. Есть покупатель. Договоритесь с начальством, чтобы эту хрень списали.

– Кому нужны сраные противогазы?

– Их используют на африканских шахтах. Узнайте, что ваш флот еще готов продать. Только не связывайтесь с оружием.

По телевизору начали передавать окончательные результаты выборов. Марсо накрывала на стол, был слышен только стук тарелок и звон бокалов. Все остальные уставились на телеэкран. Эдд так сильно прикусил губу, что ощутил во рту привкус крови.

Телекомментатор сообщил о победе в 32-м избирательном округе независимого кандидата Эдда Лоренца над кандидатом от Народного фронта Григорием Березовским. Раздалось громкое «ура!»

– Не понимаю, как тебе это удалось, – Марсо чмокнула Эдда в щеку.

Эдд почувствовал, как комок в желудке расплывается приятным теплом.

– Я использовал американскую технологию «политического серфинга». Чтобы удержаться на поверхности воды, надо постоянно чувствовать под ногами провал.

– Ну, вот все и решилось, – с деланой завистью сказала Таня.

– Что решилось? – рассердилась Марсо.

– Будете сидеть в Верховном Совете.

– А потом?

– В тюрьме, – пошутил Виталик.

– Ты лучше о себе подумай, – еще больше рассердилась Марсо.

– В Россию я не поеду! – чертыхнулся Виталик. – Мы любим Россию, но Россия не любит нас. Жилищными сертификатами можно подтереться.

Рита рассмеялась коротким нервным смешком.

– И что, нас некому защитить?

– Вас защитить может только псковская дивизия, – задумчиво сказал Эдд.

Все сели за стол.

– Мы сейчас в положении Белой гвардии, – шумел Виталик. – А ты, Эдди, будешь за Булгакова. Напиши нам новые «Дни Турбиных». Все идет в тартарары, а мы – пьем. Это уже сюжет.

Эдд покачал головой:

– Белая гвардия погубила свою Империю, мы погубим свою, – он провел пальцем по виньеткам на скатерти. – Не только Прибалтика выйдет из Союза. Все уйдут. Начнутся конфликты. Например, война между Россией и Украиной. Или Грузией. Или Казахстаном. Там плохие границы.

Все замолчали, не совсем понимая, что Эдд имеет в виду. Вадим чуть слышно присвистнул.

Эдд опрокинул рюмку и, сам того не замечая, забарабанил пальцами по поверхности стола. Он боялся думать, что может оказаться прав. На больших временных отрезках его логика действовала безукоризненно.

– Такое вообще возможно? – Лена широко раскрыла глаза.

– Все возможно! – Виталик хрустнул куриным крылышком. – Горбачев – дерьмо. Россия в границах РСФСР – это идиотизм.

– Все идет к черту, – угрюмо изрек Юра.

– Лоренцу верить нельзя, – успокоила всех Марсо. – Он постоянно ошибается.

Юра кинулся Эдда защищать:

– У нас в институте его статьи вывешиваются на специальном стенде. Там всегда толчется народ...

– Да что ты говоришь... – парировала Марсо. – Ваш Лоренц заставил меня въехать в эту огромную квартиру, и что теперь? Оказывается, у нее есть довоенный собственник. Нас скоро отсюда выставят. Превратят в бомжей.

Эдд сжал руку жены.

– Моя логика против твоей интуиции ничто! Я даже собираюсь открыть фирму под названием «Спросите у Марсо».

– Вот и открой! – голос Марсо был все еще злым. – По крайней мере, без денег не останемся.

– Девочки, усмирите ее, иначе она испортит нам весь вечер, – Виталик разлил водку. – Выпьем за новоиспеченного депутата.

– Я в порядке, – Марсо скользнула ладонями по лицу. – Просто Эдд меня больше не любит.

– Любит, любит, – успокоила ее Таня. – Ты для него икона. Он всегда отзывается о тебе так, как будто ты причислена к лику святых. Ты лучше расскажи, как тебе удастся предсказывать будущее.

– Давайте сначала выпьем, – Марсо пригубила рюмку.

– Так ты нам поколдуешь или нет? – нетерпеливо спросила Лена.

– Зачем? – Марсо брезгливо скривилась. – Все кругом буквально напичкано знаменьями.

– Например?

– Ну, скажем так, – если даже Лоренц стал зарабатывать деньги, то экономике конец.

– Блеск! Давай еще.

– Если по телевизору начинают издеваться над армией, то государству тоже конец. Тут Эдд не ошибается. Поэтому надо рассчитывать только на себя.

– Погадай мне, – попросил Виталик.

– Легко! – Марсо взяла в руки его ладонь и сделала вид, что изучает на ней линии жизни. – Если не уедешь в Россию, будешь работать в паршивом гараже на заднем дворе, ходить в засаленных брюках с болтающимися подтяжками,

материться на приходящие счета, на плохое здоровье и отсутствие денег. И бухать под Высоцкого.

Таня посмотрела на мужа.

– Она меня пугает. Какая-то, прям, нострадамовщина.

– Давайте выпьем за женскую интуицию! – предложил Вадим.

– Чухонцы! Лабздуки! Тра-ля-ля, тру-ля-ля. Песенная революция, мать твою! – у Виталика заплетался язык. – Что устави́лась? – он зло посмотрел на жену. – Вот что! Надо ввести одну атомную подводную лодку в Даугаву, а вторую поставить в нейтральных водах напротив Нью-Йорка. Вы знаете, что такое атомная подводная лодка? Это целый стадион, напичканный ракетами с атомными боеголовками. Американцы даже пикнуть не успеют...

Марсо заткнула Виталику рот куском хлеба.

– Все, мальчики! Заканчиваем с политикой. Пить я больше не дам. Лучше расскажите армейский анекдот.

– Не хочу я их анекдотов, – брезгливо передернула плечами Таня. – Не смешно. Глупые фантазии позорного отрочества.

– Новых анекдотов нет, – успокоил ее Вадим. – У нас вся жизнь сплошной анекдот. Такого наплыва мочалок на нашу базу еще не было.

– Вот, гады! – возмутилась Рита. – Теперь понятно, почему ты приходишь домой черт знает когда.

Вадим стал оправдываться:

– Местным девкам мы даром не нужны. Они обхаживают курсантов из развивающихся стран. Лучше Азия с Африкой, чем немытая Россия.

– Лучше там, где много-много белых обезьян, – передразнила его Рита.

– Белые обезьяны, как и настоящие белые штаны, водятся только в Бразилии, – уточнил Виталик. – А раз так, надо переквалифицироваться в управдомы. В этом доме есть Швоньдер? Есть здесь Швоньдер? Нет?

– Ты все напутал, – Юра с трудом сфокусировал взгляд и тупо уставился на пустую рюмку. – В управдомы хотел переквалифицироваться Бендер, и это он мечтал о Бразилии и белых штанах. А Швоньдер к тому времени уже был управдомом.

– Да знаю я все, – пьяно обиделся Виталик. – Девочки, вы хотели анекдот. Вот вам один случай из нашей жизни. Приходит мочалка к полковнику Бовину и говорит: «Ваш Ахмат – это курсант из Ливии – совсем сдурел. Хочет трахнуть меня в ухо». «Ну и что?» – спрашивает Бовин. «Как что? я же оглохну!» Бовин чешет затылок и спрашивает: «А в рот ты берешь?» – «Да». А Бовин: «Так ведь не онемела».

Марсо вlepила Виталику подзатыльник.

– Совсем сдурел. Все! По домам.

Марсо закрыла окно, плотно задернула шторы и устало произнесла:

– Вечер не получился. Все напились. И ты тоже, хотя на-

чал позже всех, – она подошла к Эдду и вытерла тыльной стороной ладони его влажный лоб. – Я смотрю, ты сильно прибавил в весе.

Он закрыл глаза. Победа! Голова была полна счастливой ерунды.

– Иди ко мне, – сказала Марсо, протягивая к нему руку. – Я так тобой горжусь.

Он положил голову ей на плечо и уткнулся носом в ее шею:

– Во сколько завтра встаем?

– В семь.

– В семь я еще не смогу вспомнить своего имени.

– В восемь? И что? Начнется новая жизнь?

Брюссель, Дурбан, Мукусо. Апрель 1990 года

Самолет медленно выруливал на взлетно-посадочную полосу аэропорта Шарлеруа в Брюсселе.

Виктор поерзал в кресле, чтобы полностью вписаться в его изгибы. Шум мотора резко усилился, и после короткого разбега самолет взмыл вверх, под крутым углом, и взял курс на Дурбан⁴³. Наконец можно было спокойно подумать.

В брюссельском банке «Ламбер», где лежали его деньги, вырученные за ангольские алмазы, он на два года арендовал банковскую ячейку, куда положил дискеты с самой опасной информацией. Доступ к ячейке получал он, Лера и Анатолий. Информация с дискет автоматически удалялась через минуту после первой попытки ее прочитать без введения пароля.

Учитывая скорость, с которой у него накапливались материалы, летать в Брюссель придется не реже одного раза в месяц.

Сквозь дремоту он рассматривал силуэт стюардессы на фоне света, просачивающегося из служебного помещения, на ее стройные ноги, изгиб рук, уверенно держащих поднос с бокалом шампанского. Она склонилась над ним, а он по-

⁴³ Город в Южно-Африканской Республике.

гладил ее бедро, чувствуя на ладони шероховатую поверхность нейлона. Но это был только сон. Он проснулся, пригубил шампанское и откинул голову на мягкое изголовье. Подлетая к Дурбану и глядя сверху на просторы буша, Виктор испытал небольшое волнение. Буш больше не был тусклым плоскогорьем, которое он покинул два года назад. Все было ярким и цветным. Потом появилось море и сплошная линия золотистых пляжей, называемое Золотой милей. Здесь в 1497 году под Рождество к берегу причалил корабль Васко да Гама.

Около часа Виктор бродил по центру города. Он был в Дурбане несколько раз, но проездом. При белых это был фантастический город. Теперь здесь орудовали черные банды.

Перед мэрией стоял памятник Яну Сматсу, многолетнему премьер-министру Южно-Африканского Союза и яркому стороннику апартеида. Нельсон Мандела, став президентом, обещал памятники не трогать, и слово свое сдержал.

Арендовав машину, Виктор выехал из города. Его окрестности были похожи на рай. Вечное лето.

Нужный ему дом был окружен высокой стеной. Вокруг дома расстился поливной газон. С ветвей деревьев свисали сочные плоды. Пестрые птицы расцвечивали воздух ярким оперением.

Виктор вошел в просторную комнату. Охранник остался стоять у дверей. Еще один стоял у окна. Ему навстречу из-за

огромного стола вышел высокий подтянутый мужчина средних лет, с глубокими морщинами на лице, которые его совершенно не старили. Это были знакомые Виктору «следы буша».

Виктор представился на африкаанс, сделав ударение на втором слоге своего имени:

– Виктор Шевардин. Частное расследование. Меня рекомендовал полковник Вет Денборг.

– Генерал Пол Адамс. Давно не видел старого Вета. Вы с ним вместе служили?

– Да, 32-й батальон «Буффало».

– О-о! Тогда охрана мне наверняка не поможет, – Адамс махнул охране рукой, и она вышла. – Правда, не знаю, смогу ли быть чем-то вам полезен, – он ухмыльнулся, поняв, что фраза получилась чересчур театральной. – У меня нет ответа на тот вопрос, который вы наверняка зададите.

– Вы имеете в виду вопрос: кто есть мистер Бальмонт?

– Да.

– Именно этот вопрос я и задаю.

Генерал беспомощно развел руками:

– Могу только сказать, что мистер Бальмонт недавно стал конкурентом нашей фирмы.

– Охранная деятельность?

– Да. Наша фирма не афиширует своих задач, но и не скрывает их. Мы – это вышедшие в отставку офицеры спецподразделений армии ЮАР. После прихода к власти Нель-

сона Манделы, как вы, наверно, знаете, была проведена по-вальная чистка элитных частей. Что нам оставалось делать? Мы создали фирму, которая оказывает охранные услуги нефтяным и горнорудным компаниям, работающим в Африке, ведь во многих африканских странах эти компании сами должны обеспечивать свою безопасность. Мы работаем на законных основаниях, имеем и правительственные контракты. Таких фирм, как наша, больше десятка. Африканский рынок поделен. Это очень важно, ведь мы все вооружены.

– Насколько я знаю, вы иногда вмешиваетесь в политику.

– Это неизбежно. Недавно мы помогли одному африканскому царьку справиться с местным «революционным фронтом». Шуму было много. Нам дали на все про все семь дней, а мы уложились в два, за что получили месторождение алмазов. Тут нет ничего противозаконного. Так вот, Бальмонт буквально вломился на африканский рынок оружия. У него есть и своя небольшая армия. Головорезы, собранные невесть откуда. Мы тоже не ангелы, но не до такой степени. Недавно он сорвал у нас контракт с Ангольским правительством. За свою работу мы должны были получить ряд концессий, как вдруг все пошло к черту. Мы, конечно, предпримем кое-какие меры. Но нужна информация. К сожалению, вот все, что у нас есть, – генерал протянул Виктору тоненькую папку, – прочитайте прямо сейчас.

Виктор пролистал досье. В нем была собрана коллекция фотографий, запечатлевших российские грузовые АНы и

ИЛы на тайных взлетно-посадочных полосах в африканских джунглях. Фотографии были помечены июнем прошлого года. Экипажи самолетов с трехдневной щетиной, утирающие пот, пропахшие керосином кабины, охранник с автоматом. Упитанный европеец в одежде цвета хаки и бейсбольной кепке. На одном из снимков был сам Бальмонт. С прижатым к уху спутниковым телефоном он наблюдал за погрузкой коричневых ящиков в темную грузовую секцию самолета.

К досье был подшит отчет ООН о положении дел в Конго Unofficial Kongo Panel Report. В отчете доказывалось, что Бальмонт поставляет оружие в воюющие страны Африки в обход эмбарго, а мятежники расплачиваются с ним алмазами. Оружие шло из бывшей ГДР, Болгарии, Венгрии и Чехии. Часть контрабандного вооружения поступало к месту назначения через третьи страны, где оно «отмывалось», что было важно для некоторых поставщиков в Чехии. Было высказано подозрение, что Бальмонт снабжает оружием и арабских террористов.

– Чтобы преуспеть на африканском рынке, – прервал его чтение генерал, – нужна импровизация. У Бальмонта это есть. Недавно он убедил конголезских мятежников, им же вооруженных, создать в джунглях заповедник дикой природы. И что бы вы думали! Дело пошло! В непроходимых дебрях построили несколько десятков бунгало и назвали это экопарком. Идиоты европейцы приезжают туда толпами, чтобы поглазеть на гориллу, которая умнее их раза в два.

Виктор закончил читать и положил досье на стол.

– В досье нет ни одной личностной характеристики Бальмонта.

– Мы ничего толком о нем не знаем. По слухам, пьет, но в меру. Замечен на одной из кокаиновых вечеринок на Иббисе. Удалось найти переспавшую с ним черную проститутку, здесь в Дурбане. Она сказала, что его сексуальная техника в норме.

Генерал вынул из сейфа холщовый мешочек и высыпал на стол с десяток алмазов.

– Это мы нашли у одного из людей Бальмонта. Не буду говорить об обстоятельствах дела, но, судя по всему, это часть платы за поставку оружия.

Виктор повертел камни в руках. Для него в них не было загадок. Он мог оценить цвет, прозрачность, трещины, мутность и еще кучу вещей, известных только специалистам.

– Это гвинейские алмазы, – сказал он. – Они редкой чистоты и как будто уже обработаны. Через многие гвинейские рудники текут реки, и речная вода отшлифовывает камни. Эти алмазы называют River's Stones. Их очень легко прятать в бутылках с водой, поскольку в воде они как бы не видны.

В Анголе к нему постоянно приходили продавцы алмазов. Камни из бутылок они извлекали с неизменной торжественностью. Иногда это были пирамидки кварца, действительно похожие на алмазы, иногда они нагло приносили стекло, вынутое из какого-то копеечного украшения.

– Арабские террористы активно скупают именно такие камни, – продолжал Виктор. – Их легко перевозить, легко прятать, всегда можно продать на черном рынке. Возможно, это доказывает связь Бальмонта с арабскими террористами, о чем говорится в досье.

– Вы недалеки от истины. Недавно мы узнали, что Бальмонт тесно сотрудничает с неким Джафаром, который отсиживается в Йемене в пустыне Руб-эль-Хали. Там у него учебный лагерь. Он занимается переброской исламских боевиков в Боснию, Косово, Кашмир, в ваши Дагестан и Чечню. К сожалению, мне больше нечего вам сообщить. Могу лишь предположить, что когда Советский Союз окончательно развалится, все избыточное вооружение в России, на Украине и в Казахстане окажется на черном рынке. Так что большая игра еще впереди.

План созрел сразу. Распрощавшись с генералом, Виктор позвонил Лере и вызвал ее в Дурбан, пообещав африканское сафари с посещением экопарка и стойбища горилл.

Дождаясь ее, он детально проработал план путешествия, раздобыл карты и купил экипировку.

Лера прибыла утром, на удивление свежая и бодрая, несмотря на бессонную ночь и полет с тремя пересадками. Она быстро уяснила задачу, внимательно рассмотрела карты, докупила несколько вещей, в том числе пару широкополых шляп с прозрачными вуальными сетками и несколько солнцезащитных очков, которые делали ее похожей на голливуд-

скую звезду, дополнительные зажигалки, сигареты, жвачку, галеты, шоколад и фонарики.

Виктор с интересом наблюдал, как она деловито проверяет уложенные им рюкзаки и распахивает по карманам мелочи. Потом они вместе покрутились у зеркала. Обычная семейная пара из Европы, ищущая приключений от жизненной скуки.

Уже на следующий день они вылетели в Ботсвану на границу с Анголой, где пересели в вертолет вместе с небольшой группой других любителей экзотического туризма.

Приземление было жестким. Вертолет рухнул на заболоченный участок джунглей. Стойки шасси сразу утонули в грязи. Виктор и Лера выбрались наружу последними, когда затопило уже треть вертолета. В кабине пилотов все было разворочено. Судя по всему, там произошел взрыв. Летчики были мертвы. Багаж – особенно бесценный, предусмотрительно напичканный галетами и шоколадом Лерин рюкзак, – Виктор вытащил в последнюю секунду.

Спасшиеся туристы растерянно стояли на сухом пригорке. Виктор всех пересчитал. Кроме него и Леры – девять человек, семь мужчин и две женщины. Трое молодых голландцев, любителей экзотики, тщедушных и самоуверенных, две американские пары среднего возраста и двое приятелей из Лондона, тоже среднего возраста, явно обычных клерков. Все говорили по-английски.

Виктор закрыл глаза, вспоминая карту. Когда-то он знал

южную часть Африки наизусть, все реки, населенные пункты, возвышенности. При подготовке поездки все это ожило в памяти. Там, где они сейчас находились, были непролазные джунгли, неподконтрольные ни одному правительству. Их никто не будет искать, по крайней мере по горячим следам. Пока до них доберутся, все умрут. В этом регионе полно племен, живущих первобытной общиной с постоянным чувством голода.

Вряд ли летчики вообще отправили сигнал. А средства слежения за воздушным пространством работают в Африке только на участках воздушных линий.

Судя по полетному времени, они упали на территорию Анголы, в ста километрах от намибийской границы. О том, чтобы идти в сторону Намибии, не могло быть и речи. Нужна была река.

В этой местности протекала река Луэнге. Но сколько до нее надо идти, Виктор не знал.

Руководство группой сразу перешло к нему, его превосходство было очевидным. Он изложил свой план: добраться до реки, а оттуда до ближайшего населенного пункта. Люди смотрели на него с тупой надеждой.

Скорость передвижения группы по джунглям оказалась черепашейей. До сумерек они прошли чуть больше пяти километров. Идущим впереди приходилось то и дело прорубать проходы в непролазном буреломе разной растительности. Пошел дождь. Все едва передвигали ноги. Не привык-

шие к таким прогулкам мужчины, на которых еще и навесили рюкзаки, совсем сникли.

На ночь соорудили нечто похожее на шалаш. Развели костер. Заварили чай. Полдня, проведенные в джунглях, превратили респектабельных туристов в ободранных и грязных существ с диковатым взглядом. Юнцы смотрели на Виктора телячьими растерянными глазами и по-бойскаутски старательно выполняли его приказы. Женщины походили на растрепанных кукол, которых дети вывозили в грязи, с выражением ужаса, застывшим на лицах. Только Лера выглядела как киноактриса на съемках фильма приключений. Чуть позже, обтрепавшись, она стала походить на советскую туристку. Ей не хватало только гитары.

Паники еще не было, но Виктор чувствовал, что скоро начнется. Поэтому он демонстрировал максимальную уверенность. Лера оказалась и в этом неоценимой помощницей.

На следующий день растительность стала обильней, корни растений, паразитирующих на стволах деревьев, свисали до самой земли, переплетаясь с лианами и бамбуком. Все это создавало труднопроходимую живую изгородь. К этому добавлялась трава высотой по колено. Крупные деревья попадались все реже и реже. Под ногами то и дело чавкала грязь.

Виктор понял, что река уже близко.

Снова пошел дождь. Выбирая место для очередного ночлега, Виктор взобрался на небольшое возвышение и огляделся. За стеной деревьев с искривленными верхушками про-

свечивал остов фюзеляжа самолета АН-12. Судя по разросшимся кустам, среди которых были разбросаны обломки, он пролежал здесь около года.

Виктор пробрался к самолету и обошел его вокруг. Хвостовая часть валялась метрах в тридцати, но по характеру повреждений было видно, что летчики до последнего управляли машиной. Видимо, они хотели посадить самолет на вырубку. Их обглоданные скелеты теперь мирно сидели в креслах. Виктор накрыл их найденным в самолете брезентом. В ящиках было оружие.

Мужчины нарубили и занесли внутрь самолета пальмовые листья, а женщины уложили их между ящиками. Сюда не попадал дождь и было относительно спокойно.

Они провели в джунглях еще один день и одну ночь. Наконец в вечерних сумерках четвертого дня появились заросли камыша и нависшие над водой ветви огромных кустарников. Пройдя еще с полсотни метров, они оказались на берегу реки. Ниже по течению, примерно в километре, светились огни небольшой деревушки.

Устроив привал на возвышении, Виктор взобрался на дерево и посмотрел в бинокль. Между пальмами стояло с десятком прямоугольных хижин с конусообразными крышами из пальмовых листьев и соломы и стенами из кусков дерна. Сразу за ними, под навесами, дымились костры кухонь.

На небольшой вытоптанной ногами площадке между домами толпились одетые в разноцветные рубашки и брюки

мужчины. От берега в сторону селения шла группа женщин с корзинами выстиранного белья. Они шли медленно, путаясь в длинных цветастых юбках.

Мирная атмосфера деревни подкупала, и Виктор решил рискнуть. Подойдя к группе мужчин, он на португальском рассказал им о падении вертолета. Его поняли и предложили ночлег за пятьсот долларов.

Туристы совсем обессилили, но страх перед деревней оказался сильнее. Мужчины прихватили кто камень, кто палку. Виктор лишь усмехнулся при виде этого жалкого войска с перекошенными от страха лицами.

Но все обошлось. Их разместили в одной их хижин. Женщины деревни принесли еду и питье. После ужина все завалились на циновки и уснули. Виктор сел у входа в хижину и договорился с Лерой дежурить по очереди. На остальных положить было нельзя.

К Виктору подсел староста деревни. Оказалось, что до горилл они не долетели всего каких-то десять-пятнадцать километров. Парк находится у той же реки, что и деревня, только выше по течению. Но самое интересное было в другом. Как сказал староста, несколько мужчин его деревни работали на расчистке леса под посадочную полосу. Но не для вертолетов, а для самолетов. Насколько можно было понять, посадочная полоса находится всего в нескольких километрах от парка и тщательно охраняется солдатами повстанческой армии УНИТА. Руководит всем какой-то белый.

Это мог быть только Бальмонт. Про себя Виктор по достоинству оценил его сообразительность. Идея замаскировать аэродром под экопарк могла прийти в голову только опытному вояке. Ниже по течению реки находится город Мукусо. А восточнее город Джамба, столица государства в государстве. В ней с середины 1970-х находится штаб-квартира повстанческой армии УНИТА, воюющей против ангольского правительства. Бальмонт мог бы поставлять оружие повстанцам прямо в Джамбу. Но что-то его остановило. Виктор знал – что. Правительственные войска Анголы уже год готовили наступление на Джамбу, и Бальмонт решил подстраховаться. Имея в джунглях хорошо замаскированную посадочную полосу для поставок оружия, он получал возможность еще некоторое время продолжать свой бизнес в этом регионе. Тем более что поставки повстанцам оружия из Южной Африки, где президентом стал Мандела, полностью прекратились.

На следующий день туристов на лодках спустили вниз по течению. Через четыре часа появились пригороды Мукусо. Неказистые лачуги, покрытые соломой и тростником, постепенно сменились небольшими домами. Вокруг стали шнырять лодки.

В Мукусо Виктор и Лера распрощались с туристами. Обросшие, грязные, со слезящимися глазами и вздрагивающие при каждом резком звуке, они были готовы целовать своим спасителям ноги.

Устроившись в гостинице, Виктор нанял единственный в городе гидроплан и полетел на разведку. Но пролетав больше часа над джунглями, он не увидел внизу ничего, кроме джунглей. Единственный просвет был образован какой-то протокой. Вряд ли там мог быть аэродром Бальмонта. Сесть на протоку можно. Но растревоженным крокодилам это вряд ли понравится.

На следующий день Виктор приобрел небольшой катер, карабин и несколько гранат. Лере он нанял телохранителя. Парень почти не понимал по-английски и на каждое слово весело кивал головой, расправляя плечи и вытягивая руки по швам. Задаток в американских долларах вызвал в нем неподдельное ликование, и он всячески показывал, что готов служить верой и правдой.

Оставив Леру в гостинице на попечение улыбчивого африканца, Виктор поплыл вверх по Луэнге. Погода была отличной. Миновав приютившую его гостеприимную деревню, он проплыл вверх по реке еще 10 километров и причалил к берегу.

Перетащив катер в заросли, похожие на папоротник, он проверил оружие и, измазав лицо маскирующей краской, углубился в джунгли, стараясь не отходить далеко от реки.

Когда стало уже темнеть, джунгли кончились. Начались заросли можжевельника вперемежку с пальмами. Потом снова пошли джунгли.

И тут Виктор услышал шум моторов. Пойдя на шум, он

услышал и голоса. Говорили по-русски.

«Они на подходе. Приземлятся минут через пять, до грозы успеют. Надо встретить их на командном пункте».

Виктор залег в кустах и настроил бинокль. Ночной мрак прорезал свет посадочных фар. Меньше чем через минуту грузно и неуклюже приземлился самолет. Пробежав по взлетно-посадочной полосе, он остановился в нескольких метрах от стены деревьев.

Все кругом осветил удар молнии, и тут же грянул гром. Начался дождь.

По окрашенному в маскировочные цвета фюзеляжу Виктор определил тип самолета. Это был все тот же грузовой АН-12.

Слева от себя он заметил какое-то шевеление. И в тот же момент снова ударила молния. Из-за ограниченного пространства, где стенами были непроходимые джунгли, грохот был такой силы, что, казалось, лопнула земля.

Виктор очнулся, лежа на гравийной дорожке, стиснув зубы от сильной боли в спине. Вокруг горел лес. Над ним склонился человек. Это был Бальмонт. По его лицу прыгали отблески пожара.

– Шевардин, ты как здесь оказался? – спросил он.

Виктор не мог понять, где он и что с ним.

– Сначала скажи, что со мной произошло. Я давно не допускал таких грубых ошибок.

– Я бы не назвал это твоей ошибкой, если не считать

ошибкой то, что не надо лезть в чужие дела. Что произошло? Молния попала в бак с горючим. Сдетонировало несколько ящиков с боеприпасами. От пяти охранников остались только рожки да ножки, а у тебя, судя по всему, небольшая контузия. Ну, рассказывай.

Виктор облизнул сухие губы.

– Что рассказывать? У тебя хреновые вертолеты. Хотел посмотреть на гориллу, но так ее и не увидел. Поэтому решил прогуляться по джунглям...

– Ты что, летел в том вертолете? Тогда давай по порядку, с самого начала.

– Ну,.. прилетели в Луэнже. Какой-то придурок долго вез нас по окраинам города, орал пьяные песни и засыпал идиотскими вопросами. Потом сели в вертолет. Над джунглями он грохнулся. Пилоты погибли. Все туристы спаслись. Мы несколько дней шли по джунглям, пока не выбрались на берег Луэнге. Потом на лодках добрались до Мукусо. Проверь по спискам пассажиров вертолета, я был с дамой. А ты у меня в долгу. Я спас репутацию твоей фирмы. Все туристы в безопасности.

– Да, точно! – Бальмонт с насмешливым интересом посмотрел на Виктора, но без тени улыбки добавил: – Каждый зарабатывает, как может. С этими гориллами действительно проблема. Ну ладно – не пудри мне мозги. Кто тебя послал?

– Природное любопытство.

– Что ж. Скоро получишь ответы на все свои вопросы, и

боюсь, очень скоро, – круто повернувшись, Бальмонт зашагал к приземистым строениям.

Виктор самостоятельно встал на ноги. Два охранника повели его следом. Под ногами скрипел гравий.

Помещение, в которое его привели, было довольно большим. Вдоль одной из стен разместились двухъярусные кровати из бамбука. На стенах висели истрепанные карты. У единственного окна, затянутого полиэтиленом, стоял громоздкий стол, скамейка из грубоотесанных досок и несколько расшатанных стульев. В углу, рядом с автомобильным аккумулятором, шипел радиоприемник. Горели керосиновые лампы. За столом восседал офицер повстанческой армии, по бокам стояли охранники.

Бальмонт сел на край стола. Виктора посадили на стул и крепко связали.

– Извини, но я знаю, что ты из себя представляешь. Могу заменить веревки на кандалы.

Дверь распахнулась. Жмурясь от света, вошел экипаж самолета. Впереди коренастый пилот в летном комбинезоне, за ним штурман и радист. Посмотрев на Виктора, пилот, криво усмехнувшись, достал пачку сигарет и щелкнул зажигалкой.

– Хотелось бы того мудака, который напихал в самолет тонну лишнего груза, сбросить над джунглями без парашюта, – пилот говорил на русском с явным украинским акцентом. – Не было ни малейшего шанса сесть. Пусть эти черные обезьяны возят оружие на ослах. Я не самоубийца, – глубоко

затянувшись сигаретой, он выпустил дым в сторону Виктора. – Этот москаль, что, хотел нас всех взорвать?

– Что будем с ним делать? – спросил сидящий за столом офицер по-португальски.

– Если отпустим, то придется строить взлетно-посадочную полосу в другом месте, – ответил Бальмонт. – Проще пристрелить.

– Успеешь. Заставь его – пусть говорит.

Бальмонт невесело усмехнулся и повернулся к Виктору.

– Ведь мир – театр, приятель. Сейчас твой последний выход на сцену.

– Иди к черту! Еще неизвестно, кто первым преставится.

– Знаю. Ты всегда был лучше всех. В Южной Родезии за три года ни одной царапины. А тут вляпался... И на старуху бывает проруха...

Виктор расслабленно вытянул ноги.

– Предлагаю сделку. Вы меня отпускаете, а я покажу, где находится потерпевший аварию самолет с грузом оружия. Видимо, это ваш АН-12. Ориентировочная стоимость груза два миллиона долларов. Третью мне.

Бальмонт молчал. Потом наклонился к офицеру и что-то ему шепнул. Последовала команда на непонятном Виктору языке, и охранники повели его наружу.

Пожар постепенно затухал. Слышался только треск горящего тростника.

Он бы мог справиться с охранниками даже с завязанными

руками. Но что потом? Переплыть реку ему не удастся.

Внезапно один из охранников как подкошенный шлепнулся на спину и ударился головой о землю. Оглянувшись, Виктор увидел Леру. С проворством дикой кошки она оказалась рядом со вторым охранником и подсекла его. Тот тоже полетел на спину. Парни явно были в расслабленном состоянии, и внезапное нападение полностью их парализовало.

Лера разрезала веревки. Улыбчивый африканец, сопровождавший Леру, выпрямился перед Виктором навтытяжку и даже будто щелкнул каблуками.

Не теряя ни секунды они остатками веревок связали охранникам руки и ноги.

Виктор поднял один из брошенных автоматов.

– Постереги их, я сейчас.

Он вошел в дом, откуда его несколько минут назад вывели. Все сидели за столом и что-то обсуждали.

Виктор лязгнул затвором. Все головы повернулись в его сторону.

– Извините, но я вынужден прервать вашу «тайную вечерю». Кто кого тут предал, будем разбираться потом. Быстро на реку. Пора кормить крокодилов.

Снаружи началась стрельба. Соблюдать тишину уже не имело смысла. Виктор одиночными выстрелами пристрелил офицера и его охрану, а Бальмонта и летчиков вывел наружу.

– В своих не стреляю, если нет непосредственной угрозы моей жизни. Хохлов тоже пока считаю своими. Поэтому ни-

каких лишних движений.

Лера, опустившись на одно колено, короткими очередями отсекала охрану аэродрома от реки.

– К реке! – выдохнула Лера. – Там катер.

Прикрываясь бальмонтовцами, они добрались до берега. У самой кромки воды Бальмонт попытался оказать сопротивление, но, наглотавшись воды, хрипя и отплеываясь, уселся в прибрежную грязь, обхватив голову руками.

Не пройдя и десяти километров, мотор зачихал и заглох. В корпусе катера было несколько дырок, и он медленно наполнялся водой. Рюкзак был прострелян в нескольких местах. Виктор направил катер на более тихую воду и, цепляясь руками за ветви нависших над водой деревьев, пристал к берегу.

Местность перед ними была покрыта непроходимыми зарослями высокого кустарника, разросшегося после вырубки ценных пород дерева. Ко всему из-за сильных ливней почва была заболочена. Но спускаться на катере вниз по течению было еще опасней. Бальмонт мог их догнать.

Выбрав сухое место, они устроились на ночлег. Обступившие их деревья наверху переплетались, образуя некое подобие ажурной арки, через которую с трудом можно было различить звездное небо.

Все бутылки с водой были разбиты. Лера скрутила из огромного листа некое подобие воронки, вставила ее в горловину фляжки и подставила фляжку под густой кустарник.

Стряхнув с кустарника воду, она наполнила ее до половины. Виктор вскрыл пачку галет.

– Как ты меня нашла? – спросил он.

Лера пожала плечами.

– Тоже мне загадка. Я сразу поняла, что тебе тут надо. Просмотрела фотографии местности. И заметила на берегу реки небольшую эрозию. Подумала – там, наверное, некое подобие причала. Мы арендовали катер и поплыли на разведку. Как оказалось, вовремя.

– Ты меня спасла! – Виктор обхватил Леру за плечи и притянул к себе, пытаясь спрятать смущение. – Неужели я старею? Две ошибки подряд. Не разобрался в снимках и дал себя связать.

– Со всеми случается. Ты же не зря пригласил меня на африканский пикник. Значит, все сделал правильно.

– Я думал, что это будет просто прогулка.

– Все в порядке. Мы с тобой в одной лодке. И это еще не конец плавания.

– Откуда такая подготовка?

– Брала уроки каратэ у нашего главного японца в школе при конторе. А стрелять мы учились вместе с мужем.

Лицо Леры стало жестким. Виктор понял, что с расспросами надо заканчивать.

На небе не было даже намека на рассвет. Пропали звезды и вокруг стояла непроглядная темень. Они улеглись спать по очереди – один спит, двое дежурят.

Утром они вышли на грунтовку, заросшую травой. Множество истлевших пней вокруг говорили о ее назначении. По ней вывозили лес.

Виктор напряженно следил за дорогой. Через час появились два грузовых джипа. На крыше первого торчал пулемет. Виктор разглядел сквозь маскировочную сеть, которая заменяла тент, стрелка, стоящего в кузове.

Когда первый джип проезжал мимо, Виктор кинул в него одну за другой две гранаты. К небу взметнулись клубы густой пыли, в которой закружились сорванные с деревьев листья. В воздух с криком взмыли десятки птиц. Раздались душераздирающие вопли.

Из второго джипа выскочили солдаты и, беспорядочно стреляя, скрылись в лесу.

Под прикрытием поднявшейся пыли Виктор подбежал ко второму джипу, вскочил на место водителя и рванул с места. У первой машины лежало несколько тел. Один был еще жив и словно подгребал под себя руками невидимый песок. Виктор объехал его по широкой дуге.

За поворотом он подобрал Леру с охранником, который больше не улыбался. Лера села рядом, поставила свой автомат между ног и сжала его ободранными коленями. Охранник согнулся в три погибели на заднем сиденье.

– Вот и все! – подытожил Виктор. – Заказчик получит исчерпывающий отчет. Как сказал Бальмонт, каждый зарабатывает, как может.

– И что же мы такого узнали?

Виктор впервые видел как устроена взлетно-посадочная полоса в джунглях, на которую самолеты должны были садиться только ночью. Полоса готовилась просто: после расчистки бульдозером ее заливали водой. Высохшая на солнце грязь выполняла роль твердого покрытия. Полосу делали как можно короче и уже. Кустарник по обеим сторонам подстригали ровно настолько, чтобы его не касались крылья самолета. Из космоса подстриженный кустарник ничем не отличался от дикого обычной высоты. Достигнув указанных координат, самолет подавал радиосигнал, после чего встречавшие зажигали посадочные огни. Оружие выгружалось, и самолет поднимался в воздух еще до рассвета. Такую взлетно-посадочную полосу можно было быстро переносить с места на место. Бальмонту это обходилось не более чем в двадцать-тридцать тысяч долларов.

Виктор представил, как внутри изношенных кабин экипажи утирают пот, проклиная тропическую жару, с нетерпением ожидая полет назад, чтобы еще раз рискнуть жизнью. Грубые, неопрятные, но профессионально подготовленные люди, набранные из рвущихся на свободу республик Союза. Пропахшие керосином кабины. Бортинженер с автоматом, стоящий на страже грузового отсека. Бальмонт в одежде цвета хаки и бейсбольной кепке, разрешающий очередную ссору местных военачальников.

Лера положила голову Виктору на плечо.

– Слишком большие затраты на такую простенькую информацию. Но было интересно, – она на минуту о чем-то задумалась. – А в чем, собственно, бизнес?

– Лидер ангольской повстанческой армии УНИТА Жонас Савимби, как и другие африканские инсургенты, расплачивался за оружие алмазами. Бальмонт предпринял попытку открыть гранильную фабрику в Адене, где остались ученики уехавших в Израиль еврейских ювелиров. Однако получилось неважно, и он решил продавать необработанные камни через рынок Антверпена, который не контролируется компанией «Де Бирс». Прибыль исчисляется сотнями процентов. Но Бальмонт поставляет оружие и другой стороне, официальным правительствам. Они расплачиваются концессиями. Поэтому компании Бальмонта владеют алмазными копями, золотоносными землями, нефтяными скважинами и еще чем-то. Часть акций этих компаний распределены между высшими должностными лицами. Многие из африканских царьков некогда учились в России.

Машину мотало из стороны в сторону по раскисающей от дождя дороге.

– Тебе не жалко тех, кто остался там, на дороге? – спросила Лера.

Виктор снял с головы защитного цвета косынку и утер ею пот.

– Эту территорию контролирует УНИТА. Я с этими ребятами воевал два года... А сейчас главное – добраться до

отеля.

– Yes, yes. Hotel! – вдруг впервые за все время подал голос веселый африканец.

Через час дождь прекратился. Однако от этого легче не стало. Машину постоянно разворачивало и прижимало к деревьям.

Наконец, миновав район брошенных лесозаготовок, они оказались в настоящем тропическом лесу. Дорога стала лучше. Стволы высоких деревьев по ее бокам устремлялись к свету. Ухали и кричали на разные голоса птицы.

– Доедем до Мукусю и устроим себе небольшой отпуск. К черту этих горилл. Можно отправиться в национальный парк на реке Кунене. Посмотреть на водопад Руакана. Там, на другом берегу – Намибия. И пустыня всех пустынь – Калахари. Та самая, о которой писал Корней Чуковский.

– Увидеть Намибию и не умереть?

– Все-то ты понимаешь!

Лондон, Париж. Апрель 1990 года

Самолет приземлился в три тридцать. Вив прошла паспортный контроль, таможеню и вышла на забитую машинами стоянку.

Она не была в редакции уже больше недели и хотела успеть на редакционную летучку.

Погода становилась все хуже. Шел дождь. Пронесся полицейский седан с включенной сиреной, ныряя из стороны в сторону в потоке машин.

При въезде на набережную ее подрезал «форд», но она обошла его на повороте и показала кулак с оттопыренным средним пальцем.

Вив так и не смогла полюбить Лондон, хотя прожила в нем три года. Ее раздражало все: бледные неприветливые лица прохожих, курчавые головы африканцев. Ей не удалось привыкнуть к постоянной толчее, мелкому дождю, запаху Темзы.

Она медленно проехала вдоль набережной к обновленным зданиям бывших доков, кляня каждую минуту, потерянную у светофоров, и, наконец, припарковалась рядом с зеленым «ситроеном», в двухстах метрах от офиса.

Через десять минут она, вся промокшая, вошла в роскошное помещение секретариата редакции, потирая плечо, которое побаливало от тяжелой сумки.

Предыдущий редакционный аврал закончился, новый еще не начался. Карен одновременно говорила по двум телефонам, царапая каракули на обрывке фирменного бланка.

– Ты выглядишь усталой, – сказала она Вив и, посмотрев на ее потекший макияж, подтолкнула коробку с косметикой.

– Уставшей? Да я почти мертва, – Вив провела рукой по лбу, убирая с него мокрые пряди волос.

– Встреча у шефа только через час.

Можно было не спешить. Вив села во вращающееся кресло и несколько раз крутанулась вокруг. Промелькнула растяжка с фиолетовой надписью «Иисус – лучший в мире автор слоганов».

Карен щедро налила ей кофе. Под чашкой образовалась круглая лужица.

– Слушай, – Карен понизила голос до шепота. – Эта новая помощница шефа – Пентал Бунофф – невыносима, даже когда молчит. Не умеет организовать даже чашку кофе, – Карен выпучила глаза на чашку кофе, давая понять, что преувеличение не так уж далеко от истины. – Стоя у ксерокса, она всегда выставляет свой зад на всеобщее обозрение, как заправская порнушница. А этот новый заместитель шефа от нее просто без ума. А меня он просто достал. Мерзкий тип. Самовлюбленный говнюк. Смешки, намеки. Я уже подумывала подать на него в суд за сексуальное домогательство. Оказывается, я курю, болтаю по телефону, – голос Карен выражал полную безнадежность. – Знаешь, что он ска-

зал Джейн? «Наша жопастая секретарша»... Это он про меня. Представляешь! И это он сказал после того, как я купила платье от Гу-уччи. Половину зарплаты отдала. И что получается? Неужели в Гуччи моя задница выглядит еще больше, чем на самом деле? У него жуткий мужской климакс, вот что я тебе скажу.

– У тебя прекрасная попа, – успокоила ее Вив, ловкими и быстрыми движениями водя карандашом по векам. – Все будет хорошо.

Закончив наводить марафет, она сняла телефонную трубку и прижала ее плечом так, чтобы можно было одновременно листать последний номер журнала.

Карен скрестила ноги, ее юбка слегка потрескивала от электрических разрядов.

– Вот, купила по дешевке – и на тебе!

Фред не брал трубку.

Карен принялась рассказывать, как купила бикини, а потом в сердцах выбросила. Разговоры про ее злосчастного мужа утомили Вив окончательно.

Выйдя из секретариата, она отправилась к себе. Кабинет был завален бумагами. Пахло китайскими ароматическими палочками, а может быть, марихуаной. Когда ее не было, кабинетом пользовался один из помощников шефа. На столе лежала очередная фотография Лохнесского чудовища с комментариями Джона.

Вив смела бумаги с кресла в мусорную корзину и села,

повернувшись к окну.

Кто-то тихо вошел в кабинет. Вив даже не оглянулась, лишь чуть-чуть откинула голову. У нее за спиной торчала рыжая шевелюра Фреда.

– Что делаешь? – спросил он.

– Привожу в порядок свои лохмы.

– Ну-ка повернись, я на тебя посмотрю!

Вив повернулась.

– Докладывай, – приказала она.

Фред тяжело вздохнул:

– Есть кое-что, но на статью пока не тянет, – он вздохнул еще раз. – Первое, что я сделал, это восстановил ее девичью фамилию. Потом благодаря мотаниям по архивам удалось сложить картину детства и молодости. В семье ее дяди мне дали прочитать несколько писем, и показали фотографии. Одна из последних – просто супер! Так вот, Анна...

Фред почувствовал вдохновение и стал увлеченно рассказывать, размахивая бумажным стаканчиком кофе. Вив, наоборот, пыталась побороть вдруг возникшую скуку. Она никак не могла понять свое отношение к этой истории.

Анна росла несносной девчонкой, настоящим хулиганом. Отец – священник в небольшом приходе англиканской церкви. Мать ирландка, из семьи ревностных католиков. Набожностью она не отличалась и сбежала из дома, сначала с отцом Анны, а потом – от него с любовником. Покинутый муж продержался недолго, стал сильно пить и тихо скончался, не

дожив до сорока. По странному совпадению его страстная супруга в тот же день погибла от случайного возгорания газа. Так, по крайней мере, было написано в полицейском протоколе. Дочь ненавидела мать и известие о ее смерти приняла равнодушно.

Анна унаследовала несколько сот тысяч фунтов, которыми распорядились ее попечители. Она получила прекрасное образование сначала в частной школе в Сассексе, а затем в юридическом колледже лондонского университета. На ней не висели студенческие займы, и денег хватало. Она позволяла себе легкомысленные увлечения, путешествия, покупку дорогих вещей и даже коллекционирование старинных украшений.

После учебы Анна получила небольшую должность в Министерстве иностранных дел. Она вполне прилично говорила на французском и немецком, и довольно сносно на арабском. Зачем Анне понадобился арабский, Фред так и не выяснил. Знание языков давало ей определенные надежды, однако ее характер не слишком подходил для усердной чиновничьей работы.

Почти сразу у нее появился поклонник, довольно крупный министерский чиновник Роберт Тремайн. Он принадлежал к обеспеченной семье, где по традиции выбирали только два поприща – либо военное, либо дипломатическое. Его жена умерла, сыну было уже за двадцать, одними словом, свободный 45-летний мужчина, которому была нужна жена для

дипломатического протокола.

Анне тогда было чуть за двадцать. По фотографии – высокая, привлекательная девушка с живыми искрами в глазах и ирландской рыжеватостью в волосах. В ожидании предложения от Тремайна она бросила надоевшую работу в министерстве и поступила на курсы в Лондонскую школу искусств, увлеклась фотографией и археологией.

– Дальше – полная неизвестность. – Фред беспомощно развел руками, раздосадованный тем, что ему тут нечего сказать, и расплескал остатки кофе. Вив ногой подвинула к нему корзину для бумаг. – В начале 1937 года Тремайн улетает в Бразилию с секретной миссией, а Анна исчезает. Она появляется только через два года. Ее исчезновение наделало много шума среди друзей.

Из-за обилия белых пятен Вив терпеть не могла журналистские расследования. На войне любая неопределенность длится не более суток, после чего наступает момент истины. Поэтому она предпочитала короткие репортажи, руководствуясь принципом шефа – «сокращай, что можешь».

Фред, наоборот, явно настроился на историю в духе *Vanity Fair*, может быть, даже с выходом на покет-бук. Но шеф никогда бы не дал серьезный бюджет ему одному.

– Так или иначе, – продолжал Фред, – в середине 1939 года Анна опять в Лондоне. Когда вернулся Роберт Тремайн, они оформляют брак и вместе улетают в Париж. Снимают роскошные апартаменты где-то в районе Елисейских полей.

Он – в должности культурного атташе. Она – в должности примерной жены. Больше ничего об их жизни в Париже я не знаю. Теперь ты рассказывай, что там в Югославии.

Вив вытащила из сумки блокнот и браслет:

– Кое-что есть, – надев браслет на руку, она помахала им перед носом Фреда, но тот не понял, с чего бы это, и отмахнулся.

– Анну взяли в плен во время боя югославских партизан с 13-й горной дивизией Ваффен-СС «Ханджар», – Вив раскрыла блокнот. – Как ее угораздило оказаться в расположении этой дивизии – неясно. Кто она на самом деле, партизаны так и не выяснили. Не успели. Началось наступление немцев, и из партизанского штаба пришел приказ всех пленных расстрелять. Но ее пожалели. Она была беременна. Из штаба приехали, посмотрели на могилу и уехали. Вместе с ней уцелел какой-то немецкий археолог из Риги и молодой йеменец. Все трое убежали и пропали в горах. А эту вещицу подарил мне бывший партизан, который ее спас, – Вив надела подаренный Галичем браслет. – Сказал, что это подарок от Анны.

– Неслабый подарочек! – Фред буквально вцепился ей в руку и принялся рассматривать браслет. – Что-то очень древнее? Если, конечно, это не подделка.

– Подарок в благодарность за жизнь, – Вив отняла руку, и как всегда, когда он чем-то восторгался, потрепала его по рыжим вихрам. – Я посмотрела в энциклопедии. На нем

изображен символ богини Иисиды-Тет. Еще его называют узором Иисиды. Я буду использовать его как оберег.

– Да, чуть не забыл! – Фред вынул откуда-то книгу в твердой обложке. – Читал всю ночь, не мог оторваться. Наконец-то я понял, что такое экстремальная журналистика. Подпишешь? – он протянул Вив книгу.

– Я бы назвала это женской военной журналистикой, – Вив минуту задумалась и написала: «Краткая история человеческой подлости для самого неискушенного читателя в мире».

В кабинет вбежал Джон. Увидев Вив, он развернулся и, бормоча под нос что-то насчет «много работы», побежал дальше. Вив хотела бросить ему вдогонку фотографию Лохнесского чудовища, но не успела и швырнула ее в корзину под столом, где она немедленно пропиталась остатками недопитого кофе.

– Больше никого не буду пускать в свой кабинет.

За фотографией в корзину полетели все бумаги, лежавшие на столе.

– А что насчет военных архивов? – спросил Фред.

Вив отрицательно покачала головой и, поставив локти на край стола, уперлась подбородком в ладони:

– Я получила отказ. Поэтому писать нам с тобой пока не о чем.

По дороге в кабинет шефа Вив решила заглянуть в отдел психологии и здоровья, где работала Джейн.

По коридорам слонялись молодые журналисты, которых за глаза называли «плодовыми мушками». Они останавливались и смотрели ей вслед.

Когда Вив появлялась в редакции, то всегда вызывала легкий ажиотаж. При всем восхищении, ее считали немного странной. В ней была отчаянная и пугающая независимость. Только она могла говорить с шефом на равных.

Задумавшись, Вив чуть было не влетела в новый кофейный автомат в углу вестибюля.

Шеф довольно часто в качестве редакционного задания подсовывал ей фуфло. Поездка в Ригу была именно фуфлом. Стремление маленького народа к независимости ее ничуть не волновало. До поездки оставалось еще две недели, и она раздумывала, как не поехать.

Вив открыла дверь отдела. Там был полный бедлам. Столы завалены бумагами, блокнотами, справочниками, фотографиями, заставлены пробниками новых кремов, духов и переполненными пепельницами. На кофейном столике горы из пластиковых чашек, ложек и бумажных салфеток. Везде бурые пятна от расплескавшегося кофе. Кофеварка стояла на подоконнике, прямо на просыпанном молочном порошке.

Над окном висела растяжка «Мы решаем, зачем нужны мужчины».

Джейн не было на месте. Вив сразу поняла это, поскольку не услышала знакомого стука длинных ногтей по клавишам клавиатуры.

Она подставила щеку под десяток поцелуев. Ее, как всегда, начали чуть-чуть подкалывать Пулитцеровской премией. Она отбивалась: «Приму ее только на развалинах Багдада».

– Переходи к нам! сколько можно мотаться по фронтам. Женские проблемы – тоже горячая точка...

– Пока не готова... Но могу предложить несколько горячих тем: почему у всех уходящих от мужчины женщин кривые ноги. Почему девушку можно увести из провинции, но провинцию нельзя увести из девушки. Почему проститутки, как вампиры, спят днем.

Ответом был дружный смех.

В кабинет шефа набилась половина редакции. Над всем этим сборищем висела растяжка с разноцветной надписью: «Соломон лучший в мире спичрайтер. Сокращай, что можешь!» Витал монотонный гул.

Вив встала в дверях. Кто-то пытался протиснуться позади нее, и она некоторое время не могла пошевелиться.

Кабинет был шикарно обставлен. Стены окрашены в спокойные тона, на фоне которых выгодно смотрелись старые картины. На полках вдоль стен стояли книги в кожаных переплетах, весьма редкие и ценные; при этом было видно, что их не тревожат.

С потолка падал яркий свет, что резко контрастировало с унылым лондонским утром, казалось, что кабинет освещает улицу, а не наоборот.

Свободных мест не было, и Вив села на подоконник. Рядом сразу пристроился Джон.

– Как тебе это удается? – спросил он.

– Что именно?

– Быть супер.

– Мое чувство стиля родилось в притонах Аберестуита, а не в модном салоне. Поэтому отвали.

Шеф сидел одиноко на диване, где могли поместиться пятеро. Рядом с ним, широко расставив колени, уселся председатель совета директоров. Он мельком взглянул на часы:

– Пора начинать.

Пентал на цыпочках прошла в кабинет и осторожно поставила поднос с кофе на край стола. Шеф ей улыбнулся.

После этого оплеухи и зуботычины посыпались градом.

– Дела нашего журнала... – шеф сделал паузу, подыскивая крепкое словцо, но сдержался, – ... идут из рук вон плохо. А все потому, что каждый из вас пишет сам для себя. Все плохое из-за этой, вашей... – он с трудом подыскивал нужное слово – этой вашей дури. Каждый чуть ли не пуп земли. Только и умеет что выворачивать наизнанку синтаксис и не ставить запятых.

В кабинете воцарилась гробовая тишина.

– Мы превратились в обычный никчемный журнальчик. Это невозможно читать! Противопоказано! Если «холодные макароны» перенести с текста на фотографии, то от этого

они не станут теплее⁴⁴. Да, мы не ежедневная газета. Но это не означает, что мы имеем право портить нашему читателю пищеварение. Почему у вас ничего не происходит?! У «Гардиан» происходит, у «Сан» происходит, а у вас – ничего. Полное... зеро. Вы все просто спите! Неудивительно, что тираж спит вместе с вами. Кстати, кто так похабно перевел название дефиле в Берлине? В немецком языке слово «сумерки» – *dämmerung* – это всего лишь завершение одного дня и начало следующего. Здесь нет негативных коннотаций. А что вы дали в заголовке на английском? *Nightfall*! Под вашим пером показ мод в Берлине превратился из вечерней тусовки в ночной бал вампиров. Для чего? Для чего, я вас спрашиваю? Хотите перессорить журнал с рекламодателями?

Одобрение заслужила только симпатичная директорша отдела рекламы.

– Все очень мило, – пробулькал шеф. – Мы все понимаем, что жизнь делается с рекламы, а не наоборот. Поэтому жизнь желтее желтых газет и бульварнее бульварного чтива. Не надо с ней в этом состязаться! – и вдруг ни с того ни с сего добавил: – Все мы продаемся. Все! Запомните это раз и навсегда! Почему я должен говорить очевидные вещи!

– О боже, – начал ныть Джон, пытаясь придвинуть свое бедро поближе к Вив. – Вечно одно и то же! Единственная радость в этой конюшне – подержать тебя за коленку.

– И когда же ты прикасался к моим коленям?

⁴⁴ Журналисты CNN холодными макаронами называют «вчерашние» новости.

– Было дело. Это когда...

Вив резко оборвала его на полуслове:

– Заткнись, сделай милость.

Редколлегия шла своим чередом.

– И еще один вопрос, прежде чем мы разойдемся, – шеф повысил голос до торжественной ноты и повернулся к председателю совета директоров. – Прошу вас.

Председатель тяжело поднялся со своего кресла и, прихрамывая, принялся ходить туда-сюда. Под его редкими, подстриженными ежиком волосами просвечивала лысина. Лоб, изрезанный горизонтальными линиями, казался признаком занудства. Из ушей проволокой торчали седые волосы.

– Наш журнал превратился в растрепанный коллаж, – его голос захрипел, и он откашлялся, – в подтирочный листок. Последнее время я только и делаю, что спасаю ваши рабочие места на унитазах. Вы живете в нереальном мире и заслуживаете того, чтобы сдохнуть с голоду.

Вив боковым зрением посмотрела в окно. Внизу бежал автомобильный поток.

– Мне, как и всем остальным членам совета директоров, надоела эта ваша манера писать для себя и друг для друга. Надоели ваши дурацкие шуточки, – председатель развернул свой огромный блокнот, но решил ничего не цитировать. – Умники! Никого не интересуют ваши языковые выверты. Вам легче удавиться, чем вычеркнуть один парши-

вый эпитет. Тираж стоит на месте! Я каждую неделю прочитываю кучу разносных рецензий. Чему вы учите женщин? Тому, – он опять развернул свой огромный блокнот, – что «единственная возможность обрести индивидуальность, это отвергнуть секс полностью, сделать из себя загадку». Что за чушь! Вы хотите окончательно разорить журнал? – председатель огляделся вокруг чуть выпученными глазами. – Или еще один перл – «Чего хочет женщина, того хочет Бог». Это кто же такое придумал? Вы что, брали у Господа интервью? Почему Бог, а не дьявол? Даже у Фрейда на этот счет не было полной ясности, – председатель вернулся в свое кресло. – Дело кончится тем, что в одно стылое утро я вывезу всю редакцию в лес и расстреляю из водяного пистолета. За феноменальный идиотизм! – Председатель в изнеможении откинулся в кресле. – Но это еще цветочки. В который раз повторяю – наш журнал имеет четкую позицию. Мы защищаем демократию и наш британский взгляд на мир. Не спорю, у нас есть пара-тройка мастеров пера. Но! Это касается всех отделов! Слышите: всех! Вы должны писать не бред, а подхватывать тренды. Никому не интересно, чего хотят какие-то там тетки, целый день вытирающие детям сопли. Всем интересно, чего хотят розовые героини, заявившие о своих правах... Если кому-то не нравится – у нас свобода, вас здесь никто не держит.

Вивиан посмотрела на шефа, который нервно жевал свою сигару и брезгливо смотрел на начальников отделов, лихора-

дочно строчащих что-то в своих блокнотах.

Председатель закончил свой спич глухим рыком: «Помните – сокращения могут грянуть в любой момент!» – и снова откашлялся.

Джон опять наклонился к Вивиан прошептав ей на ухо:

– Жалкий ублюдок!

– Обычный корпоративный джингл. В прошлый раз он отругал всех за византийскую замысловатость и спел песню в поддержку британского внешнеполитического курса. В чем-то он прав. Но любое преувеличение должно быть пропорционально масштабу личности. Это и тебя касается.

– Что ты имеешь в виду?

– Твое Лохнесское чудовище. Это же надо! Чтобы поверить в такую ерунду, нужен поэтический полет фантазии, а не сухая проза и фотошоп.

– По-твоему, я фантазер.

– Даже дураку ясно, что фотография сделана при помощи двойной экспозиции. Так что сенсации опять не получится.

Джон залез своей огромной пятерней в волосы:

– И почему меня все ругают. Особенно женщины.

– Потому, что они тебя любят.

– Не ври! Они меня жалеют. Все, кроме тебя.

После редакционной накачки все повалили из кабинета. Вив осталась.

– Ну рассказывай, – шеф проявил искренний интерес.

Вив рассказала о своей поездке в Югославию и переска-

зала досье на Анну Тремайн, которое составил Фред.

Шеф разрешил ей работать дальше, после чего, размахивая фотографией Анны Тремайн, минут пять витийствовал по поводу того, что красота была и остается самым мощным средством продвижения печатной продукции. С тех пор как Дейла Фокс начала переносить на обложку своего журнала изображения томных девиц, никто ничего лучшего не придумал. Фотография Анны Тремайн может стать сенсацией. Надо лишь немного текста.

На выходе из кабинета шефа ее перехватила Джейн и, как всегда, начала сплетничать:

– Ты пропустила вторую часть нашего апрельского корпоратива. Нас всех погрузили на яхту и повезли на Ибицу. Было весело. Все ходили расфуфыренные, а на ногах кроссовки или шлепанцы. Так вот. Мы начали напиваться еще утром. Но это не помогло. К ланчу всех укачало. До этого я не знала, что такое морская болезнь. Теперь знаю. Ужас! Хорошо, что на мне были шлепанцы. На каблуках я бы вывалилась за борт. Что было делать? Пришлось до обеда сидеть в каюте. В обед выпила две «Кровавых Мэри». А за ужином догналась «дайкири». И такое натворила! Всегда, когда пью «дайкири», выходит какая-нибудь фигня. Что было после десяти вечера, я вообще не помню. А утром обнаружила у себя в постели корабельного фотографа. Представляешь! Хорошо, что было еще только шесть часов. Я его тут же выставила. Привела себя в порядок, открываю дверь, и что я вижу? Из

соседней каюты выходят шеф и Пентал. Знаешь, что я тебе скажу: он ее потихоньку трахает.

– Ты не обозналась? – Вив подошла к автомату и налила себе кофе.

– Два раза? – фыркнула Джейн. – Уж можешь мне поверить.

– А что, был еще случай?

– Да, да, да. Еще зимой. Шел дождь, и я целый час проторчала в магазине, разглядывая всякую ерунду. Так вот, стою я там, и кого же я вижу? Шефа и Пентал. Ну что ты корчишь рожу! Только не пытайся меня убедить, что ты такая же легковойная, как и его жена.

– У шефа синдром учителя.

– Неужели ты веришь во всю эту платоническую чушь? У нас в редакции очень просто выявить девиц, которые спят со своими начальниками. Они всегда неумело разыгрывают невинность. Пенталиха классический случай. А что, если шеф сделает ее моим начальником? Я повешусь!

Элен Фицрой работала в редакции уже десять лет. Неглупая и усидчивая, она хорошо справлялась с архивами, но плохо писала. Поэтому сидела в отделе проверки.

Вив зашла к ней в кабинет:

– Найди мне по базе араба по имени Халид, который мог быть рядовым «Арабского легиона», засланным туда британской разведкой. Извини, я не знаю ни фамилии, ни даты его рождения. Только имя. Предположительно он из Южного

Йемена. Сможешь?

– Попробую.

Вечером Вив добралась до каталога Британского музея. Внешний вид браслета больше всего напоминал дизайн древнеегипетского браслета, относящегося к X веку до нашей эры.

Если это подлинник, то ей подарили вещь стоимостью как минимум 50 тысяч фунтов.

Она вышла в коридор и позвонила:

– Тони! Я здесь, рядом. Мне нужна экспертиза одной вещицы. Предположительно Древний Египет. Да, неофициально. Нет, я ни в чем не замешана. Потом решим, что делать дальше. Жду тебя в своей машине.

Элен перекладывала на столе свои записи.

– Есть лишь догадки, – сказала она Вив. – Возможно, это Халид Бубекр. Он был в плену на территории Боснии. А ушел оттуда непонятно как. Сама представляешь, что мне стоило об этом узнать.

В 1940 году в возрасте 18 лет Халид Бубекр записался в британский бедуинский легион и прошел курс подготовки офицеров. Там его завербовала британская разведка. Он получил задание поступить в одну из боевых групп легиона «Свободная Аравия», военного подразделения, воевавшего на стороне Германии. Немцы начали набирать добровольцев в легион среди арабского населения Сирии и Палестины после так называемой 30-дневной войны Ирака и Ан-

глии. Антибританские настроения среди арабов тогда были очень сильными. Штаб легиона находился в сирийском городе Алеппо. Фактически легион состоял из небольших мобильных групп в задачу, которых входило совершение диверсионных актов на пути следования в Ирак английских войск. Действие этих групп было неэффективным. Добровольцы требовали оплачивать их работу из расчета один сирийский фунт в день, а немцы платили нерегулярно.

В феврале 1943 года Халид Бубекр получил новое задание – завербоваться в 13-ю горную дивизию Ваффен-СС «Ханджар». Дивизия формировалась из югославских мусульман-боснийцев. Основной ее задачей была борьба против партизан Тито.

Осенью 1943 года дивизию направили на переподготовку во Францию. Там немецкие и боснийские солдаты не сошлись во мнениях по ряду вопросов, в итоге мусульмане взбунтовались, убив группу немецких офицеров. Это был единственный случай бунта в частях СС за годы войны. Гиммлер приказал расстрелять 14 зачинщиков беспорядков, а саму дивизию перебросить обратно на Балканы. Возможно, Халид Бубекр каким-то образом повлиял на события.

В марте 1944 года в боях в районе города Брчко дивизия приняла участие в немецком наступлении на 16-ю и 36-ю дивизии партизан. Причем ее действия поначалу были довольно эффективными. Но что-то произошло, и партизанам удалось отбиться. Возможно, и здесь Халид Бубекр приложил

свою руку. Партизаны взяли его в плен и чуть было не расстреляли. Он бежал. Больше ничего не известно.

Вивиан что-то записала в свой блокнот.

– Да, еще вот что! – Элен протянула Вив фотографию. – Некто Халид Бубекр широко известен в Южном Йемене как местный контрабандист. По возрасту подходит. Чем черт не шутит, проверь.

На фотографии был изображен пожилой араб в одежде бедуина. На его груди красовалась британская медаль войны.

Вивиан вернула Элен фотографию:

– Сделай для меня копию. И надо проверить по наградным документам, когда и за что Бубекр был награжден.

В Париже Вив сразу повезло. В архиве агентства по найму прислуги сохранилась информация про горничную, работавшую в доме четы Тремайн все годы, что они прожили в Париже. Старушка была еще жива. Крепкая, румяная, она приняла Вив в своем крошечном домике в пригороде Парижа – Кампье и, хлопнув бокал красного вина, разболталась так, что не остановить.

Париж конца тридцатых годов с трудом расставался с роскошью и беззаботностью «золотых двадцатых». В моду вошел сдержанный стиль, носить настоящие драгоценности считалось неприличным. Но Анна выработала свой собственный стиль. Вив представила, как она надевает элегантное платье, строго соответствующее времени «пуризма» и положению супруги дипломата. Никакой бижутерии, толь-

ко натуральные камни.

В апартаментах Тремайнов в комнате с окнами на Сену всегда стоял роскошный мольберт. Хозяйка дома писала этюды один за другим.

К ним постоянно приходили гости. У Роберта был припасен, казалось, нескончаемый запас виски и оригинального ямайского рома, почти пропавшего из продажи из-за экономического кризиса. Выбор закусок несколько уступал выбору напитков, но гостей – художников, журналистов, политиков – это никак не смущало, все предпочитали выпить, а иногда и напиться.

На сенсационной выставке «Париж сегодня» вместе с признанными мэтрами были выставлены и работы Анны, хотя на их фоне ее этюды выглядели не очень.

Анна дисциплинированно играла роль жены атташе. «Мой муж любит культуру, а я ему помогаю ее любить», – шутила она, хотя ее гости были убеждены, что во многих делах верховодит именно она.

Все свободное время Анна проводила в беготне по лавкам древностей и перезнакомилась чуть ли не со всеми парижскими антикварами.

«Просто семейная идиллия», – заметила Вив.

Старушка, покрасневшая от вина, глянула на нее выцветшими глазками и эту идиллию разрушила.

4 июня 1940 года немцы парадом прошли по Елисейским полям. Роберт вернулся домой усталым. Но Анны не было

дома, шкаф с ее одеждой был почти пуст, ящик бюро валялся на полу. А шкатулка с драгоценностями стояла на месте.

От старушки Вив с удивлением узнала, что после бегства жены Тремайн остался в Париже и всю войну прожил там как частное лицо.

Вернувшись в Лондон, Вив раскопала статью о Роберте Тремайне, опубликованную в ее журнале в 1960 году. Его обвиняли в связях с немцами и после освобождения Парижа долго искали. Но нашли только через 13 лет в Южной Америке. Прижатый журналистами, он дал интервью, в котором отрицал все обвинения против себя и обвинил в шпионаже и связях с гитлеровской разведкой свою жену Анну, которую считал погибшей.

Британские власти ко всем обвинениям отнеслись совершенно равнодушно, читательская аудитория ждала новых сенсаций и Тремайна оставили в покое. Его юридически признали вдовцом, и он оформил новый брак – со своей экономкой.

Оставалось узнать, что Анна делала в 1937 году, куда исчезла из Парижа в 1940-м и что делала до пленения в Боснии.

Вив на всякий случай решила поднять архив редакционных писем. Все-таки статья о Роберте Тремайне наделала тогда много шума.

Фред ухватился за это дело с необыкновенным энтузиазмом и целую неделю копался в мешках, сваленных в подвале.

Девяносто процентов почты даже не вскрывали. С несвойственной ему злостью он ругал всех подряд, постепенно теряя надежду что-нибудь найти.

Вив пришла ему на помощь. Подвал архива напомнил ей Англию времен Диккенса, настолько он не вязался со стеклянным офисом наверху. Пыль толстым слоем покрывала лампочки, свет был тусклым, как от восточных светильников, с торчащих балок свисали тени. О перегоревшую лампочку билась муха.

К концу дня Фред сдался и, завернувшись в плед, заныл: – Пусто, как на моем банковском счете.

Поработав еще час, Вив почувствовала, как ломит спину и болят глаза. Но когда она тоже была готова сдаться, Фред прохрипел: «Есть!!!»

Писем было пять. Три – из Франции, подписанные супружеской парой из Пириньи. Письма не были распечатаны, вероятно, их поленились переводить. Но супруги из Пириньи проявили удивительную настойчивость и продолжали добиваться внимания редакции. Им очень хотелось рассказать, что в июне 1940-го дама по имени Анна Тремайн поселилась в Виши, в апартаменте «Амбасадор». Супруги работали в этом отеле, он – у стойки регистрации, она – горничной.

По информации супругов, Анна вела себя там как свободная женщина, пользовалась успехом, особенно у военных, и ее регулярно навещал высокий чин из свиты маршала Петэна. Она чуть не каждый вечер выходила в Оперу, ужинала

в ресторанах, играла в казино и много фотографировала. У отеля ее всегда поджидал автомобиль с водителем.

В высоких связях Анны супруги из Пириньи окончательно убедились в октябре 1940-го, когда горничная в ее номере обнаружила вино Луарской долины и другие покупки, привезенные из Монтуара. Она явно ездила туда на встречу Петэна с Гитлером. Супруги были уверены, что Анна – немецкая шпионка.

Первого января 1941 года горничная получила выходной, а на следующий день нашла в номере Анны скомканное вечернее платье и порванные чулки. Все ее вещи были на месте, но их накопилось так много, что пропажу никто бы и не заметил. Полиция выяснила, что Анна вернулась с новогодней вечеринки в районе 12 часов дня. Одна. И после этого исчезла. Расследование прошло быстро и тихо, никаких сообщений в прессе. Персоналу сказали, что мадам уехала по важным делам. Все решили, что Анну разоблачили и расстреляли как шпионку.

Полиция забрала все вещи, но оставила после себя много мусора. Все, что валялось на столе, горничная смела в корзину для бумаг, но потом часть бумажек сложила в конверт. Она сама не понимала, зачем это сделала, и теперь пересылает конверт в редакцию.

Фред дрожащими руками разорвал конверт и из него высыпались чеки, билеты в кино и театр, квитанции из прачечной, приглашение на благотворительный ужин, скомканные

вырезки из газет с рекламой косметических салонов, билет на самолет.

Еще одно письмо из мешка 1960 года было распечатано и, судя по всему, прочитано, но затем в раздражении сложено обратно в конверт и сброшено в архив. Письмо было из Сингапура, но конверт покупался в Лондоне. В нем некий Джон Темпер предлагал редакции, прежде чем публиковать всякие глупости, проверить информацию об Анне в архиве британской военной разведки, в которой когда-то якобы служил его отец.

– Ну, конечно, в МИ-6 нас ждут не дождутся, – саркастически отреагировал Фред.

Вив повертела в руках билет на самолет. 30 июня 1940 года Анна летала в Оран и 5 июля вернулась обратно в Виши. Она протянула билет Фреду.

– О чем это тебе говорит?

– Пока ни о чем. Зачем ей понадобился Оран? Это где-то во Франции?

– Нет, это в Алжире. Довольно большой город на берегу моря. Наверное, самый бесшабашный город во всей Африке. Может, потому, что там очень сильно испанское влияние. Но главное, до войны рядом с Ораном находилась французская военно-морская база Марс-эль-Кебир, которую 2 июля атаковали британские корабли и авиация.

– Французскую базу? Англичане? Зачем?

– Ты что, не знаешь эту историю? У тебя серьезные пробле-

лы в образовании. В 1940 году Черчилля преследовал кошмар – разгромленная Франция вступает в войну на стороне Гитлера. Особое беспокойство вызвали французские линейные крейсера «Дюнкерк» и «Страсбург», стоящие в Марс-эль-Кебуре, с их помощью немцы могли перекрыть Британии пути снабжения, – Вив сложила авиабилет пополам и засунула его обратно в конверт. – Операция по уничтожению французского флота в Марс-эль-Кебуре называлась «Катапульта». «Дюнкерк» потопили, вместе с ним еще кучу кораблей, а «Страсбург» ушел через Средиземное море в Тулон. Погибло почти полторы тысячи французов. Когда в 1942 году немцы вошли в Тулон, французские моряки «Страсбург» затопили.

– Ты хочешь сказать, что Анна могла быть причастна к уничтожению французского флота, чтобы он не достался немцам?

– С таким же успехом я могу сказать, что благодаря Анне «Страсбургу» удалось уйти, чтобы он достался немцам.

– Ну я же тебе говорил! – обрадовался Фред. – Анна – это Мата Хари Второй мировой. Она работала на наших, а ее перевербовали. Или наоборот.

– Наоборот даже интересней, – согласилась Вив. – Но мы пока ничего не знаем.

Когда они начали потрошить мешок 1961 года, Фред решил начать с самого дна, то есть с первых чисел. Бумага там пожелтела, как и вся остальная, но вид у писем был нетро-

нутый. Среди них оказалось много поздравлений с Рождеством, признаний в любви к журналу и его авторам, всяческих пожеланий, просьб и прочей белиберды. Но Фред работал как одержимый и снова прокричал: «Есть!», – помахав конвертом.

Письмо было из Йемена, с коротким текстом, от которого у обоих захватило дух: «Анна Тремайн – это моя жена. Она жила здесь со мной. Приедете – все расскажу. Адрес на конверте. Капитан Даррелл».

Вив почувствовала безумную усталость. Ей захотелось быстрее оказаться дома, вытянуться на кровати и спать.

С редакционным архивом можно было заканчивать, большего от него уже нечего было ждать.

Они решили при первой же возможности лететь вдвоем сначала в Виши, а потом в Йемен.

С этой ночи Вивиан не отпускало ощущение, что Анна взяла ее мертвой хваткой и тащит за собой.

Фред расфантазировался не на шутку. Он предположил, что Анна была агентом МИ-6 и участвовала в операции по уничтожению французского флота в порту Мерс-эль-Кебир. Но ее перевербовали немцы, и она до поры до времени отсиживалась в Йемене. Возможно, у немцев были планы использовать ее в большой игре с англичанами на Ближнем Востоке, так как она знала арабский язык. Потом ее перебросили в Европу, но по пути она попала в плен к партизанам.

С чем-то Вив могла согласиться. Ведь Анна уходила из

Франции, замечая следы. Если же она ушла по заданию МИ-6, то почему контора об этом молчит? А что, если Анна почувствовала, что заигралась, и решила выйти из игры, заняться своими делами. Выйти замуж, завести детей... Но это никак не вязалось с ее образом авантюристки. И главное, где она была в 1937 году? Вив почувствовала, что это бы все объяснило.

Через несколько дней Вив получила результаты экспертизы браслета. Тони подтвердил, что это древнеегипетский артефакт. Как он мог оказаться у Анны Тремайн? Это предстояло выяснить.

Еще через несколько дней Элен прислала ей информацию, что Халид Бубекр действительно получил британскую медаль войны, но только в 1949 году и с самой общей формулировкой заслуг.

Вивиан с удивлением обнаружила, что у нее появился настоящий азарт и желание раскрутить всю эту историю до конца.

Древний Египет, Фивы. 974 год до нашей эры

Нефер не находил себе места. Он думал о Таисмет, о ее бедрах за прозрачной тканью, о вине и славе, которую должны были принести ему его скульптуры.

Темнело. Заходящее солнце и вечерняя дымка создавали причудливую игру света и тени. Это всегда производило на него сильное впечатление. Год назад он понял, что вечерний наклон солнечных лучей можно поймать в борозду, выдолбленную в камне под определенным углом, и при помощи изобретенного им вещества создать неповторимое свечение.

В этот вечер Нефер решил прогуляться по городу. Часть лавок была закрыта, часть открыта. Лавочники, безразличные ко всему, то ли из-за духоты, то ли из-за отсутствия покупателя, сонно смотрели ему вслед. Он крепче сжал в кулаке золотые кольца, которыми Таисмет оплатила скульптуру, и почувствовал себя богачом.

Ноги сами привели его к небольшому дому, некогда красивому, но пришедшему в упадок. Он некоторое время постоял возле него, потом быстро взбежал по ступенькам цоколя и толкнул дверь.

Внутри дом выглядел не лучше. Ковры протерлись до дыр и лохматились по краям. Стены шелушились. На дверях и

окнах висели пыльные драпировки.

В центр комнаты вышли три молодые женщины в прозрачных льняных покрывалах. Их глаза были сильно подведены, губы ярко накрашены, в распущенных волосах белели цветы лотоса, на запястьях и щиколотках бились тяжелые браслеты. Вслед за ними вышла сама хозяйка публичного дома Небет в сопровождении двух нубиек, обмахивающих ее опахалом. Она, несомненно, была самой красивой из всех и немного напоминала Таисмет. Ее глаза смотрели прямо на Нефера: «Выбирай». Девушки подошли ближе. Нефер опустил глаза: «Я хочу тебя». Небет бросила на него быстрый взгляд и о чем-то задумалась: «Это будет тебе очень дорого стоить». Нефер вынул из кармана золотое кольцо: «Вот!» Небет удивленно подняла брови. Ее рука нашла руку Нефера и потянула за собой: «Что ж, тогда идем».

Они прошли мимо комнатушек, отделенных друг от друга занавесками, и оказались в большой богато убранной комнате. Нефер подрагивал от страха и возбуждения.

Когда Небет разделась, он увидел татуировки на ее теле. Цветок лилии на левом бедре возле лобка предохранял от беременности, а бог Бес над черным треугольником волос – от венерических болезней.

Плавно сгибая длинные ухоженные ноги, Небет сделала несколько шагов в его сторону, а потом всем телом подалась вперед. Они вместе упали на кровать.

Ее движения ускорились. Нефер быстро задышал, засто-

нал и умолк. Она прильнула к нему, обхватив его руками.

– Ты смелый парень, – Небетет поправила растрепанные волосы, – и доставил мне удовольствие. Большинство моих клиентов слишком много пьют, их член становится вялым и дряблым. Почему ты расстроен? Все хорошо.

– Я не уверен в этом. Ты говоришь неправду.

Небетет снисходительно улыбнулась.

– Поверь мне. При определенных обстоятельствах женщины никогда не врут.

Ной переправлялся на другой берег Нила на утлой лодке, сплетенной из камыша. Ему навстречу на огромном плоту плыл простой люд, работавший в Некрополе – парасхиты⁴⁵, каменщики, кочующие мастеровые.

Рядом с ним к берегу причалила лодка, перевозившая черные носилки бальзамирщика. Это был дурной знак. Ной плюнул на ладонь, чтобы отвести порчу.

Выйдя на берег, он столкнулся с толпой горожан, посещавших могилы близких. Люди беспорядочно скатывались к реке, подгоняемые отрядами стражников, охранявших гробницы.

Расталкивая людей локтями, Ной с трудом пробился к дверям полицейского участка и несколько раз ударил по ним кулаком. Ему открыл сам начальник полиции Западных Фив – Усеркаф. Он был высок, худощав, немного сутул.

⁴⁵ Вскрываютели трупов, извлекающие внутренности для последующего бальзамирания умершего.

На нем был дорогой, но сильно изношенный парик. Одежда, некогда украшенная серебряным шитьем, выглядела довольно жалко. Ной подумал, что Усеркаф действительно не берет взятки.

– Я ждал тебя, почему ты так поздно? Я уже занялся другими делами.

– Так вышло. Я подожду.

– Почитай листовки, которые мы сегодня подобрали в городе. Я быстро.

Усеркаф начинал носителем сандалий Сиамуна, а потом был послан на Юг. Ной видел у него в доме письменное напутствие царя: «Я полагаюсь на тебя больше, чем на любого другого своего сановника, больше, чем на любого другого своего вельможу, больше, чем на любого своего слугу». Несколько лет Усеркаф вместе с главной судьей вел допросы. Но потом тайные дела перешли в ведение первого жреца и ему дали должность начальника полиции Западных Фив. Он подумывал вернуться в Танис, но там его уже никто не ждал.

Ной собрал разбросанные по столу листки папируса и начал читать.

Чтение оказалось весьма забавным. Особенно ему понравилась листовка под заголовком

«Спешите сказать среди молчанья!»

Плутует жрец,

Корыстен суд,

Крадет зерно учетчик урожая,

Добро сокрушено!

*Глава угодий – вор,
Чиновник – во грехе,
Наставники – дурные речи молвят,
Нет места честности!*

*Кто знает – низвергает Правду,
тем навлекая бедствия на город.
Тот, кто имеет – низвергает Доблесть,
тем навлекая бедствия на душу.
Кому со злом предписано бороться –
тот нынче сам злодей!
Но покарать его – одной минуты дело...
Так покарай же!*

Потом Ной просмотрел сводку преступлений за последний месяц, только что законченную писцом. Некий Паиабеджу ограбил женщину в Ипет-сут⁴⁶. Некие Кенпахека, Тхутисенбу, Собекмос устроили драку со смертельным исходом. Некто Хери был пойман у гробницы Саптаха⁴⁷ в Долине царей. Некая Седжмефни, промышлявшая проституцией, усыпила и ограбила почтенного жителя. Другая проститутка, Бакет, заразила нехорошей болезнью целый квартал в западной

⁴⁶ Название местности около Фив.

⁴⁷ XIX династия.

части Фив. В третий раз попалась воровка Хедеткаш.

Ной почесал затылок. В сводке не было ни одного египетского имени.

Усеркаф допрашивал дородную женщину:

– Вы находитесь под присягой. Изложите свои обвинения.

Женщина засуетилась и выдала тираду:

– Мой муж пьет слишком много пива, особенно по вечерам. Он постоянно оскорбляет меня и бьет в присутствии нашей дочери. Бедняжка пугается. Врач засвидетельствовал следы от ударов.

– Преступление налицо. – Усеркаф зевнул во весь рот, даже не пытаясь скрыть свое равнодушие. – Скриб запишет ваши показания, и я передам дело в суд.

Следующим был пожилой торговец. Выпучив глаза, он стал сыпать обрывками фраз.

– Я ничего не понял. – Усеркаф дал знак писцу, и тот перестал писать. – Подумай, как яснее изложить свою жалобу и приходи завтра.

– Я не могу завтра.

– Тогда соберись.

– Хорошо. В тот день, когда я прибыл в Абидос, стояла очень жаркая погода...

– Боже мой! Короче!

– Одним словом, меня обокрали. Я сумел добраться до номарха и сказал ему: «Меня обокрали на твоём берегу, и так как ты князь этой стороны великого Та-Кемта отыщи мои

деньги».

– И что он тебе ответил?

– Он сказал: «Если грабитель, который отнял у тебя деньги, принадлежит к моей стороне, то я возьму тебе их из моего имущества, но сначала пусть найдут того грабителя».

– И кто же его должен искать?

– Не знаю. Я готов отдать на поиски десять хлебов и меру вина.

– Так, давай по порядку. Как называлось судно, на котором ты прибыл в Абидос?

– Название судна – «Явление в Семне».

– На судне ты нечего такого не заметил?

– Такого? Заметил. На мачте висел нубиец-кочевник, вниз головой.

– Я не об этом...

Разобравшись с посетителями, Усеркаф откинулся на стуле.

– Вот так каждый день. Сюда, в некрополь, стекает из города вся мерзостная пена. Воры, шарлатаны, мошенники, побирухи, плуты, обиралы. Бритоголовые актеры, выдающие себя за жрецов и обманом забирающие приношения. Способов обмана никак не меньше, чем могил на кладбище, – Усеркаф взял с тарелки молодой побег сахарного тростника и принялся его жевать. – Вконец одичавшие проститутки отдаются прямо у стен гробниц. Некоторые из них не разгибаются до темноты. Хорошо, что ночью приходят шакалы и

дают им немного передохнуть. Мы не успеваем закапывать трупы. Шакалы разрывают мелкие могилы и поедают их. – Усеркаф выплюнул волокнистую зелень себе под ноги. – Ну, что скажешь? – он показал на листовки.

Нефер сложил листовки стопкой.

– Не знаю. Меня долго не было в Фивах. Это действительно отражает настроения в городе?

– Поверь мне, отражает. Пока есть что красть, народ крадет. Все видят, как обогащается знать, и каждый ищет свой путь к богатству. Самый простой путь – разворовать какую-нибудь гробницу.

– Гробницы разворовывают уже несколько столетий, – Ной тоже положил в рот побег тростника. – Еще Херихор был вынужден перенести тела царей в тайное место, чтобы их не выбросили на поругание собакам.

– То были преступления, теперь осквернение могил – печальная повседневность. Не помогают ни дозоры, ни круглосуточная охрана. Я поставил охранять захоронения специально обученных бабуинов. Страшные звери, взяток не берут. Но их скоро потравят.

Усеркаф рассказал, что за последний месяц было разворовано пять царских гробниц, четыре гробницы жриц Амона и около двадцати частных гробниц. Титус был вынужден послать в Некрополь комиссию, которая выяснила, что грабителей прикрывает сам начальник Западных Фив – Хетеппта. Но Буль Бур замял дело, отведя обвинение по чисто фор-

мальным причинам, поскольку разграбленными, как выяснилось, оказались не пять царских гробниц, а всего лишь три. Правда, факт ограбления двадцати частных гробниц замолчать не удалось. Усеркаф тщательно подготовил все документы, но Титус не счел их достаточным основанием, чтобы предать суду такого заслуженного чиновника, как Хетеппта. На следующий же день торжествующий Хетеппта собрал всю администрацию Города мертвых – ремесленников, надзирателей и стражу Некрополя и послал всю эту толпу на восточную сторону, где они устроили демонстрацию в защиту своего начальника, которого как бы незаслуженно оклеветали. Для Усеркафа это было уже слишком! Он заявил перед лицом свидетелей, что сообщит обо всем этом в Танис. Через несколько дней ему удалось арестовать очередную банду грабителей. Они дали показания, в том числе сообщили, кому предали часть награбленного. Хетеппту временно отстранили от дел. Но и против Усеркафа выдвинули обвинение в воровстве.

– Независимо от решения суда я подам в отставку и уеду в Танис, – заключил Усеркаф. – Честному человеку в Фивах делать нечего.

– В Танисе не лучше, – Ной пристально посмотрел в глаза Усеркафа. – Таисмет говорила тебе о своих планах? Ты с нами?

Усеркаф надолго задумался.

– Вы вступили на опасный путь. Но я тоже не могу больше

жить без цели и смысла, а потом тихо уйти на Запад, в поля Осириса.

Когда Ной уже собирался уходить, в участок привели арестованных грабителей. Их было трое: крестьянин Асут, каменотес Хепи и ремесленник Ираун.

Больше всего был перепуган Асут, поэтому Усеркаф допросил его первым:

– Рассказывай все, как на суде Осириса.

– Что рассказывать.

– Как вы оказались в гробнице?

– Когда стало нечем кормить детей, мы прекратили работу и потребовали денег. Но денег нам не дали.

– Кто не дал?

– Какие-то люди, которых, как они сказали, прислал сам чати.

– Чем вы занимались?

– Грузили баржи зерном.

– Где брали зерно?

– В закромах царя.

– И куда отплыли баржи?

– Мы слышали, что в западную протоку дельты.

– Ты не сказал этим людям, что в городе голод?

– Сказал.

– И что?

– Меня избили

Ной и Усеркаф переглянулись.

– Ты сможешь подтвердить все, что видел, – Усеркаф придвинул к нему лист папируса.

– Да. И не только я. Все, кто грузил баржи, могут это подтвердить. Нас обманули. Не заплатили ничего. Но я не умею писать.

– Я сам все напишу, а ты поставишь свою закорючку. Назови имена тех, кто работал с тобой.

Асут назвал.

– А теперь рассказывай, как вы проникли в гробницу.

Усеркаф и Ной слушали, как все трое на протяжении многих дней обдумывали план и воровали инструменты. Как потом подпаивали стражу и пробивали ход в подземную камеру гробницы.

– Погребение было защищено плитами и покрыто щебнем. Мы убрали щебень и отодвинули плиты. Под ними оказалась камера, а в ней известняковый саркофаг. Этот известняк, я знаю, он из мемфисских каменоломен.

– Что было написано на саркофаге?

– «Является и милостива к вам Амон-Асет».

Ной и Усеркаф опять переглянулись.

– Так, и что было дальше?

– Ничего. Это был кенотаф⁴⁸. Мы разжились только небольшой погребальной фигуркой. Я подумал, что ее нарочно оставили на саркофаге в насмешку над теми, кто проникнет в гробницу и найдет ее пустой.

⁴⁸ Ложное погребение.

– Где она?

– Что?

– Эта фигурка.

– Я швырнул ее в кучу мусора. Мы были очень рассержены и поэтому расписали стены всякими каракулями, нацарапали разные нехорошие словечки.

– Так. Завтра утром ты принесешь мне погребальную фигурку. А теперь можешь идти. Вы тоже – Усеркаф зло посмотрел на остальных, – и не дай вам боги еще раз попасться мне на глаза.

Выйдя из полицейского участка, Ной пересек Город мертвых по диагонали, сокращая путь к казармам фиванского корпуса. Бледный призрачный свет сумерек заливал многочисленные надгробия. По небу беззвучно проносились тени летучих мышей.

Луна осветила огромный барельеф лежащего шакала – символа местного братства жрецов, управляющих вооруженными стражниками и дрессированными животными. Пугающее изображение шакала присутствовало и на всех печатях гробниц, но это никого не отпугивало.

До самых казарм его преследовала мошкара, потом к ней присоединялись тучи ос, буквально кишевших в воздухе возле боен. От дурных запахов и едкой пыли перехватывало дыхание.

Стены казарм казались красными от факелов, чадивших в руках спящих чернокожих слуг.

Ной ждал. Только через полчаса нашли офицера, подтвердившего его личность.

Идя в сопровождении часовых вдоль длинных, приземистых строений, он профессионально всматривался в лица идущих навстречу воинов. Почти все они отличались от египтян. Черные – выходцы из южных стран, светлые – ливийцы и семиты. Ливийцы были высокого роста, подтянуты и костлявы, со светлой, как у египтян кожей. Семиты более приземисты и почти все горбоносы. Навстречу шли и совершенно незнакомые ему воины, черные с толстыми руками и ногами, огромным брюхом и свисающими на плечи длинными космами спутанных волос. К их спинам и лодыжкам были привязаны хвосты пантер.

Охрана казарм почти полностью состояла из шерденов – здоровенных парней с Севера, принадлежавших к народам моря, худощавых и хорошо сложенных. Они выглядели устрашающими, но редко участвовали в боях.

Ной знал, что когда фиванские цари начали освободительную войну против гиксосов, их войско состояло только из египтян. Это обеспечило победу. Что теперь? Можно ли в случае войны рассчитывать на весь этот сброд?

Ахмес, командир фиванского корпуса, принял Ноя в огромной комнате, ярко освещенной масляными лампами. Он носил искусственную бороду из овечьей шерсти, переплетенную металлическими нитями. Парик был сплетен в мелкие косички.

Ной сел на предложенный ему стул. Он знал Ахмеса много лет. Это был хороший и честный вояка. Но убеждать его участвовать в заговоре не имело смысла. Самое большое, на что Ной мог рассчитывать, – это нейтралитет корпуса в предстоящих событиях.

– Жрецы должны служить храмам, – рассуждал Ной. – Но храмы стоят на земле, в окружении беспокойного мира. Поэтому храмам нужно сильное государство, как государству – богатые храмы. Почему жрецы вмешиваются в мирские дела. Когда-то мы с тобой жили в великой стране, мы были знатны и сильны. Теперь сила первосвященника, который хочет объявить себя царем, уступает одному твоему корпусу.

– Все это пустые разговоры, – возражал Ахмес. – Когда я сидел в Эсне, я чуть не каждый день получал указания, что делать и что не делать. И каждую блоху из канцелярии дворца встречал с почестями, которые никогда не оказывали мне. Каждый папирус, присланный из Таниса, добавлял мне причин ненавидеть эту землю. Я хочу быть хозяином большой усадьбы и не зависеть от прихотей власти. Независимые Фивы дадут мне эту свободу. Ты говоришь о его первосвященстве как о самозванце. Но он защитил меня, когда из Таниса пришел приказ о моей отставке. Он благоволит ко мне.

– Ты ненавидишь не землю, а правление слабых людей в Танисе, – продолжал убеждать его Ной. – Сейчас по велению Титуса ты бросишь в них копье, но оно попадет в сердце Такемт. На нашу древнюю землю придут другие народы и дру-

гие боги.

Ахмес слушал только из вежливости и нетерпеливо поглядывал на двери. В комнату вошли танцовщицы. Ахмес отдал распоряжение ординарцу. Когда танцовщицы вышли, он снова повернулся к Ною.

– Разве с ослаблением власти Таниса мы с тобой не стали более свободными?

– Свободы теперь больше, чем тараканов на кухне. Но скоро на Север придут ливийцы, а сюда, на Юг, нубийцы. И от твоей свободы останется обрезанный член.

Ною надо было встать и уйти, а он все говорил и говорил, пытаясь в чем-то убедить человека, который для себя уже все решил. Ахмес слушал его со снисходительной улыбкой на лице, из-за которой Ной стал сбиваться в тщетной попытке найти какие-то убедительные, но еще не высказанные слова.

Некоторое время они молчали. Ахмес по-отечески положил руку на плечо Ноя.

– Ты пришел вовремя. Сегодня я предпринимаю отчаянную попытку развлечься. – Ахмес скрестил ноги, наблюдая за вошедшей в комнату рабыней, разливающей вино. Когда она вышла, он протянул кубок Ною. – Только что причалили две лодки с музыкантами и танцовщицами, и еще третья, нагруженная всякими яствами, цветами и винами. Вздрогнем?

Они прошли в большой зал. Повсюду, на низких, покрытых подушками скамьях, сидели офицеры корпуса. Маленькие черные рабы из Нубии изо всех сил махали опахалами

из страусовых перьев, создавая небольшой ветерок. Рабыни разносили на больших подносах еду.

Когда все заняли свои места, на середину зала выбежали девушки. На каждой был венок, косы украшены лентами и небольшими шариками. Зрители от восторга затопали ногами.

Девушки исполнили быстрый танец. Они откидывались далеко назад, доставая пол вытянутыми руками, а затем высоко поднимали ноги и неистово вращали бедрами.

Ахмес кивком головы подозвал к себе ординарца и, обведя широким жестом сумятицу, царившую в зале, приказал:

– Напой всех как следует. А танцовщицам обещаю двойную плату, чтобы не расходились до утра. Или хотя бы до того, как последний из гостей завалится под скамью, – Ахмес подмигнул Ною. – Не уходи, человек должен жить сегодняшним днем и наслаждаться жизнью. Разве не об этом поют в Фивах на каждом углу?

Ною предложили выбрать любую танцовщицу по праву первой руки. Но ничего не выбиралось. От первых глотков вина ему стало тошно, и он покачал головой.

Внезапно в ярко освещенный круг ворвалась девушка со светлой кожей. На ней был легкий, ниспадавший мягкими складками белый хитон. Под прозрачной тканью мелькали контуры крепкого тела. Она подняла над головой бубен и резкими ударами привлекла внимание пирующих.

– Возьми ее, – предложил Ною уже отчаявшийся Ахмес.

– Кто она?

– Танцовщица при храме Астарты⁴⁹ в Абидосе. Трахается в пользу алтаря, – Ахмес несколько раз хлопнул в ладоши, подбадривая танцовщицу. – Она считает свое интимное место святилищем, и, я тебе скажу, это действительно так. Ты прав, Азия уже здесь на подходе к Фивам. Но что в этом плохого? Ничего! Помнишь, как мы славно поимели азиаток, в этом, как его, в храме Кибелы? – Ахмес закатил глаза. – Мне никогда больше не приходилось иметь дело со столь ненасытными жрицами. До сих пор яйца болят. Надо признать, что культ нашей Исиды не так интересен.

Танцы закончились. Ной слонялся по казарме из угла в угол, не зная куда себя деть. Вино шумело в голове. Везде – на кроватях, скамьях, на полу – извивались, стонали и дергались голые тела. Одна танцовщица, измученная пьяным кавалером, орала, чтобы он кончал быстрее. «Когда же ты наконец спустишь, козел?! Ну давай, давай».

Ной равнодушно смотрел на царящий вокруг разгул. Сам он еще не утратил чувство меры и красоты. Хотя в походах, на отдыхе, бывало всякое. Выбор невелик – набить брюхо, выпить вина и предаться разврату.

Светлокожей танцовщицы нигде не было видно. Он немного поиграл в сенет⁵⁰ с еще не пьяными, но уставшими от любви офицерами, и проиграл несколько золотых колец.

⁴⁹ Астарта – финикийская богиня.

⁵⁰ Игра, напоминающая шашки.

Финикийка появилась внезапно. Ее большие миндалевидные глаза мечтательно смотрели сквозь длинные ресницы. Ной подошел к ней вплотную. Она стала нервно теревить золотую бахрому на поясе.

– Мне приходится видеть много танцовщиц. Но все они не стоят тебя одной.

– Вот как! – финикийка резким движением развязала пояс и скинула хитон. Весь ее наряд теперь состоял только из золотого обруча на голове и сандалий на ногах. – В самом деле?.. – Она обвила руками его шею. – Посмотри на меня еще раз. Говорят, что я вторая среди красавиц Египта.

– А кто первая. – Ной глубоко задышал, пытаясь справиться с возбуждением.

– Таисмет, твоя жена. – Финикийка присела у его ног. Ее взгляд стал отсутствующим.

То, что произошло потом, сразило Ноя наповал. Когда спазмы утихли, он удивленно посмотрел на финикийку сверху вниз. Она явно не собиралась ничего выплевывать.

– Зачем?

– Ты захочешь увидеть меня еще раз.

Вечеринка закончилась. Ной вышел на террасу проветрить голову. Танцовщицы, закутавшись в плащи, спускались к берегу. Луна над рекой медленно умирала, приобретая темно-красный оттенок. На левом берегу все еще были видны величественные строения храмов Корнака и Луксора. А со стороны Некрополя доносился протяжный вой шакалов,

выкапывающих тела бедняков, похороненных под тонким слоем песка.

Он проводил финикийку до лодок и вернулся. После свежего ночного воздуха в нос ударил тяжелый запах пота, духов и вина. Ахмес спал. Ной подошел к шкафу, вынул документы фиванского корпуса и разложил их на столе. Ему хватило всего нескольких минут, чтобы понять, что корпус представлял собой серьезную силу.

Нем вел размеренный образ жизни. Ему не было еще и сорока, но он считал, что уже прожил свою жизнь.

В его бороде и волосах серебрилась седина. Мужественное лицо избороздили многочисленные морщины; но глаза смотрели ясно. Единственно – складки вокруг губ выдавали глубокую печаль.

Он знал, что еще несколько лет, и он начнет подсыхать, как заготавливаемый на зиму финик. Потом из него сделают мумию и отправят в бесконечное плавание на Запад, в страну Осириса.

Много лет назад Нем был начальником стражи в Фивах. Во время смуты он ни во что не вмешивался, лишь поддерживал в городе порядок. Это спасло ему жизнь.

Теперь он целыми днями слонялся по дому и сильно набрал вес. Единственным его развлечением была еженедельная пьянка со старыми боевыми друзьями, которые зарабатывали тем, что отдавали своих рабов внаем, а сами бездельничали, шатались по городу и задирали всех, кто не высказы-

вал им восхищения.

Подходя к пивнушке, Нем выпрямил спину и подтянул живот. Его израненное тело жестоко страдало от жары, а от постоянной усталости кружилась голова. Он повел широкими плечами и, изобразив на своем лице некое подобие улыбки, толкнул ногой дверь.

По нахлынувшему на него шуму и запаху Нем понял, что гульба идет полным ходом.

Его появление в кабаке было встречено веселыми выкриками. Ему сразу преподнесли кувшин вина, и он пил и пил, откинув голову, стараясь не пролить вино за воротник.

Осушив половину кувшина, Нем грузно осел на лавку возле стола. Отодвинув в сторону глиняные миски с остатками еды и отогнав надоедливых мух, он навалился грудью на край стола, чтобы незаметно отдышаться. Большинство посетителей играли в кости. Одна из костяшек, сделанная из таранной кости овцы, с глухим стуком подкатилась к его кувшину. Он взял ее, повертел в руках и покатил обратно.

Братство бывших стражников уже давно потеряло смысл. Когда-то на их сборищах кроме вина и женщин присутствовала надежда. Теперь никто толком не знал, что должно произойти. Все соглашались с тем, что так больше продолжаться не может. Но вместе со временем уходили силы и желание что-либо делать. Оставалось только топить злобу в вине.

Нем допил вино и прикрыл глаза. По мере того как хмель ударял в голову, возникало легкое волнение в душе, приво-

дующее его в отчаяние своей скоротечностью. Он увидел себя еще молодым, лежащим в объятиях чернокожей женщины, услышал пение птиц и далекую музыку. Впереди был целый мир, волшебный богатый мир.

Но эти ощущения быстро прошли и от выпитого вина на него навалилась еще большая усталость. Вино было кислым, и, чтобы отбить оскомину, он стал задумчиво грызть подобранный на столе стебель чеснока.

Он вспомнил разговор со старым спившимся жрецом: «Тем, кто пьет только воду, знакома лишь грубая природа вещей. А тот, кто пьет вино, получает крылья, чтобы летать около вечности. Опыянение освобождает дух из темницы человеческого тела».

«Значит, смерть – это вечное опыянение, – подумал Нем. – Не так плохо».

За соседним столом два торговца обсуждали удачную сделку с лошадьми. Лошади были куплены в Египте и переправлены в Иудею. Оказалось, что хорошая лошадь в Иудее стоит сто пятьдесят сиклей. Нем лениво подумал, что он тоже мог бы торговать. Но зачем?

В кабаке появились местные красавицы с длинными, окрашенными оранжевой хной ногтями и томным взглядом обведенных сурьмой глаз.

Вслед за ними в кабак вошла его старая подруга Хатхорити. Ее тело с ног до головы было обернуто в грубую льняную ткань, расшитую бисером, голова плотно повязана платком,

концы которого свисали на плечи и спину, дешевые украшения гроздьями ниспадали на грудь.

Порыв ветра с грохотом захлопнул за ней дверь.

Увидев Нема, она помахала ему рукой.

– Будь жив, цел и здоров⁵¹.

Нем нехотя встал и пригласил ее сесть рядом.

– Откуда ты взялась, дитя погибели?

Хатхорити с издевательской улыбкой оценивающе разглядывала его. Нем понял, что она им не довольна.

– Откуда? – переспросила она. – Приплыла с того берега.

Не бойся, я еще не поселилась там навсегда. Лодку отнесло немного в сторону, в район северных окраин. Думала, что уже не застану тебя.

– Я сегодня начал поздно, поэтому не ушел рано.

– Плохо выглядишь. Твои мутные и пустые глаза смотрят на чужих жен, а сердце твое развратное.

– Это старость. Я перестал ездить на купание. К реке не подойдешь, все побережье застроено новыми домами. А дорога за город слишком пыльная. Только иногда на рассвете я выезжаю верхом, чтобы ненадолго ощутить себя вновь молодым и сильным. Ты хочешь составить мне компанию?

– Не обо мне речь, – в голосе Хатхорити прозвучало легкое кокетство.

Нем улыбнулся:

– Ты ведешь себя как молодая дурочка, которой вихрем

⁵¹ Древнеегипетская формула приветствия.

задрало одежды!

– Тебе надо жениться.

– Спасибо за совет. Моя жизнь течет под знаком привычки, и меня это вполне устраивает.

– Тогда я предлагаю тебе другое. Ты должен исполнить волю богов.

Нем скривился:

– Каких богов! Все они повернулись к Египту спиной.

– Это все из-за вас. Пьянь подзаборная. – Хатхорити осуждающе оглянулась через плечо. – Вы тут сидите и пьете, как будто ничего не происходит. Как вы вообще можете пить эту кислятину?

– Вино не кислое, кислая вся наша жизнь! – Нем отхлебнул из кувшина. – У меня в горле все еще першит от пыли Кадеша.

– Пей лучше пиво. Пьяный от вина падает лицом вниз, а пьяный от пива – лицом вверх и может разговаривать с богами.

– Мне нечего им сказать.

– Я вижу, что ты готов пропить и прокутить не только эту, но и ту жизнь.

– У меня мало что осталось в этой жизни. Как и самой жизни. Вино оживляет воспоминания, Мне видятся волны, бьющие о борт корабля, и слышны голоса людей, которых уже нет на свете.

– Это обман.

– Я хочу быть обманутым. Что-то во мне горит, там внутри.

– Выпей облегчение живота. Я приготовлю тебе смесь из коровьего молока, чеснока, зерна и меда.

Ной поморщился.

– Горит не в желудке, а выше. Какая-то ярость вскипает во мне против всего, что происходит в городе.

– Это в сердце? Тут я бессильна. Только золото убивает все дурное в груди.

– И еще мне больно сидеть. А пастух ануса⁵², которого я знаю, очень стар.

– Я тебя вылечу, – Хатхорити мгновенно соскользнула с лавки и опустилась на пол около его ног, сделав правой рукой отвращающий знак. – Остальное потом. Приходи ко мне завтра утром.

– В остальном я здоров.

– Этого нам знать не дано. Как не дано знать, что будет с Египтом.

– Да. Мирный поток времени прервался, – покачал головой Нем. – Египет теперь как смрадный мертвый лев, лежащий между двух пустынь!

– А может лев только спит. Как спишь ты и твои солдаты.

– Мы выполнили свой долг. Нам не в чем себя упрекнуть.

– Вы должны дать дыхание жизни тем, кому его не хватает.

⁵² Проктолог.

Нем вздохнул.

– И это все, зачем ты пришла? – он внезапно ощутил уже давно не посещавшее его чувство беспокойства. – Я многое видел, многое знаю и не хочу ни во что ввязываться. Демоны больше не властны надо мной.

– Почему все, что я говорю, ты всегда принимаешь на свой счет. Ведь я говорю об отвлеченных вещах. – Помолчав, Хатхорити встала из-за стола и открыла дверь в сад. – Какая у вас тут скука по вечерам!

Нем кинул последний взгляд на бедра женщин, задрапированные в прозрачную ткань, и лениво поплелся вслед за ней.

«Он хочет покоя! – продолжала бубнить Хатхорити. – Ему нечем себя упрекнуть... Всякий путь человека прям в глазах его, но только Господь взвешивает сердца».

– Хватит меня грузить, – рассердился Нем.

– Народ вымирает, – вскинулась Хатхорити. – А тебе и горя нет? Люди уже ни во что не верят. Только Исида сохраняет доверие людей.

– Отстань от меня. Да, мне все равно. Но равнодушие человека ничто по сравнению с равнодушием вечности.

– Я хочу тебе сказать вот что: грядет Исида, она сама наденет на себя пхент⁵³ и займет место на царском престоле, сначала Верхнего, а потом и всего Египта. И мир изменится к лучшему.

⁵³ Двойная корона царей Египта.

– Женщина на престоле Та-Кемт? Это противно богам.

– Она сама и есть Бог.

– Я никогда не поверю, что Исида низойдет до трона, чтобы управлять людьми, а не их судьбой. Лучше скажи, о ком идет речь.

– Ха! Оказывается, ты все еще видишь ясно, понимаешь тонко, судишь трезво. Может, и силы у тебя еще остались?

– Не для тебя, старуха.

– Я и не надеялась. Мое время прошло. Я говорю о Таисмет, жене Ноя, внучке божественной Амонасет. Она потомок древней линии египетских фараонов, начиная с царицы Хатшепсуп. И я могу это доказать.

– Я так и думал. Твоя воспитанница, конечно, прекрасная женщина. Но ты хочешь ей зла.

– Ее призывают боги.

– Оставь эти рассказы. Говори по существу.

– В этом году жрецы храма Исиды в Абидосе готовят грандиозную мистерию здесь, в Фивах. В первый или четвертый день прибывающей луны после новолуния статуя Исиды приплывет в Фивы на храмовом судне. Надо сделать так, чтобы на берег в образе Исиды вышла Таисмет. И чтобы она смогла занять трон.

У Нема от удивления расширились глаза. Он несколько раз порывался что-то сказать, но слова застревали в горле.

– Ты, ты и все вы, кто это придумал, сошли с ума, – наконец прохрипел он. – Кто в это поверит!

– Когда корона окажется на голове Таисмет, злые языки умолкнут. Весь народ, вся номовая знать, весь фиванский клир, все чиновники согнутся перед новой властью. Покрытому славой победителю они целуют ноги, пусть даже он придет к ним по колена в крови.

– Я не хочу в этом участвовать.

– Захочешь! Еще год-два и твое лицо станет желтым, как древний папирус. Поспеш!

– Почему я?

– В молодости ты был храбр до безрассудства. Теперь ты стар, а значит, терпелив. И это хорошо. Прольется кровь. Но тебе ведь к этому не привыкать.

– Кто еще знает об этом замысле.

– Кроме Таисмет и Ноя еще пять человек.

– Фиванский корпус?

– Там одни наемники. Они пойдут с теми, кто больше за- платит.

– Нубийский корпус?

– Он в жалком состоянии, но пойдет за своим командиром.

– Я должен подумать.

– Думай, но не очень долго, – Хатхорити лукаво прищурилась, показав кончик языка между зубами. – А ты еще ничего.

Нем опустил голову и сказал с оттенком грусти:

– Я позвал бы тебя в свой дом, но зачем нам это?

– Приди ко мне завтра после заката солнца. Я приведу к тебе девушку, какой у тебя еще никогда не было. И вылечу твой анус.

После того как Хатхорити ушла, Нем еще долго нависал над кувшином вина, бурча что-то себе под нос.

Латвия, Рига. 3 мая 1990 года

Из дневника Эдда Лоренца

Перед зданием Верховного Совета колыхалась огромная толпа. Я шел вслед за Костей. Внезапно между нами возник телеоператор, толстый, как бочка. Камера заслоняла ему пол-лица. Он чуть присел и полез камерой ко мне в ноздри. «А ну, убери свою поганую камеру!» – разозлился я и с разворота двинул его локтем. Он упал на четвереньки, а камера грохнулась на асфальт. Что-то от нее отлетело и ударило меня по ноге. Раздался трехэтажный мат. Народ расступился. Я, как ни в чем не бывало, пошел дальше. Оператор меня догнал и, схватив за рукав, резко развернул к себе лицом. Я чуть было не потерял равновесие, но устоял. Он стал что-то говорить, но я его перебил. «Ты что, не понял? Мы уже в Европе! Твоя свобода тыкать мне в лицо своей сраной камерой ограничена расстоянием вытянутой руки до моего носа». Я оторвал его руку от своего рукава и резко оттолкнул.

Из-за этого инцидента тропа сквозь толпу исчезла. Костя схватил меня за локоть и стал пробиваться вперед, заслоняя от самых настырных.

– Телевидение – это такая гнусь! – не мог успокоиться я. – Да и газетчики тоже. Они вообще – болезнь. Поэтому никаких сантиментов. Как что, так в глаз.

Костя силой затолкал меня в дверь парламента.

Здание лифляндского рыцарства, в котором размещался парламент, было построено с претензией на сакральность. Дворцовые лестницы, огромные потолки с великолепной лепниной. Я смотрел на потолок, пытаясь вспомнить, кому принадлежит высказывание – «покой парламентского кретинизма».

– Вообще-то мне здесь нравится, – сказал я Косте. – Нет лучшего занятия, чем парламентское словоблудие.

– Ты даже не представляешь, какая колготня, неразбериха и глупость царят при производстве законов. Будет невыносимо скучно.

– Думаю, мы не успеем соскучиться. Несколько символических жестов – и нас вытурят.

Зал заседаний был довольно скромным. Ораторский помост с трибуной посередине, за ним длинный массивный стол президиума. Депутаты рассаживались за деревянные столы, похожие на школьные парты. От публики их отделял широкий проход.

Народу было тьма.

Я с трудом прошел на свое место, задевая колени сидящих, и в конце споткнулся о длинные ноги только что избранного руководителя фракции «Равноправие», обещавшей голосовать против выхода Латвии из Союза. Но Народный фронт благодаря разной численности избирательных округов имел необходимые для выхода две трети голосов.

Председатель постучал по краю микрофона, стоящего пе-

ред ораторской трибуной, и резкий металлический звук гулко отдался во всех углах зала.

Шум зала потонул в звуках национального гимна «Боже, благослови Латвию». Внесли государственный флаг. Началась мучительно долгая процедура. Депутаты утвердили свое собственное избрание. Потом фракция Народного фронта, пользуясь своим численным превосходством, избрала своих на все руководящие посты.

Как и предполагал Костя, было ужасно скучно. Фигуры выступающих проплывали перед моими глазами, как пьяные корабли Рембо.

В перерыве я надавал с десятков интервью. Больше всего мне понравились немцы, японцы и особенно китайцы. Немцы все понимали, японцы улыбались, а китайский журналист сокрушенно качал головой: «И долго вы будете мучиться со своей независимостью?» – спросил он. Я пожал плечами: «Пока не найдем новую мамку».

Англичане, американцы и скандинавы были просто невыносимы. Ночные горшки, доверху наполненные протестантской этикой.

По лестнице сбежала девушка в сапогах выше колен, с коробкой магнитофона через плечо.

– Господин Лоренц, господин Лоренц, «Русское радио». Как завтра пройдет голосование по декларации о независимости?

– Неужели это кому-то еще неясно?

Ко мне подошел руководитель фракции «Равноправие».

– Вечером народники созывают очередную пресс-конференцию. Последнюю перед завтрашним днем. Мы все просим тебя выступить. За нас всех. Можешь говорить все, что хочешь.

Я согласился.

На лестнице я снова столкнулся с китайским журналистом. Он представился: Ай Шен.

Как многие китайцы, приехавшие к нам, он отлично владел русским. Мы отошли в сторонку и поговорили о делах в России. Он покачал головой:

– Это все за пределами моего понимания. Президент разрушает вверенную ему страну. Прибалтийский военный округ мог бы остановить все эти песенные революции за пару часов.

– А что потом? Союз разрушает не Горбачев, а история.

– А почему история не разрушает Китай? Государство разрушать нельзя, каким бы оно ни было.

– Горбачев называет это перестройкой.

– Чушь! Нельзя перестраивать то, что плохо лежит и неустойчиво стоит. Первое можно только украсть, а второе – опрокинуть. Мы, китайцы, перед началом реформ укрепили государство. Любому образованному экономисту известен принцип «ортодоксального парадокса». В период рыночных реформ роль государства не снижается, а увеличивается. Когда государство спускают в унитаз, побеждает не рынок, а

криминал. Вы, русские, сейчас не только разрушаете свое государство, но и меняете смыслы. А это еще хуже.

– Проблема в том, что коммунисты всех достали.

– Не надо ругать коммунистов. В Китае руководящая роль партии мешает только небольшой группе политических активистов, которых мы показываем иностранцам как обезьян. Изобличение зла часто бывает хуже самого зла. Вот увидите – те, кто в России называет себя демократами, потом будут танками давить несогласных.

Я был с ними полностью согласен, и только сказал:

– К сожалению, в отличие от Китая Россия не умеет ждать. Что не сделаешь за две недели, не сделаешь никогда. Или Цезарь, или ничего.

Кажется, последнюю фразу Ай Шен не понял. Но он понял мою мысль.

– Ваши реформы породят огромное количество потерянных людей. Нет, они не устроят революцию, но их нельзя будет мобилизовать хоть на что-нибудь. Даже на защиту Родины. Вас можно будет взять голыми руками.

Он сильно испортил мне настроение.

Костя протянул визитку.

– Только что давал интервью британской журналистке. Таких красивых баб я еще не видел.

Я повертел визитку в руках: Vivian Belcher, World Monitor Weekly, special correspondent.

– А это ее журнал, – Костя протянул мне выскальзываю-

щий из рук глянец, весьма пухлый для еженедельника. – Не хочешь посмотреть?

– Нет. Не люблю я эти гляцевые фантазии. Тусовка, рейтинг, семь способов похудеть, десять заповедей для постели. Пухлые алые губы, похожие на влагалище, а на развороте голодающие негры с ребрами, как расческа.

Костя медленно переворачивал страницы журнала.

– У глянца всего лишь один недостаток – это праздник, который всегда не с тобой. Мы никогда не сможем заработать денег... вот хотя бы на это, – он задержался на странице, рекламирующей спальный гарнитур. – Если мы не станем держателями каких-нибудь акций, то будем держать свечку у изголовья такой вот кровати.

– Надо заняться золотом партии, – расфантазировался я. – Или, на худой конец, прихватить что-нибудь из ее имущества. С паршивой овцы хоть шерсти клок.

– И вылететь в окно с десятого этажа, – отрезвил меня Костя, листая журнал. – Посмотри, вот она, та журналистка, – он ударил ладонью по одной из страниц журнала. – Ну и баба! Где же это она? В Карабахе. Ничего себе! Ну и что ты о ней скажешь?

Я взял в руки журнал и попытался составить о Костиной симпатии хоть какое-то впечатление. Женщина действительно была роскошная, как будто пришедшая из другого мира.

– Да-а! Судя по всему, редкостная стерва.

– Почему стерва?

– Красивая женщина редко бывает добродетельной, этого ей не позволяют мужчины.

– А почему редкостная?

– Стервы разные: некоторых видно сразу, другие долго прячутся. А это – редчайший тип: с первого взгляда видишь, что стерва, но никак не можешь в это поверить.

– Она не такая.

– Ну тебя и проняло! Не трать на нее время. Что вы будете делать? Пойдете в пельменную, а потом в кино? О чем будете говорить? О чем вообще можно говорить с женщиной, которая не знает, что такое уши от мертвого осла? Но самое ужасное, она не знает, что такое рыба первой свежести.

– Такой рыбы больше нет.

– Но она осталось в культуре. Как ты сможешь спать с женщиной, которая не читала Ильфа и Петрова. И которая не знает, что можно подтираться газетой.

Вечером состоялась пресс-конференция. Моим соперником от Народного фронта оказался Марис, мой однокашник.

Он дружески похлопал меня по плечу.

– Не выкинешь какую-нибудь глупость?

– Глупость – это ваша прерогатива.

Я бродил туда-сюда. Перед публичным выступлением меня всегда штормило.

Ко мне подвели какого-то гостя из Москвы, и я пожал его протянутую руку. Усевшись, мы молча уставились друг на друга, пока он первый не прервал молчание.

– Я не думал, что вы так молоды и... похожи на настоящего латыша.

– Я и есть настоящий латыш.

– Скажите, что вами движет?

Он выглядел старше меня лет на десять, а если присмотреться, то и больше. Типичный партийный функционер.

– Как дела в Москве? – спросил я, игнорируя его вопрос.

– Так себе. Люди ходят на митинги, слушают всяких прохиндеев. Но еще не вечер. Мы очень ждем вашего выступления. Задайте им жару.

– Что это изменит, – выдавил я, стараясь морщиться не слишком заметно. – Над всей Прибалтикой безоблачное небо. Неужели не видно?

– No pasaran! – он гордо вскинул голову.

– Если бы... – я не разделил его энтузиазма.

На другом конце зала я разглядел журналистку, которая очаровала Костю. Она была в обществе какого-то мужчины. Даже с такого расстояния можно было разглядеть кислую мину на ее лице, и это странным образом меня воодушевило.

– Конечно, мы выпустили ситуацию из-под контроля, – продолжал рассуждать московский гость, – но партия еще достаточно сильна, чтобы...

– Да, – рассеяно проговорил я.

Московский гость обиделся. Я попытался сгладить впечатление, но получилось еще хуже.

Наконец у меня над ухом раздался голос Кости:

– Вперед и с песней! – он похлопал меня по плечу с ободряющей улыбкой и дал последние указания: – Чтобы никаких эмоций, никаких внятных высказываний! Чем меньше смысла, тем лучше. Не умничай!

Я сглотнул слюну и бодро зашагал к проему широких двухстворчатых дверей, ведущих в конференц-зал. Оттуда валил яркий белый свет. Нет, это не Рубикон, это Стикс. Не достает только трехглавого пса.

Зал был набит до отказа и щедро освещался телевизионными юпитерами. Ко мне со всех сторон потянулись косматые клубки микрофонов, похожих на пушистых котят, закрепленных на длинных штангах–удилищах. Рыбная ловля на kota. Замерцали фотовспышки. Наползли телекамеры.

На секунду мне показалось, что все происходящее – следствие какого-то вселенского недоразумения. Почему все глядят в мою сторону? Мне вдруг захотелось, чтобы вся телевизионная техника вышла из строя и пресс-конференцию отменили.

Я быстро взбежал по боковой лесенке на сцену и сел за длинный стол, громко отодвинув лишние стулья. Со всех сторон светили прожектора. Я оказался в перекрестке света, как вражеский бомбардировщик. Луч прожектора прошелся по мне сверху-вниз, а потом снизу-вверх. Все кругом слилось в густое марево.

По виску потекла капля пота. «Мысли катятся, как пот». Кот – пот. К чему эта рифма? Голова была совершенно пуста.

Я попытался мысленно окружить себя защитным полем, но это плохо получалось. Хотелось сбежать, и только чудовищное усилие воли удержало меня на месте.

Зал на минуту притих. Я провел языком по сухим губам и нащупал в кармане смятые листки тезисов. Нет! Надо смотреть в зал с издевательской улыбкой чеширского кота.

В ногах первого ряда сидела прыщавая рыхлая толстуха с пегими волосами, типичная скандинавка. Час назад она донимала меня вопросом: что будут делать живущие здесь русские, когда Латвия вступит в НАТО? Я мычал, мычал, а потом выдал, что натовским солдатам здесь лучше не появляться, особенно в барах, потому что там им набьют морду. За что? Просто так. Она, конечно, ничего не поняла. Потом мой взгляд остановился на китайских журналистах, сидящих плотной группой. Вот уж действительно на ком взгляд отдыхает. Я улыбнулся Ай Шену и приветственно помахал ему рукой.

Следующую минуту я боролся с телеоператором, не позволяя ему светить телекамерой снизу. Но именно это он пытался сделать. Я наклонил голову и слегка повернул ее в сторону от окна. Чтобы не застыть в образе Сфинкса, мне пришлось варьировать руками, то опирая подбородок на сомкнутые ладони, то подпирая голову кулаком у виска. Эта незримая дуэль продолжалась несколько мгновений, пока оператор понял, что жертва ускользнула.

Модератор сочно обрисовал основные вехи нашей карье-

ры, назвав Мариса демократом, а меня коммунистом. Надо же! Ублюдок! Я не имел ничего общего с партией все двадцать лет своей сознательной жизни. И вот теперь, когда передовой отряд строителей коммунизма дал деру, мне тут отдуваться за всех. А чего я, собственно, хотел?! Чтобы меня представили, как умного, образованного человека, думающего не так как все?

Правильнее было бы представить меня как политического художника. Только в искусстве ценится одиночный протест.

Модератор еще что-то сказал, и я поймал себя на том, что киваю. Надо попридержать голову. Как бы мой нервный тик не приняли за знак согласия.

Марис с видимым удовольствием вкушал неповторимость исторического момента. Получив слово, он принялся излагать официальную точку зрения Народного фронта. В отличие от него я мог говорить все, что хочу. Свободен, наконец-то свободен⁵⁴.

Половина присутствующих в зале журналистов не совсем понимали, где находятся. По крайней мере мне так казалось. Раскрыв рты, они слушали сказку о двухвековом пути маленького и всеми обижаемого латышского народа на землю обетованную. Я почти физически ощутил чистоту рек и озер, шум сосновых лесов, экзотику хуторов, женский изгиб песчаного пляжа, свежесть омытых дождем уютных городков. Сейчас Марис скажет, что пришел русский Иван и все ис-

⁵⁴ Эпитафия на могиле Мартина Лютера Кинга.

портил. Точно! Он так и сказал: «Свидетельств о злодеяниях советов, появившихся за последнее время, вполне достаточно для нового Нюренбергского процесса. Для Латвии, как и для всей Балтии, Вторая мировая война еще не закончилась». Во как!

Мои раздумья были прерваны громом аплодисментов, сквозь которые пробивалась финальная фраза: «Независимая Латвийская Республика будет восстановлена завтра, и этому уже никто не сможет помешать»!

В животе возникла пугающая пустота.

И тут я получил слово. Волнение переместилось из области желудка в колени, потом в пятку левой ноги и... пропало. Я сощурил глаза, придвинул один из микрофонов поближе к себе и произнес еще непривычные для себя слова – «дамы и господа»:

– Господа! Я не думаю, что мировое сообщество согласится с пересмотром итогов Второй мировой войны. Нюренбергский процесс определил, кто агрессор, а кто жертва, и сделал это раз и навсегда. Народный фронт скоро свернет себе шею, оглядываясь назад. Уже началась третья мировая война, а для него еще вторая не закончилась.

В зале повисла гробовая тишина, прерываемая редкими смешками, и я заговорил быстрее, чтобы все сказать, пока публика не опомнилась.

–Господа! Я согласен, что моему народу нанесена тяжелая историческая травма. Но будущее в руках Народного

фронта не внушает мне оптимизма. Мы не только не знаем, куда идем, но и откуда.

Завтра будет провозглашено не новое государство, а восстановлено старое. Так называемая Первая Республика. Но прошлое и настоящее – слишком разделенные миры, чтобы так просто вернуться назад. Кроме того, Первая республика была злым этнократическим государством. Если использовать его в качестве объекта для подражания, то независимая Латвия не сможет стать демократией по определению. Нет ничего более опасного для новой истины, чем старое заблуждение.

В зале, наконец, зашумели.

– Я каждый день слышу, что в маленьком государстве легче навести порядок, чем в большом. Но тогда государственную независимость надо дать хутору, ибо там навести порядок еще легче.

Эта мысль кому-то не понравилась. Несколько латышских журналистов вскочили на ноги. Я продолжал:

– То, чего добивается Народный фронт, – не суверенитет. Латвия неизбежно превратится в провинцию другой империи, – по залу снова прошел шум. – Мы превратимся в жалких просителей дешевых европейских кредитов. Поэтому я хочу знать: какова цена вопроса? Стоит ли менять Москву на Брюссель?

Таким образом, я проговорил положенных мне семь минут. Все слова, написанные за столиком кафе на обороте сче-

та, были произнесены, как мне показалось, почти без запинки. Никаких аплодисментов я не ждал и смотрел только на Костю. Он был бледен. Наверно, я, как всегда, говорил очень заумно. К черту все! Духота стала невыносимой. Я вынул носовой платок, чтобы вытереть пот, но тут до меня дошло, что журналисты опишут мой жест, как выброс белого флага.

В зале началось вавилонское столпотворение. Все одновременно стали задавать вопросы на русском, латышском и английском языках.

Большинство вопросов было адресовано мне.

– Какие партийные посты вы занимали?

– Никаких. Я преподавал экономику в университете.

– Но вы были коммунистом!

– Как и большинство тех, кто завтра проголосует за независимость.

В третьем ряду руку тянул, если судить по визитке на груди, журналист из «Пари Матч», худой и низкорослый, как жокей, наполовину лысый, в больших очках, придававших ему вид испуганного гнома. Модератор дал ему слово. Лучше бы он этого не делал.

– Я не понимаю, почему вы держитесь за старое? – гном блеснул лысиной. – Весь цивилизованный мир строится на принципах экономического либерализма и политической демократии, – он говорил на чистейшем русском без намека на акцент.

– Общие рассуждения о незримой руке рынка и прочих

либеральностях меня ни в чем не убеждают. Что касается демократии... Я не против, но в местном исполнении этот проект меня исключает.

– Вас лично?

– Да. Мои отец и мать не были гражданами Первой республики, как и большинство русскоязычного населения.

– Но вы же латыш!

– Да, но мои родители до 1945 года жили в России.

– В программе Народного фронта нет никакой дискриминации по национальному признаку. Дайте мне сказать! Тише, тише! Я хочу процитировать слова одного из лидеров Народного фронта, – гном стал нервно перелистывать журналистский блокнот. – Вот! «Народный фронт Латвии авторитетно заявляет, что будет последовательно защищать стремление всех живущих в Латвии нацменьшинств к культурной автономии, национальному самоутверждению и пробуждению».

– Никогда столько не лгут, как во время войны, после охоты и до выборов.

– Это все, что вы можете сказать?

– Вам недостаточно?

– Народный фронт намерен интегрировать пришлое население. Вас это не устраивает?

– Интегрировать? – я пожал плечами. – Кого, куда? Вы хотите, чтобы мы все вместе отмечали день легионера Waffen SS и пели Хорст Вессель.

Шум в зале нарастал.

– У вас нет никаких оснований охаивать программу Народного фронта.

– Хорошо. Не буду. Прекрасная программа. Просто отличная! – Я взял лежащую перед Марисом программу Народного фронта и помахал ею. – Отвезите эту брошюрку в Париж и подарите Жаку Дерриде, надеюсь, вам известен этот французский философ, показавший миру, что скрывается за текстом. Уверен, он поместит ее в рамку как блестящий образец саморазоблачения. Там есть все: застарелые страхи, скрытые фобии, предрассудки, латентный фашизм и много чего еще. Можете попросить также Ролана Барта поискать в этом тексте скрытые коды и «значения второго порядка», их там – тьма. А если поднапрячься и разложить текст по Лакану – я на секунду онемел перед сложностью задачи, – то получится... получится не программа, а... полная белиберда.

Я хотел сказать – «хрен собачий», но постеснялся.

Марис не выдержал:

– Мы действительно хотим межнационального мира. Но мы не можем построить национальное государство так, чтобы никто не был обижен. Кому не нравится Латвия, пусть уезжает! – он произнес это спокойно, с благосклонной улыбкой епископа, дарующего отпущение грехов.

– Все правильно! Чтобы кто-то обрел будущее, кто-то другой должен его потерять, – парировал я. – Вот и ответ на все ваши вопросы.

Шведская журналистка, сидевшая как цыганка в ногах первого ряда, тоже подала голос:

– За Народный фронт проголосовало абсолютное большинство народа. Меньшинство должно подчиниться большинству.

– Только не надо ссылаться на народ. Народ – это та часть государства, которая не знает, чего хочет.

– «Народ тупит», – издевательски прокомментировал меня журналист, сидевший справа от француза.

– Это вы сказали! А я процитировал Гегеля. Нет никакого большинства. Есть технология одурачивания.

– Но вы же не будете отрицать, что общественное мнение склоняется не в вашу пользу, – не унималась шведка.

– Общественное мнение склоняется туда, куда оно склоняется, и вряд ли вы мне докажете, что это имеет хоть какое-то значение, – мне не хотелось полемизировать на эту проигрышную для меня тему, и я постарался, чтобы мой голос звучал как можно более отстраненно.

– Извините за фамильярность, – из задних рядов с вытянутой рукой высунулась немецкая журналистка, которую во время утреннего интервью Костя прозвал тевтонской кобылой, – но я действительно хочу понять, почему молодой образованный человек, латыш, и, как вы утверждаете, не связанный с коммунистами, защищает империю зла?

Напряжение в зале росло по всем правилам и требовало выхода. Самое время что-нибудь выкинуть.

– Я бы не хотел оперировать понятиями добра и зла. Как известно, они часто меняются местами. Прошедшие демократические выборы, которые тут все считают добром, были верхом цинизма, – я повысил свой голос до обличающей высоты, – разные по численности округа, джерримендеринг, лживые посулы, запугивание, – мой голос пронесся над залом и разбился о противоположную стену. – Официально заявляю: при выборах в Верховный Совет, который завтра проголосует за независимость Латвии, был нарушен основополагающий принцип демократических выборов, принцип – один человек, один голос.

Марис попытался перекрыть взорвавшийся зал:

– Допущенные нарушения были необходимы. Россия – это тотально порочное государство. Суть несвободы. Освобождение от России – путь к свободе.

Этот спич я не мог оставить без внимания. К счастью, шум немного поутих.

– Есть такая китайская сказка, – я посмотрел на китайских журналистов, – победивший дракона сам становится драконом. Империя зла будет побеждена, но на ее месте возникнут такие маленькие тоталитарные государства. Такие маленькие дракончики. Failed States. Я вообще не верю в полноценную государственность обиженного на историю этноса, – в зале снова поднялся шум, и мне пришлось повысить голос. – Уже само слово «нация» в устах Народного фронта звучит репрессивно. А теперь извините! Джентльменское уважение

к завтрашнему дню не позволяет мне больше рассуждать на эту тему.

– Я вижу, вы действительно безнадежны, – гном окончательно вышел из себя, мне даже показалось, что он полез в мою сторону по головам. – Вы самый обыкновенный коллаборационист!

– А те, кто сегодня радеют за нацию, активнее всех лизали задницу Москве.

Произошло то, что и должно было произойти, – я закусил удила. Еще чуть-чуть – и пресс-конференция превратится в скандал. Я посмотрел на Костю. Он сидел, расслабленно откинувшись на спинку кресла. Значит, не все так плохо.

К счастью, пресс-конференция внезапно закончилась. Модератор встал и объявил, что время истекло.

Несколько журналистов русских газет подошли пожать мне руку. Костя был в восторге.

– Превосходно, – радовался он, передвигаясь туда-сюда своей слегка прыгающей походкой. – Failed States! Блеск!

У меня было другое мнение.

– «Кричали женщины “ура!” и в воздух чепчики бросали...» Ты забыл о главном принципе пиара: все, кроме некролога. Боюсь, завтра меня вынесут ногами вперед.

– Наоборот! Тебя хотят видеть на телешоу «Сегодня вечером».

– Хватит с меня. Я сегодня слишком долго морочил людям голову.

Ко мне подскочила шведская журналистка. Из-под джемпера, облегающего фигуру, там и сям выглядывало ее розовое тело.

– У меня вопрос: что вы имели в виду, говоря о Failed States? – почти прокричала она на ломаном русском.

– Посмотрите в словаре.

Я повернулся, чтобы уйти.

– Стойте, стойте! А вступление в Евросоюз?

– Что Евросоюз? Пусть ему будет хуже.

– Прибалтика для Евросоюза гомеопатическая доза.

– Как бы она не стала каплей яда.

На выходе из зала я столкнулся с Костиной симпатией. Высокий рост, короткие каштановые волосы. Короткая, обтягивающая кожаная юбка с тонким светлым свитером, темно-серые туфли на устойчивом каблуке. Одна из тех коварных женщин, которые мучили мое воображение в нежном возрасте между «Алыми парусами» и «Декамероном».

Она протянула мне руку.

– Хочу с вами познакомиться. Вивиан Белчер, корреспондент лондонского журнала. Можно на английском?

Я кивнул, чувствуя, как у меня мгновенно пересохло в горле и чуть-чуть сжал пальцы ее руки.

– Чем могу быть... полезен?

Она одарила меня равнодушной улыбкой.

– Я бы хотела задать вам еще несколько вопросов.

– Вы чем-то не удовлетворены?

– О, вы прекрасно владеете английским! – ее комплимент был таким же лучезарно-равнодушным, как улыбка. – Я с большим интересом наблюдала, как вы порадовали публику и галантно покинули сцену. Но думаю, вам еще есть что сказать. Так вы согласны?

Разве я мог ей отказать!

– Давайте завтра вечером.

– Отлично! Я вас найду.

Она опять улыбнулась своей вежливой саксонской улыбкой и отошла так, что я непроизвольно качнулся ей вслед. Костя удержал меня за рукав:

– Я ж тебе говорил – прям, не можно глаз отвести!..

– Ты был прав, – я передернул плечами, сбрасывая наваждение. – А может, она просто насиликоненная шлюха...

– Ты что! У нее естественная грудь.

Я смотрел, как Вивиан под руку со своим кавалером идет к выходу. Ее грудь чуть покачивалась в ритм движению. Кавалер был ей под стать. Высокий, крепко сложенный, с темными, откинутыми назад волосами, в светлом, безупречно сидящем костюме и мягких ковбойках городского стиля. Так эти сапоги носят только тexasские миллионеры и политики Среднего Запада.

Я отошел к окну, ощущая потребность в глотке воздуха, и чуть отдернул штору. На ярко освещенной фонарями улице толпились люди. Они пели. У парадного входа стоял длинный черный «бьюик».

Костя встал у меня за спиной.

– Вот и американцы подъехали.

– Раз песенная революция, должен быть дирижер.

Вивиан со своим кавалером села в «бьюик» и укатила.

– Ты думаешь, они оба из ЦРУ?

– А разве здесь есть кто-нибудь не из ЦРУ или КГБ?

Костя почесал затылок:

– Есть. Ты и я. Правда, в тебе я не очень уверен. Шутка.

Мы опять помолчали.

– Девять из десяти революционеров – это всегда осведомители, – сказал Костя. – Интересно, почему революции все же случаются.

– Тебе лучше знать. Ты же историк. Но почему революция?

– Эта революция по отношению к предыдущей революции. Особенно по масштабам абсурда.

– Говорят, на набережной завтра соберется миллион.

– Что такое миллион? Единица и много-много нолей.

Я подтолкнул Костю плечом:

– Грех глумиться над эстетикой свободы.

До нас долетели яростные выкрики и захлебывающийся клекот мегафона. Я снова выглянул наружу. Там все еще колыхалась огромная толпа. Сквозь нее испуганно, по одному, пробирались депутаты фракции «Равноправие».

– Что будем делать? Отсюда не выбраться, – вздохнул Костя.

– Надо выбираться. Марсо никогда не поверит, что я всю ночь защищал всеми плюнутую советскую власть. Пошли!

В этот момент к нам подошел незнакомый мужчина. Он был на полголовы выше меня и шире в плечах.

– Уходим через парадный вход, – незнакомец говорил на чистом русском языке и был совершенно спокоен. – Держитесь вплотную за мной.

Мы переглянулись и подчинились.

Воздух снаружи был пропитан неконтролируемым буйством. Со всех сторон выкрикивали мое имя. В какой-то момент я подумал, что закончу день на фонаре.

Однако незнакомец уверенно шел сквозь толпу, как будто ее и не было. Значит, кто-то все же контролирует ситуацию. Это обнадеживало.

Толпа расступалась и смыкалась за нами.

Марсо сидела в кресле и говорила по телефону.

«Он вообще ничего не делает по дому! Он просто не способен на это. У него голова работает по-другому, чем у всех остальных. Он в своем мире. Он даже ничего слышит. Вечно витает в облаках, правда, время от времени вынужден возвращаться, но не часто. И на меня матом. Пока не услышишь, не поверишь. Все, явился, надо идти его кормить».

Положив телефонную трубку, Марсо подошла ко мне и обняла за шею:

– Ну что, навоевался?

– Ты права: я ни на что не способен.

– Видела тебя по телевизору. Не знаю, какие там приемы у этих телевизионщиков, но твоя очкастая физиономия блесла на всю страну, как сальная тарелка, поставленная на ребро под лампу.

– Неужели я так плохо выглядел?

Марсо пожала плечами и села на тахту, подобрав под себя ноги.

– Ладно, не буду тебя расстраивать. Та сторона выглядела еще хуже. Но чего ждать от тех, кто пришел с выпаса...

– Тоже мне, аристократка! Там половина моих однокашников и коллег по университету.

– Вот я и говорю.

– Чем я-то тебе не понравился?

– Всем! Ты говорил заумно. И вяло. Никого не воодушевил. Ты все время что-то объяснял. Не знаю. Ты был похож на профессора математики, который безуспешно борется с патетикой тупого студента. Я, конечно, дура, но мне кажется, что политика так не делается. Нужен лозунг. Простенький такой, глупейший лозунг. Как у Народного фронта «Не дадим русским съесть латвийское масло!» Отлично! Супер! А ты? Рыночная экономика такая и такая – бу, бу, бу. Куда вы свое масло денете – бу, бу, бу. Да плевать! Латыши хотят рискнуть, довериться провидению. Они говорили о высокоме. А ты? Никаких восторгов души. Куда делся твой романтизм? Ты стал занудой. Всех учишь. Хотя, что я говорю. Что бы ты ни делал, всегда получается лекция.

– А что я должен был сказать?

– Ты должен был сказать: засуньте это масло себе в задницу!

С присущим ей инстинктом Марсо опять спасала меня от самого себя, превращая все, что я делаю, в труху.

– Ты согласился возглавить фракцию «Равноправие»? – осторожно спросила она.

– Нет.

– Хоть одна хорошая новость за весь день! – в ее голосе прозвучала неподдельная радость. – Тебе надо думать не об этой идиотской фракции, которая без тебя не может даже через губу переплюнуть, а о семье.

– Ну, началось!

– Нет, ты послушай! Ты изображаешь оппозицию. Создаешь иллюзию сопротивления. Играешь в какую-то дурацкую игру. Я знаю, ты заварил всю эту кашу из-за своего дурного характера. А у остальных очень нехилые планы. Начальниками хотят стать. Разъехаться по границам. Сволочи!

Я закрыл глаза и прикрыл их ладонью.

– Неужели ты не видишь, что я стараюсь не перегибать палку. Ради тебя и дочери.

– Спасибо и на этом. Все, заканчиваем. Иди есть.

Я сел за стол. Марсо поставила передо мной дымящуюся тарелку риса, на поверхности которого виднелись разноцветные пятнышки овощей.

– А что у тебя? – мой вопрос прозвучал насквозь фаль-

ШИВО.

– Какая разница? Ты же у нас кормилец. Вот и скажи, как жить дальше? Денег больше нет.

Я набил рот рисом, чтобы не говорить. Единственное, чего Марсо не умела делать, – это возвращать мне подорванную веру в себя. Ее постоянные: «Я верю в тебя!», «Ты можешь все!» – меня всегда только раздражали.

– Я очень устал и хочу спать. Завтра опять сумасшедший день.

– И кто в этом виноват? Когда ты истратил все наши деньги на предвыборную кампанию, я думала, что ты отдаешь себе в этом отчет.

Я посмотрел на дно своей чашки:

– Ради бога, не надо ничего говорить! Час ночи. Дай покой!

– Это я не даю покоя?! Ты бы посмотрел на себя! Сам успокойся.

– Я спокоен. А ты нет. Давай, давай, скажи какой я хам, пьяница, эгоист, бабник и вообще скотина. Как я загубил твою жизнь.

– Не ори на меня! Я ни в чем не виновата! Извинись сейчас же!

– Извини!

– Тебе извиниться – раз плюнуть, – продолжала давить Марсо. – Я хочу налаженной жизни, чтобы все по своим местам. А ты превращаешь нашу жизнь в кошмар.

Марсо принялась переставлять вещи с места на место, как это она делала всегда во время скандалов, перемещая беспорядок из одного угла в другой.

– Почему эти ключи валяются здесь? Почему ты их бросаешь куда попало? Потом опять будешь искать.

– Это же глупо искать ключи там, где они должны быть!

– А что не глупо? Сначала ты потеряешь ключи, а потом голову.

– Может, хватит? Иногда мне кажется, что основное твое занятие в этой жизни – волноваться. Каждый раз, когда я выхожу за пределы очерченного тобой круга, у тебя начинается истерика.

– По-твоему, лучше жить этой ужасной, запуганной жизнью, как сейчас? – Марсо высоко подняла голову, чтобы сдержать слезы, и закрыла глаза. – Хотя ты всегда так жил, на грани обмана. А я этого не замечала. Или не хотела замечать, – у нее задрожала нижняя губа и задергались плечи.

– Бога ради! Перестань.

– Тебя посадят. Нет ничего глупее, чем сидеть за идею. Лучше укради что-нибудь! Завтра надо платить за музыку и танцы. За английский. Или ты хочешь, чтобы наша дочь все бросила. Ради чего? Чтобы ты мог покрасоваться на трибуне?

Я взял ее лицо в ладони. Она тихо сказала: «Сделай хоть один шаг мне навстречу. Скажи мне, что мы вместе».

– Мы вместе, – я погладил ее светлые коротко подстри-

женные волосы.

Марсо все еще пыталась сдержать слезы.

– Думаешь о том, как завтра выступить перед толпой? – спросила она.

– Да, перед парламентом. Но толпа будет стоять под окнами.

– Неужели ты не все сказал?

– Я прочитал только первую лекцию. А надо прочесть весь курс.

Я сел в кресло и уставился в окно. С каждой секундой мысль о том, что предстоит мне завтра, становилась все более и более невыносимой.

Понимая, что этого делать не надо, я позвонил Косте.

– Слушай, а что, если я завтра припомню всем Кревскую Унию.

– Это как?

– Подписав в XV веке Кревскую Унию⁵⁵, Литва стала членом тогдашнего Евросоюза. После этого на поле битвы при Грюнвальде литовцы пришли в звериных шкурах. А в рассказе Проспера Мериме «Локис», по-литовски «медведь», Литва – непроходимый лес, полный жути. Дело было в середине прошлого века. Через четыреста лет после Унии.

Костя, что-то промычал спросонья.

– «Локиса» я не читал... но знаю, что Проспер Мериме был великим мистификатором. Иди-ка ты спать.

⁵⁵ Союз Литвы с Польшей.

– Нет, я серьезно. Жена только что мне устроила выволочку. Оказывается, я все неправильно говорю.

– Меньше ее слушай. Я подумаю.

Ворочаясь с боку на бок, я старался, чтобы мои мокрые волосы не разметались по подушке. Марсо лежала рядом, неподвижно глядя в потолок. Вдруг она повернулась, приподнялась на локте и, поймав мой взгляд своими печальными глазами, долго на меня смотрела. Это был взгляд матери, которая понимает, что ребенок у нее – урод, но она никогда не признает этого перед другими.

Древний Египет, Фивы. 974 год до нашей эры

Ной плыл в Танис.

До Мемфиса Нил был зажат между двумя горными грядами, потом горы сворачивали на восток и на запад, а река разбивалась на несколько рукавов. Воды катили к морю по широкой равнине.

Ной решил отказаться от охраны. Но за его кораблем плыл еще один корабль, на котором в полной готовности находился боевой отряд нубийского корпуса численностью семь человек. Его личная гвардия. В нубийской армии их называли великолепной семеркой.

Перед отплытием Усеркаф принес ему брошенную расхитителями гробниц погребальную статуэтку. Кенотаф действительно принадлежал Амон-Асет. На его стенах наскоро были высечены тексты и сцены из ее жизни, со всеми победами и поражениями.

Ушебти оказался полым. Из него выпал кусок папируса с ничего не значащим текстом. Но Таисмет удалось его расшифровать, пользуясь только ей известным шифром.

Папирус сообщал, что Амон-Асет с небольшим отрядом прошла вверх по Нилу, потом по его притоку, пересекла высокое плоскогорье и дошла до озера, из которого вытекает

Нил. Там она купила у местного племени остров.

Чтобы по этим сведениям составить карту, Ною был нужен архив Таниса.

Как папирус оказался в кенотафе, было непонятно. Возможно, кто-то из окружения Амон-Асет после ее смерти вернулся назад и дополнил картину ее жизни. Но где она похоронена, он так и не сообщил.

Недалеко от Мемфиса корабль обогнал две баржи, груженные зерном. Видимо, о них рассказывал Асут на допросе у Усеркафа.

На корабле было весело. Ной объелся жареной говядиной, баклажанами со сливками, пирожками, которые подала ему восхитительная ливийка. Ной считал себя непревзойденным любовником, но ливийка принимала такие немислимые позы, что на третий день он запросил о пощаде.

Шкипер выбрал один из восточных рукавов Дельты и вскоре в дымке полуденных испарений показался Танис, окаймленный холмами, по склонам которых были разбросаны дома и сады. В центре города возвышался роскошный дворец царя, построенный Рамсесом Великим. Рядом высились каменные громады храмов и дворцов, с ярко раскрашенными рельефами стен.

Град Рамсеса, затмивший Фивы.

По реке сновало множество лодок, белых, желтых, красных, похожих на опавшие листья.

Причал был сплошь усеян толпами одетых в праздничные

одежды горожан с зелеными ветками в руках. Слышались песни, раздавались звуки бубна и флейт. Ной понял, что народ собрали в его честь. От толпы отделилась группа молодых девушек и обвила его цветами.

На причал выехала колесница. Ной быстро вскочил на нее и, перехватив вожжи, быстро понесся во дворец.

Дворец был великолепен. Его наружные стены снизу доверху были покрыты барельефами.

Приближаясь к нему, Ной понял, что это – ловушка. Неожиданные почести, оказанные ему за бегство из нубийских земель Египта, могли означать только одно – над ним сгустились тучи.

Он подумал о бегстве. На боковой улице находилась гостиница, принадлежащая знакомому финикийскому купцу, где можно укрыться. Краем глаза он даже увидел этот огромный квадратный дом с узкими окнами. Но отступить было поздно.

Ной бросил возничему вожжи. Перед ним лежал раскаленный на солнце двор, в котором толпились солдаты и дворцовая челядь.

Еще некоторое время он медлил. Одна из лошадей ткнулась ему в руку мягкими губами.

В тронный зал можно было пройти прямо со двора. Однако Ной обошел здание и зашел в него с парадного входа, толкнув огромную, покрытую золотом кедровую дверь.

Некоторое время он постоял у входа, вглядываясь в полу-

мрак. Потом прошел по длинному коридору в зал фараона.

Зал был полон народу. На узорчатом мозаичном полу стояли приближенные, высшие государственные сановники, жрецы, полководцы.

Его появление вызвало тихий ропот, но все расступились, оставляя узкий проход. Стараясь не смотреть по сторонам, он медленно прошел к возвышению, на котором стоял трон из черного дерева, и облокотился об одну из колонн. Ропот постепенно смолк, воцарилась тишина. Все ждали появления царя.

Выход Сиамуна к Совету был сложным церемониалом, над которым тяготела сила древних традиций. Прошел час, но ничего не происходило. Попахивало псиной.

От нечего делать Ной окинул взглядом присутствующих. Половина из них стояла без париков. По древней традиции, ставшей последним словом моды, многие отрастили волосы на правой стороне головы и состригли на левой.

Наконец в отдаленных покоях послышался звон колокольчика и бряцание оружия. В зал вошли телохранители, а слуги внесли носилки с фараоном, который восседал на них как на троне, окруженный дымом благовоний. На нем был белый плащ, голову украшала двойная корона Египта. В руках – Крюк и Бич. Он медленно сошел с носилок, окинул взором присутствующих и воссел на трон. Направо от него встал верховный писец, налево – верховный судья с жезлом, оба в огромных париках.

Ной нащупал под одеждой кинжал. Живым он в руки этой придворной сволочи не дастся.

По знаку верховного судьи все сели на пол.

Фараон еще раз окинул взором зал и остановил свой взгляд на Ное.

– О! Царский сын Куша⁵⁶ тоже здесь.

Сохраняя хладнокровие, Ной отрезал:

– Меня позвали – я пришел.

Сиаmun окинул его взглядом с ног до головы

– И даже не снял сандалий.

Ной склонился в поклоне и твердо произнес:

– Да живешь ты вечно и да наполнит слава твоих деяний оба мира. Напомню тебе, что двадцать лет назад ты пожаловал моему отцу и мне право являться пред тобой в сандалиях.

Сиаmun наморщил лоб:

– Да, припоминаю, это было после славного похода на Кадеш. Что ж, подойди поближе и расскажи нам о том, как ты отдал царские земли нубийским голодранцам, которым вдруг захотелось собственного государства. Мне смешно! Ха, ха, ха! А вам? – Сиаmun перевел взгляд на присутствующих. – Что будем с ним делать?

Раздались смешки, но никто ничего не сказал. Ной спокойно подошел к Сиамуну и присел невдалеке от его ног. Как только наступила тишина, он с расстановкой произнес:

⁵⁶ Наместник Нубии.

– Напомню тебе, что решение вывести войска было принято здесь, в этом зале, и сообщено мне военным министром. И это было правильное решение. Нубийский корпус голодал. А в Мерое, за седьмым порогом, нубийцы уже строят будущую столицу своего государства. Лучшее, что мы можем сделать для Египта, – это отказаться от того, что не есть Египет.

– Можешь мне об этом не рассказывать, – нетерпеливо прервал его Сиаmun, – твои краткие и четкие донесения давали мне возможность окинуть взглядом Куш, как будто я сам стою на вершине горы. Но ты оставил в Куше огромное количество египтян, им всем теперь грозит смерть.

– Нет, не грозит. Египетские жрецы храма Амона в Напате поддерживают кушитскую знать.

Сиаmun покраснел и стал раздуваться от злости.

– Поддерживают этих оборванцев? Предатели! Я всегда говорил, что если перестают чтить скарабеев, то скоро перестанут бояться Урея. Из неуважения к власти рождается бунт. Почему ты не расправился с бунтовщиками?

– Они не бунтовщики.

– А что творится на старой границе, в Бухене⁵⁷?

– Никакой границы больше нет.

– Абу Симбел⁵⁸?

– Песок засыпает стелы, храмы разрушаются. Печально

⁵⁷ Египетская крепость перед вторым порогом Нила.

⁵⁸ Храм на берегу Нила за первым порогом, построенный Рамсесом Великим.

стоят статуи наших богов, над ними гуляет ветер пустыни.

Фараон театрально простер руки к потолку и произнес словно молитву:

– Сердца наших богов преисполнены грусти. Но зло будет наказано. То, что не было наказано сейчас, непременно будет наказано после, – Сиаmun опустил руки и опять уперся взглядом в Ноя. – Надо перебросить нубийский корпус сюда, чтобы проучить ливийцев. Пора им напомнить времена Рамсеса Великого. А то наши внуки застанут их на берегах Нила. Они без колебаний разрушат наши храмы и призреют наши законы. Что вы об этом думаете? – Сиаmun обратился к присутствующим. Но его слова ушли в пустоту. Он махнул рукой и снова повернулся к Ною. – Ну, а ты что об этом думаешь? Не ты ли был славен когда-то тем, что разогнал толпы бродяг, пришедших с Востока? Этих дикарей с обкромсанными бородами, намотанными на голову тряпками и длинными одеждами. Почему бы тебе не сыскать теперь славу на Западе? Правда, у ливийцев, как и у всех упрямец, голова крепкая, хотя и вся в перьях⁵⁹. Надо бить, бить и бить по этим головам. Придет время, и дети мерзких ливийских князьков будут чистить горшки на моей кухне, а их жены будут моими наложницами, – Сиаmun сделал непристойный жест бедрами. – Ливийцы – самые подлые и самые хитрые существа на свете. Они нарушили клятву верности Египту, медлят с уплатой дани, снюхались с финикийцами и еврея-

⁵⁹ Древние ливийцы нередко носили для украшения перья страуса в волосах.

ми. Ох уж эти евреи! Они пробираются в наши владения, как крысы в амбары: стоит одной пролезть в щелку – и за ней придут другие. Черт знает что! И еще эти рыжие, ненавижу рыжих!⁶⁰ – Сиамун почувствовал, что стал заговариваться, и растерянно посмотрел по сторонам. Но через секунду его лицо опять приняло надменное выражение.

– Мы еще не оправились от предыдущей войны, – сказал Ной, – и должны окрепнуть, прежде чем начать новую.

– Чушь! – зарычал Сиамун. – Одна удачная война обогатит нашу казну, как разлив Нила – наши поля. А ты что скажешь, Хермор? – фараон перевел взгляд на правителя Дома войны.

– Народ пребывает в неге и боится смерти, – неуверенно пробормотал тот, понимая, что получит отлуп. – Только хорошо оплачиваемые наемники готовы безропотно сражаться.

– Я что-то не понимаю, – рассердился Сиамун. – Разве спасение Египта – недостаточный мотив для гибели? Неужели я обречен быть в окружении трусов, которые готовы расстаться с жизнью, стараясь ее спасти? Я истопчу ваши тени, и ваши имена позабудут на земле. А что, – Сиамун перевел взгляд на Ноя, – Великий жрец Амона не передаст нам фи-ванский корпус?

⁶⁰ Персы любили красить волосы хной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.